

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Удмуртский государственный университет»

На правах рукописи

Мерзлякова Наталия Павловна

**СИСТЕМА НЕПРОТОТИПИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ
СУБЪЕКТНЫХ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Левицкий Ю. А.

Ижевск – 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	12
1.1. ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ТЕОРИИ МОДАЛЬНОСТИ.....	12
1.2. ПОНЯТИЕ МОДАЛЬНОСТИ В ЛИНГВИСТИКЕ	22
1.3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ.....	36
1.4. СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТНОЙ МОДАЛЬНОСТИ.....	40
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ	62
ГЛАВА II. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕПРОТОТИПИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТНОЙ МОДАЛЬНОСТИ.....	65
2.1. СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ СУБЪЕКТНУЮ МОДАЛЬНОСТЬ В КОНСТРУКЦИИ <i>V + ZU + INF</i>	67
2.2. СЕМАНТИКА ПРЕДИКАТИВОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ СУБЪЕКТНУЮ МОДАЛЬНОСТЬ В КОНСТРУКЦИИ <i>COP + ADJ / PART + ZU + INF</i>	85
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	99
ГЛАВА III. СИСТЕМА НЕПРОТОТИПИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТНЫХ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ	101
3.1. СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТНОЙ МОДАЛЬНОСТИ ЖЕЛАНИЯ.....	102
3.2. СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТНОЙ МОДАЛЬНОСТИ ВОЗМОЖНОСТИ	112
3.3. СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТНОЙ МОДАЛЬНОСТИ НЕОБХОДИМОСТИ	123
3.4. СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТНОЙ МОДАЛЬНОСТИ ПРИВЫЧНОСТИ ДЕЙСТВИЯ	129
3.5. СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТНОЙ МОДАЛЬНОСТИ ОЦЕНКИ.....	130
ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ	141
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	144
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	149
СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ	168
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	170

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено исследованию системы непрототипических средств выражения субъектных модальных значений.

Актуальность исследования. Исследование категории модальности является одной из наиболее динамично развивающихся сфер современного языкознания. Самый пристальный интерес к категории модальности подтверждается многочисленными работами отечественных и зарубежных ученых: В. Г. Адмони, Ш. Балли, Е. И. Беляева, Й. Буша, В. Н. Бондаренко, А. В. Бондарко, В. В. Виноградов, Е. В. Гулыга, В. В. Гуревич, Т. И. Дешериева, Г. Дивальд, Е. А. Зверева, А. В. Зеленщиков, Г. А. Золотова, Г. В. Колшанский, Е. Е. Корди, Ю. А. Левицкий, Т. П. Ломтев, И. И. Мещанинов, Г. П. Немец, В. З. Панфилов, Н. Е. Петров, М. Райс, О. В. Трунова, Л. Г. Фридман, Г. Хельбиг, С. Н. Цейтлин, М. А. Шелякин, Е. И. Шендельс, У. Энгель, Р. О. Якобсон и др. Тем не менее многоплановость семантики категории модальности, разнообразие средств её выражения, а также множественность возможных соотношений между формой и содержанием в процессе речевого функционирования позволяют определить категорию модальности как одну из наиболее сложных и противоречивых категорий языка. Особую актуальность проблема модальности приобретает в настоящее время в связи с особым вниманием к роли языка как средства коммуникации и передачи информации. Для глубокого изучения проблемы модальности необходим фактический материал разных языков, целый ряд частных и обобщающих исследований, в том числе и на стыке других наук. Первостепенное значение имеет глубокое и всестороннее изучение средств выражения модальности, представляющих собой важнейшее организующее и актуализирующее начало в процессе речевого общения. При этом исследованию подлежат не только исходные, первичные, прототипические, средства выражения модальности, но и вторичные – непрототипические.

Большое количество работ посвящено проблеме собственно модальных глаголов как одного из прототипических средств выражения модальности: Е. И. Беляева, Й. Буша, И. М. Вайсбейн, Е. В. Гулыга, Е. Е. Корди, Е. А. Крашенинникова, К. Г. Крушельницкая, О. И. Москальская, Е. А. Натанзон, С. И. Небыкова, М. Райс, Д. А. Рейнгольд, О. В. Трунова, З. Я. Тураева, С. Н. Цейтлин, Н. И. Шахова, Е. И. Шендельс, У. Энгель и др. Однако кроме собственно модальных глаголов, существует целый ряд глаголов и предикативных сочетаний, эквивалентных модальным глаголам функционально и семантически. Так же как и собственно модальные глаголы, они характеризуют отношение субъекта к приписываемому ему предикативному признаку. Изучение данных непрототипических средств выражения субъектной модальности осуществлялось спорадически. Между тем комплексное исследование их семантических особенностей и системных отношений позволит развить не только частную проблематику субъектной модальности и средств её выражения, но и уточнить содержательный объём лингвистической модальности в целом.

Объект настоящего диссертационного исследования составляет субъектная модальность как отношение субъекта к приписываемому ему предикативному признаку.

Предметом исследования являются непрототипические средства выражения субъектной модальности, их семантика и системные отношения.

Научная новизна работы заключается прежде всего в самом предмете исследования – непрототипических средствах выражения субъектной модальности. В работе существенно расширяется список непрототипических средств выражения субъектных модальных значений, детально исследуются их семантика и системные отношения.

Теоретической и методологической основой настоящей работы послужили труды в области категории модальности В. Г. Адмони, Ш. Балли, А. В. Бондарко, В. В. Виноградова, Г. А. Золотовой, Т. П. Ломтева, В. З. Панфилова, Н. Е. Петрова, О. В. Труновой, Е. И. Шендельс и др.; работы, касающиеся модальных глаголов, Й. Буша, Г. Вайнриха, Е. Е. Корди, Ю. А. Левицкого, П. А. Леканта, Г. Хельбига, Е. И. Шендельс, У. Энгеля и др.

Тема и подход к изучению языкового материала определили **цель** исследования, которая заключается в построении системы непрототипических средств выражения субъектных модальных значений.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- раскрывается логико-философская сущность категории модальности;
- выявляется языковой статус категории модальности;
- определяется семантический объём лингвистической категории модальности;
- определяется место субъектной модальности в функционально-семантическом поле модальности;
- анализируется проблема дифференциации модальных глаголов в современной теоретической литературе;
- выявляются непрототипические средства выражения субъектных модальных значений;
- анализируются и систематизируются лексико-семантические значения, выражаемые непрототипическими средствами, описываются семантические поля, соответствующие выявленным лексико-семантическим группам.

Методы, применяемые в работе, определяются как предметом исследования, так и поставленными задачами. Работа выполнена с позиций функционального подхода, специфика которого заключается в движении «от семантики к её формальному выражению» и «от формы к семантике», т. е. используется сочетание ономаσιологического и семасиологического подходов, что предопределяет обращение к философскому, формально-логическому и когнитивному аспектам категории модальности.

В работе используются конкретные лингвистические методы: метод дистрибутивного анализа, метод семантического развёртывания, методы дефиниционного и компонентного анализа, метод матричного анализа, приём трансформаций, перевод с одного языка на другой, методы сплошной и селективной выборки.

Материалом исследования послужили 3500 примеров, полученных в результате сплошной выборки из художественных произведений современной немецкой и русской литературы, частичной выборки из электронной библиотеки Die digitale Bibliothek der deutschen Literatur und Philosophie, из словарей современного немецкого языка: Duden Deutsches Universalwörterbuch, Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache, а также справочников по грамматике немецкого, русского, английского, удмуртского и некоторых других языков.

Теоретическая ценность работы заключается в уточнении понятия, статуса и семантического объёма категории модальности на основании её философского и логического понимания, определении места субъектной модальности в функционально-семантическом поле модальности, расширении традиционной парадигмы средств выражения субъектной модальности за счёт включения в неё непрототипических лексико-грамматических средств, в выстраивании системы модальных значений, реализуемых данными средствами.

Практическое применение. Основные выводы и материал исследования могут быть использованы в преподавании лингвистических дисциплин: общего языкознания, теоретической грамматики, при обучении практическому владению немецким и русским языками, переводу, а также при сопоставительном изучении близкородственных и типологически различных языков. Представляется возможным включение полученных данных в спецкурсы и семинарские занятия по проблемам функциональной грамматики, семантико-синтаксической организации предложения, сравнительной типологии разноструктурных языков. Результаты работы могут найти отражение в лингводидактических разработках, касающихся формирования у учащихся семантико-синтаксической компетенции в плане разграничения омонимичных и синонимичных конструкций в области родного и иностранного языков. Теоретический материал исследования может также представлять интерес для специалистов в области философии, логики, когнитивной лингвистики.

Концептуальные идеи настоящего диссертационного исследования отражены в следующих **положениях, выносимых на защиту**:

- 1) отношение субъекта к приписываемому ему предикативному признаку, прототипическим средством выражения которого являются модальные глаголы, составляет основу субъектной модальности;
- 2) субъектная модальность, сочетая признаки реального и ирреального, относится к сфере потенциальности и к полю реальности в широком смысле;
- 3) модализованные глаголы и предикативы, сочетающиеся с инфинитивом и квалифицирующие характер связи субъекта и предиката, являются непрототипическими средствами выражения субъектных модальных значений;
- 4) непрототипические средства выражения субъектной модальности образуют лексико-семантические группы со значениями желания, возможности, необходимости, привычности действия, оценки, каждая из которых может быть представлена в виде семантического поля.

Апробация исследования. Материалы и основные положения работы докладывались и обсуждались на научных и научно-практических конференциях различного уровня: международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистического образования: теоретические и методологические аспекты» (Самара, 2004); международной научно-практической конференции «Английский язык в поликультурном регионе» (Ижевск, 2005); первой международной научно-практической конференции «Языки и межкультурная коммуникация в современном мире» (Новомосковск, 2006); международной научной конференции «75 лет высшему образованию в Удмуртии» (Ижевск, 2006); международной научно-практической конференции «Иностранные языки и литература в современном международном образовательном пространстве» (Екатеринбург, 2007); международной конференции к 80-летию С. Я. Гельберг «Многоязычие и межкультурное взаимодействие» (Ижевск, 2008).

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Публикации в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ:

1. Мерзлякова, Н. П. Конструкции *глагол-связка + прилагательное / причастие* как модальные операторы сказуемого / Н. П. Мерзлякова // Вестник Челябинского государственного педагогического ун-та. – Челябинск, 2007. – № 9. – С. 236–246.

Публикации в других изданиях:

1. Казанцева, Н. П. О признаках выделения модальных глаголов в немецком языке / Н. П. Казанцева // Актуальные проблемы лингвистического образования: теоретические и методологические аспекты: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. – Самара: Самарская гуманитарная ак-я, 2005. – С. 164–165.

2. Мерзлякова, Н. П. Модальные значения в логике и лингвистике / Н. П. Мерзлякова // Тезисы докладов 33-й итоговой студенч. науч. конф. – Ижевск, 2005. – С. 56–57.

3. Мерзлякова, Н. П. О модусных, модальных и квазимодальных глаголах в немецком языке / Н. П. Мерзлякова // Седьмая науч.-практ. конф. преподавателей и сотрудников УдГУ, посвященная 245-летию г. Ижевска: материалы конф. – Ижевск, 2005. – Ч. 1. – С. 263–265.

4. Мерзлякова, Н. П. О месте модальных глаголов в современном немецком языке / Н. П. Мерзлякова // Английский язык в поликультурном регионе: материалы междунар. конф. – Ижевск, 2005. – Ч. 2: Тезисы. – С. 133–136.

5. Мерзлякова, Н. П. Модальные глаголы немецкого языка со значением решимости / нерешимости / Н. П. Мерзлякова // 75 лет высшему образованию в Удмуртии: материалы междунар. науч. конф. – Ижевск, 2006. – Ч. 1. – С. 138–140.

6. Мерзлякова, Н. П. Модальные глаголы немецкого языка со значением намерения / Н. П. Мерзлякова // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: межвуз. сб. науч. ст. – Тамбов: ТОГП «Тамбовполиграфиздат», 2006. – Вып. 1. – С. 326–328.

7. Мерзлякова, Н. П. О системе модальных глаголов немецкого языка / Н. П. Мерзлякова // Тезисы докладов 34-й итоговой студенч. науч. конф. – Ижевск, 2006. – С. 31–33.

8. Мерзлякова, Н. П. Глаголы речи как модальные операторы сказуемого (на материале немецкого, английского и русского языков) / Н. П. Мерзлякова // Языки и межкультурная коммуникация в современном мире: материалы первой междунар. науч.-практ. конф. – Новомосковск: НФ УРАО, 2006. – Т. 1. – С. 91–94.

9. Мерзлякова, Н. П. Синтаксическая функция модальных глаголов / Н. П. Мерзлякова // Иноязычное образование: Филология. Педагогика. Лингводидактика: сб. науч. ст. к 65-летию ИИЯЛ и 60-летию профессора В. А. Аветисяна. – Ижевск, 2006. – С. 116–124.

10. Мерзлякова, Н. П. Подлежащее в предложениях с модально преобразованным сказуемым (на материале немецкого и русского языков) / Н. П. Мерзлякова // Альманах современной науки и образования. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: межвуз. сб. науч. тр. – Тамбов: Грамота, 2007. – Ч. 2. – С. 192–194.

11. Мерзлякова, Н. П. Проблема классификации модальных глаголов в современном немецком языке / Н. П. Мерзлякова // Вестник Удмуртского университета. Вып. 5. Филологические науки: электр. науч. журнал. – Ижевск, 2007. – Ч. 2. – С. 123–130. – Режим доступа: <http://vestnik.udsu.ru>.

12. Мерзлякова, Н. П. О модальных глаголах в немецком и русском языке / Н. П. Мерзлякова // Сопоставительные исследования 2007. – Воронеж: Истоки, 2007. – С. 177–180.

13. Мерзлякова, Н. П. О грамматизации модальных глаголов в немецком языке / Н. П. Мерзлякова // Иностранные языки и литература в современном международном образовательном пространстве: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 2007. – Т. 1. – С. 406–412.

14. Мерзлякова, Н. П. Особенности инфинитивных групп при глаголах модальности / Н. П. Мерзлякова // Альманах современной науки и образования. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика

преподавания языка и литературы: межвуз. сб. науч. тр. – Тамбов: Грамота, 2007. – Ч. 3. – С. 135–137.

15. Мерзлякова, Н. П. Глаголы модальности со значением субъективно-эмоциональной оценки (на материале немецкого языка) / Н. П. Мерзлякова // Тезисы докладов 35-й итоговой студенч. науч. конф. – Ижевск, 2007. – С. 253–255.

16. Мерзлякова, Н. П. Семантико-синтаксические особенности модальных глаголов *GLAUBEN* и *SCHEINEN* / Н. П. Мерзлякова // Языковое образование в полиэтническом регионе: материалы респ. конф. – Ижевск, 2007. – С. 132–134.

17. Мерзлякова, Н. П. Модально-аспектуальные связи в русском и немецком языках / Н. П. Мерзлякова // Многоязычие и межкультурное взаимодействие: материалы междунар. конф. к 80-летию С. Я. Гельберг. – Ижевск, 2008. – С. 181–182.

18. Мерзлякова, Н. П. Модальные глаголы со значением желания (на материале немецкого языка) / Н. П. Мерзлякова // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: сб. науч. тр.– Тверь: Тверской гос. ун-т, 2009. – Вып. 9. – С. 61–65.

Композиция диссертации отражает ключевые этапы и логику предпринятого исследования. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка используемой литературы, списков словарей и справочников, источников иллюстративного материала и принятых сокращений.

Во **введении** обосновывается актуальность темы, раскрывается научная новизна, формулируются объект, предмет, цели и задачи исследования, излагаются теоретические и методологические основы исследования, материал исследования, определяется теоретическая и практическая значимость работы.

Глава I «Теоретические основания исследования» посвящена анализу категории модальности в философском, формально-логическом и лингвистическом аспектах. Рассматривается многообразие значений, причисляемых к категории модальности в формальной логике и лингвистике. Определяются статус и семантический объём категории модальности. Определяется место субъектной модальности в функционально-семантическом поле модальности.

Рассматриваются традиционные и современные подходы к изучению прототипических и непрототипических средств выражения субъектных модальных значений.

В главе II «Семантические особенности непрототипических средств выражения субъектных модальных значений» освещаются некоторые непрототипические способы выражения субъектной модальности в немецком и русском языках. Детальному семантическому анализу подвергаются глаголы, выражающие субъектную модальность в конструкции **V + zu + Inf**, и предикативы, выражающие субъектную модальность в конструкции **cop + Adj / Part + zu + Inf**.

В главе III «Система непрототипических средств выражения субъектных модальных значений» осуществляется систематизация выявленных глаголов и предикативов. Выявляются наиболее общие модальные значения, в соответствии с которыми глаголы распределяются по лексико-семантическим группам. В каждой группе, в свою очередь, выделяются подгруппы, для которых составляются матрицы перекрещивающихся значений, отражающие базовые семы, их представленность в семантике лексем, а также возможность взаимозамещения лексем. Каждая группа представляется в виде семантического поля.

В заключении подводятся итоги проделанной работы, формулируются общие выводы исследования и намечаются перспективы дальнейшей работы в заявленном направлении.

К работе прилагаются список используемой научной литературы, списки словарей и справочников, источников иллюстративного материала.

Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Логико-философские основы теории модальности

Модальность – одна из наиболее многоплановых языковых категорий, однозначная интерпретация которой в лингвистической науке вряд ли возможна. Одним из путей к уяснению сущности языковой модальности является анализ её логико-философских истоков.

Впервые понятие *модальность* (от лат. *modus* – мера; способ) возникает в логике, где оно обозначает одно из важнейших свойств суждений: характеристику суждения в зависимости от того, утверждается ли в нём возможность, действительность или необходимость чего-либо. Первые исследования в области модальной логики принадлежат Аристотелю. Он открыл ряд правил оперирования модальными суждениями такого вида, как «*A необходимо принадлежит B*», «*C возможно принадлежит D*» и т. д. С тех древнейших времен и до сегодняшнего дня модальная логика традиционно исследует высказывания, имеющие значения *возможности, действительности и необходимости*. Однако, несмотря на многовековой интерес к проблеме модальности, существуют противоречия в вопросах о том, какие, например, значения считать модальными, относить ли модальность ко всему высказыванию в целом или к его части и т. д., вплоть до того, является ли вообще правомерным деление суждений на основе модальности.

Наибольшее влияние на современное представление философии и логики о модальности суждений оказал И. Кант. В «Критике чистого разума» он выделяет 12 «чистых рассудительных понятий» [Кант 1964: 174], которыми совершенно исчерпывается рассудок и вполне измеряются его способности. Такие «чистые рассудительные понятия» И. Кант называет категориями и делит их на четыре группы: категории количества, категории качества, категории отношения, категории модальности. Категории модальности, по И. Канту, имеют ту особенность, что как определения объекта они не расширяют понятие, которому служат предикатами, а лишь выражают отношение

к познавательной способности. «Если понятие какого-нибудь предмета уже совершенно полное, то я все же еще могу спросить об этом предмете: только ли возможный он или действительный, и в последнем случае, не есть ли он также необходимый предмет?» [Кант 1964: 281]. Таким образом, И. Кант выделяет три категории модальности: возможность – невозможность, существование – несуществование, необходимость – случайность. В соответствии с этим выделяются три вида суждений. **Проблематическими** называются суждения, в которых утверждение или отрицание принимается только как возможное. **Ассерторическими** (лат. *assertio* – высказывание) называются суждения, в которых утверждение или отрицание рассматривается как действительное (истинное). **Аподиктическими** (греч. *apodeiteke* – наука, служащая доказательству) называются суждения, в которых утверждение или отрицание рассматривается как необходимое. Эти три функции модальности И. Кант также считает тремя моментами мышления вообще, так как любое суждение высказывается нами сначала как проблематическое, затем мы принимаем его как истинное – ассерторическое, и в итоге мы утверждаем его как неразрывно связанное с рассудком, т. е. необходимое – аподиктическое [Кант 1964: 172]. Таким образом, модальность показывает, как суждение связано с познавательной способностью.

В современной отечественной логике подобным же образом с процессом познания модальность связывает А. В. Исаев. Рассматривая вопрос о правомерности деления суждений по модальности, учёный приходит к выводу, что данное деление не может быть обосновано вне процесса познания [Исаев 1961: 86]. А. В. Исаев делит все суждения на **вероятные** и достоверные. Достоверные суждения, в свою очередь, делятся на суждения **действительности**, суждения **возможности** и суждения **необходимости**. Умозаключения от суждений действительности к суждениям возможности и необходимости отражают процесс познания человеком вещей. Суждения действительности представляют вещь как целое, как совокупность признаков: «Петр – студент-отличник». Суждения возможности отражают достаточность

основания для связи субъекта с предикатом: *«Петр может быть ученым»*. Суждения необходимости показывают, что признак, достаточный для связи субъекта и предиката, принадлежит сущности предмета: *«Стакан должен иметь дно»* [Исаев 1961: 96]. Вероятные суждения высказываются с известной степенью предположительности и в отличие от достоверных суждений не являются ни необходимо истинными, ни необходимо ложными. Таким образом, у А. В. Исаева модальность связана также с предметом познания и его признаками.

По мнению Ю. В. Ивлева, модальные суждения образованы от ассерторических путем характеристики описываемых в них положений дел в качестве необходимых, случайных или возможных. Такую характеристику Ю. В. Ивлев называет усилением и ослаблением суждений. Усилением суждения *«Человек имеет мягкие мочки ушей»* выступает, например, суждение *«Человек случайно имеет мягкие мочки ушей»* или *«Человек может иметь мягкие мочки ушей»*. Ослаблением же суждения является преобразование его в вероятное: *«Петров изучил английский язык»* – *«Возможно, что Петров изучил английский язык»*. Сильные и слабые утверждения и отрицания Ю. В. Ивлев и называет модальными суждениями [Ивлев 1994: 50–52]. В данном случае модальные суждения рассматриваются в некотором отрыве от процесса познания, который единственно и оправдывает деление суждений по модальности.

Некоторые различия во взглядах на модальность вызывает тот факт, что модальность может относиться как ко всему высказыванию (речевому воплощению суждения) в целом, так и к его части. Например, в высказывании *«Возможно, что пальмы растут в Анапе»* модальность относится ко всему высказыванию. В высказываниях типа *«Пальмы, возможно, растут в Анапе»* модальность относится к признаку вообще (к предикату). В модальной силлогистике Аристотеля рассматриваются суждения второго типа. Впервые же деление модальностей по данному признаку было предложено в средние века схоластами. Модальности, относящиеся к высказыванию в целом, они называли *de dicto* («о речи»), модальности, относящиеся к свойству, – *de re* («о вещи»).

Такая классификация модальностей принята в логике и по сей день. При этом два высказывания одинакового содержания, сформулированные одно *de dicto*, другое *de re*, считаются практически равнозначными. Предпочтение в современной модальной логике отдается модальностям *de dicto*, что позволяет повторно применять модальный оператор к выражению, содержащему модальность. Так, высказывание «*P* возможно» может быть преобразовано в высказывания «Необходимо, что *P* возможно»; «Необходимо, что необходимо, что *P* возможно» и т. д. К модальностям *de re* второй оператор того же вида не применим.

Как уже было неоднократно отмечено, традиционно в логике модальностями называются логические операции, выражаемые словами «возможно», «невозможно», «необходимо» и т. п. Функционирование данных модальных операторов связано с законами логики: «*Львы, возможно, живут на Аляске*». В то же время что-либо может быть возможным, действительным или необходимым не по законам логики, а по законам природы: «*Необходимо, что при температуре 0° С лёд плавится*». Таким образом, выделяются модальности **логические** и **фактические (онтологические)**. Логически возможно то, что не противоречит законам логики, логически необходимо то, что является законом логики. Соответственно, фактически возможно то, что не вступает в противоречие с законами природы и общественной жизни, а фактически необходимым является то, что является законом природы или общественной жизни [Ивлев 1994: 52]. Оба вида характеристики высказываний называются в логике **алетической модальностью**. Таким образом, алетическая модальность характеризует суждение как необходимое, действительное, возможное или невозможное. В большинстве случаев этими классическими значениями модальная логика и ограничивается (Ю. В. Ивлев, Р. Фейс, В. В. Целищев, В. В. Петров, Я. А. Слинин, Я. Хинтикка). Однако само значение слова *modus* – «способ» допускает очень широкий круг модальных значений и иного рода. Средневековый философ и логик Петр Испанец понимал под «модусом» любой вид квалификации способа связи между субъектом и предикатом [Цит. по:

Ивин 1970: 14]. В XVIII в. логик Исаак Уоттс отмечал, что модальные понятия «необходимо», «невозможно», «возможно», «случайно» представляют только естественные модусы или способы связи предиката с субъектом. Однако наряду с естественными можно также выделить некоторые моральные и гражданские модусы связи двух идей: законность – незаконность, выгодность – невыгодность и т. д. Соответственно, модальными являются суждения «*незаконно для любого человека убивать невинного*», «*законно христианам есть мясо в великий пост*», «*невыгодно говорить всё, что думаем*» и т. д. Возможны и другие модусы, связывающие предикат с субъектом и образующие модальные суждения: «определенно», «сомнительно», «доказуемо», «недоказуемо», «согласуется», «является самим собою разумеющимся», «сказано древними», «написано» и т. д. [Цит. по: Ивин 1970: 14]. В современной модальной логике многие исследователи выделяют близкие к алетическим **эпистемические модальности** – характеристики высказывания, выражаемые операторами «доказуемо», «недоказуемо», «опровержимо». Например, «*Доказуемо, что на Марсе есть растительность*», «*Опровержимо, что свет имеет только волновую природу*» [Кондаков 1971: 611; Ивин 1970: 29]. Выделяют также **деонтическую модальность** как характеристику высказываний, включающих модальные операторы «обязательно», «разрешено», «безразлично», «запрещено». Например, «*Автор обязан знать элементы подготовки рукописи к набору*» [Кондаков 1971: 120; Ивин 1970: 29].

Наиболее полное описание всех типов модальности, интересующих современную логику, находим у А. А. Ивина, который отмечает, что «в современной логике существует тенденция понимать под модальной логикой не только логическую теорию необходимости, возможности и т. п., но и включать в число модальных систем также логические теории эпистемических, деонтических, временных и даже экзистенциальных понятий» [Ивин 1970: 13–14]. Следовательно, в широком смысле модальными являются любые высказывания, подходящие под общую модальную формулу, выведенную представителем неклассической философии А. Прайором: **это есть Φ , что p** ,

где **p** – пропозиция, а **Φ** – «операторы формы» (специфические термины, которые могут быть подставлены вместо **Φ**). Кроме прочих, А. Прайор называл, например, теологические модусы: *это является еретическим, что...* [Цит. по: Ивин 1970: 14–15]. А. А. Ивин приводит также иную формулу модального высказывания, близкую к формуле А. Прайора: **М (S есть P), М (S не есть P)**. По мнению автора, такой подход соответствует традиционному пониманию «модуса» как способа связи между субъектом и предикатом вообще. Из всего разнообразия возможных типов модальностей модальная логика выбирает для изучения немногие, наиболее интересные. Результатами исследования модальностей разных типов являются отдельные ветви модальной логики, называемые, в свою очередь, также логиками. Наиболее пристально изучаемые типы модальностей представлены в виде следующей таблицы [Ивин 1970: 29]:

Таблица 1

Логические модальности	Онтологические модальности	Эпистемические модальности	
		знание	убеждение
логически необходимо;	онтологически необходимо;	доказуемо (верифицируемо);	полагает (убеждён);
логически случайно;	онтологически случайно;	неразрешимо (непроверяемо);	сомневается;
логически невозможно	онтологически невозможно	опровержимо (фальсифицируемо)	отвергает
логически возможно	онтологически возможно		допускает

Деонтические модальности	Аксиологические модальности		Временные модальности	
	абсолютные	сравнительные	абсолютные	сравнительные
обязательно;	хорошо;	лучше;	всегда;	раньше;
нормативно безразлично;	аксиологически безразлично	равноценно;	только иногда;	одновременно;
запрещено	плохо	хуже	никогда	позже
разрешено				

В представленной системе каждому виду модальности соответствуют как минимум три оператора. Первый оператор является сильной положительной характеристикой, второй – слабой, третий – сильной отрицательной характеристикой. Четвёртое понятие, присутствующее не в каждой модальности, является, по сути, таким же слабым, как и второе, так как не характеризует связь субъекта и предиката ни положительно, ни отрицательно.

Эпистемические модальности разделяются на модальности знания и модальности убеждения. Данное разграничение основано на том, что знание в отличие от убеждения всегда истинно. Деонтические модальности есть модальности норм, устанавливаемых государством или обществом, субъектом которых всегда является человек. *Аксиологические* модальности есть модальности оценок с точки зрения добра и зла. Оценки могут быть абсолютными и сравнительными. *Временные* модальности рассматривал ещё древнегреческий философ диалектик Диодор Крон (конец IV в. до н. э.). Модальные высказывания сводятся им к высказываниям с квантором по времени. Например, «*P* возможно» означает, по его мнению, «*P* истинно сейчас или будет истинно в некоторый будущий момент времени»; «*P* необходимо» означает: «*P* истинно сейчас и будет истинно в любой другой момент в будущем» и т. д. [ФЭ 1964: 476]. А. А. Ивин рассматривает временные модальности как временные характеристики связи субъекта и предиката, характеристики эти также могут быть абсолютными или сравнительными.

Логическая теория, содержащая по меньшей мере три оператора, может считаться модальной лишь при определённых условиях, нарушение которых делает квалификацию суждений с помощью модальностей излишней и приводит к вырождению модальной теории в логику простых утверждений. Такими необходимыми условиями являются следующие: 1) рассматриваемая логическая теория является надстройкой над логикой ассерторических высказываний; 2) квалификации, даваемые сильными и слабыми понятиями, являются несовместимыми; 3) из простой истинности или ложности высказывания нельзя заключить, какую именно основную модальную характеристику

должна иметь устанавливаемая в этом высказывании связь; 4) из квалификации высказывания с помощью слабого модального понятия не следует ни истинность, ни ложность высказывания; 5) если высказыванию приписывается слабая модальная характеристика, то и его отрицанию должна быть приписана эта характеристика [Ивин 1970: 30].

При изучении различного рода модальных высказываний одной из трудностей является многозначность модальных операторов естественного языка. Так, операторы «должен» и «может» могут выражать деонтическую, аксиологическую, логическую и онтологическую модальность. Это означает, что исследователю необходимо обращать внимание на имплицитные модальные значения.

Некоторые исследователи выделяют модальности в ещё более широком смысле – как понятия, служащие для выражения состояния (или установки) некоторого индивидуума. Такие модальности финский логик Яакко Хинтиikka называет личными модальностями, или *пропозициональными установками*. Пропозициональными являются, например, установки надежды, знания, веры, ожидания, желания и т. п. [Хинтиikka 1980: 40].

В связи с этим интересна также теория так называемых «возможных миров». Впервые о «возможных мирах» заговорил средневековый философ Иоанн Дунс Скот в рамках известной схоластической дискуссии: *«творит ли Бог мир по разуму или по воле своей?»* Отдавая предпочтение второму сценарию креации, Иоанн Дунс Скот строит принципиально волюнтаристическую модель сотворения мира как абсолютно интерминированного акта: *«Бог в акте свободы воли, не руководствуясь никакими внешними факторами, творит мир, исходя из собственного неререфлексируемого импульса»*. Таким образом, модальная логика Аристотеля предстаёт в виде модальной теории бытия (в духе средневекового реализма): наш мир как действительность, сущее, наличное бытие – лишь один из бесконечного множества потенциально возможных миров, и причина реализации Богом этого, а не какого-либо иного проекта принципиально непостижима даже для

Божественного понимания [Можейко б]. В новое время идея «возможных миров» получает развитие в трудах немецкого философа, физика и математика Г. В. Лейбница. Размышляя о вопросах космотворения, Г. В. Лейбниц утверждает, «что Божественный разум непременно и извечно содержит вариант бесконечного множества миров, но Бог выбирает лучший из этих миров, творя его таким, каков он есть» [Цит. по: Бабушкин 2001: 5]. Представления Иоанна Дунса Скота и Г. В. Лейбница легли в основу теоретических изысканий второй половины XX столетия. В рамках неклассической логики понятие «возможный мир» интерпретируется как возможное положение дел либо как возможное направление развития событий. «При приписывании лицу пропозициональной установки все возможные миры делятся на совместимые и не совместимые с ней:

а верит, что p = во всех возможных мирах, совместимых с тем, во что верит а, имеет место p ;

а не верит, что p = по крайней мере в одном возможном мире, совместимом с тем, во что верит а, не имеет места p » [Хинтиikka 1980: 75–76].

Таким образом, современная логика, в отличие от классической, для которой вещь либо существует, либо не существует, рассматривает действительность как реализацию одной из многих мыслимых возможностей, а действительный мир – как один из бесчисленного множества возможных миров. Соответственно, язык классической логики, способный передать рассуждения только о реальных (имеющих место в действительном мире) событиях, слишком беден, чтобы передать рассуждения о возможных (происходящих в каких-то возможных мирах) или о необходимых (наступающих во всех таких мирах) событиях. Стремление обогатить язык логики и расширить её выразительные возможности привело к возникновению модальной логики, задачей которой является анализ рассуждений, содержащих модальные понятия. В принципе число групп модальных понятий, служащих для конкретизации устанавливаемых в суждении связей, их оценки с той или иной точки зрения, не ограничено. Предметом специального исследования

современной модальной логики становятся наиболее важные из этих групп. Кроме того, изучаются общие принципы модальной оценки, справедливые для всех групп модальных понятий.

Современная модальная логика является разделом *формальной* логики. Формальная логика, в отличие от логики *диалектической*, исследует отношения между мыслями при максимальном отвлечении от значения самих суждений. Наибольших успехов модальная логика достигла в начале XX в. с переходом на использование вместо слов математических символов. Например, оператор «необходимо, что...» обозначается логическим символом $\Box$, оператор «возможно, что...» – логическим символом $\Diamond$. В зависимости от того, имеет место модальность *de dicto* или *de re*, формализованная запись суждения о необходимости выглядит так: $\Box (x) (F_x \Rightarrow G)$, что читается «необходимо, что Р», где «Р» – пропозиция, в которой аргументу F приписывается признак G; или так: $(x) (F_x \Rightarrow \Box G)$, что читается «всякое F есть необходимо G». Использование искусственного языка, содержащего исключительно однозначные формулировки, позволяет дать различным сторонам мышления строго научное описание и исключить пропуск существенных звеньев [Ивин 1970: 3]. Формализованный язык применяют в своих работах Ю. В. Ивлев, А. А. Ивин, А. В. Исаев, Я. А. Слинин, Я. Хинтика, Р. Фейс и др.

Таким образом, представления о логической модальности находятся в постоянном развитии: от классического аристотелевского представления о модальности как о характеристике суждения с точки зрения утверждаемой в нём возможности, действительности или необходимости чего-либо до теории «возможных миров». Неизменным, однако, остаётся понимание модальности как отношения мысли к объективной действительности, как отражения познавательной деятельности человека. Формируемые человеком в процессе познания суждения находят языковую реализацию в предложении. Современная модальная логика абстрагируется от конкретного значения суждений и отказывается от модальных операторов естественного языка, так как языковая категория модальности отличается ещё большей сложностью отношений, разнообразием часто многозначных средств их выражения и наличием имплицитных модальных значений.

1.2. Понятие модальности в лингвистике

Соединяющим элементом между языковым материалом и общим строем человеческого мышления, категориями логики, выступают понятийные категории, одной из которых и является языковая модальность. Понятийные категории впервые рассматриваются О. Есперсенем, который отмечал, что «наряду с синтаксическими категориями, или кроме них, или за этими категориями, зависящими от структуры каждого языка, в том виде, в каком он существует, имеются ещё внеязыковые категории, не зависящие от более или менее случайных фактов существующих языков» [Есперсен 1958: 58]. Понятийные категории применимы ко всем языкам, хотя и редко находят в конкретном языке ясное и недвусмысленное выражение. Такие категории относятся к фактам внешнего мира или к умственной деятельности человека. Именно такой понятийной категорией, которая рождается сознанием человека в процессе познания им объективного мира, и является категория модальности. В отечественной лингвистике теория понятийных категорий рассматривалась в трудах И. И. Мещанинова, посвященных разграничению понятийных категорий и грамматических понятий. Задачей лингвиста И. И. Мещанинов считает реальное выявление норм сознания в языке, получающих своё выражение в семантике лексических группировок, в оформлении слова, в построении предложения, при этом одно и то же понятие может быть выражено различными средствами [Мещанинов 1981: 57]. Понятийные категории передаются не через язык, а в самом языке, в его строе, что находит своё выражение в определённой лексической, морфологической или синтаксической системе. Когда же понятийная категория выступает в грамматической форме, то становится грамматическим понятием. Преимуществом выделения понятийных категорий является возможность сравнительного анализа языков различных систем, установления действующих в каждом языке норм формальных построений. В свою очередь, утверждая, что «через понятийные категории удаётся проследить выступающие в языковом материале ведущие нормы сознания», И. И. Мещанинов предостерегает от

подчинения всей языковой структуры отдельным положениям логики, так как «попытки только таким путём разрешить сложную проблематику о форме и содержании приводят к искусственному истолкованию действующих в языке норм» [Мещанинов 1981: 61]. И в самом деле, понимание языковой модальности как прямой аналогии модальности суждения, которая, являясь семантической категорией, «реализуется во всем составе предложения и не накладывает каких-либо особых признаков на структуру предложения» [Колшанский 1961: 97], не получило широкого распространения в лингвистике. Более распространены два других подхода, выделяемые как узкое и широкое понимание модальности.

Широкое понимание модальности основано на взглядах основоположников теории лингвистической модальности. Широкую трактовку допускает само понятие модуса, введённое в XIII в. знаменитым схоластом и богословом средневековой Франции Пьером Абеляром. Ученый выделил в высказывании две части: **диктум** (то, о чем говорится в предложении) и **модус** (созначения, а не собственно значения, то, что обычно передается модальными глаголами) [Цит. по: Боронникова 2002: 43]. В XX в. к идее о делении предложения на диктум и модус возвращается французский лингвист Шарль Балли. Образно называя модальность *душой предложения*, он указывает на необходимость данного признака для любого предложения как такового. «Мысль нельзя свести к простому представлению, исключаящему всякое активное участие со стороны мыслящего субъекта» [Балли 1955: 44]. Именно поэтому в любом предложении выделяется диктум – представление, фактическое содержание мысли, и модус – производимая над данным представлением психологическая операция и субъект этой операции. Активность мыслящего субъекта, согласно автору, проявляется в том, что, сопоставляя диктум с реальной действительностью, он либо констатирует / отрицает его существование, либо судит о его ценности, либо выражает своё волеизъявление. Данная операция, производимая мыслящим субъектом над диктумом, и называется модальностью. Если её выражения нет, то нет и предложения. Такое

ливаемый с точки зрения говорящего» [Фридман 1971: 139–140], Л. Г. Фридман выделяет три вида модальности: модальность достоверности, потенциально-предположительную модальность, побудительную модальность. Каждому коммуникативному типу предложений свойственен свой тип модальности: повествовательным предложениям – достоверная и предположительная модальность, побудительным предложениям – побудительная, вопросительные предложения могут проявлять все три типа модальности. В качестве практического доказательства связи коммуникативной целеустановки предложения и его модальности приводится также тот факт, что средства выражения модальности для разных коммуникативных типов предложения отчасти различны. Например, модальные слова *vielleicht*, *wahrscheinlich*, *zweifelhaft* и т. п. не употребляются в побудительных предложениях [Москальская 1975: 257].

Под влиянием работ В. В. Виноградова в лингвистике возникает представление об **оценочной модальности**. Оценочную модальность часто понимают узко как представление о «хорошо» / «плохо», что соответствует логической аксиологической модальности. Разрабатывая теорию оценки, Е. М. Вольф отмечает, что её можно рассматривать как один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения. Структуру оценки можно представить в виде модальной рамки, которая накладывается на высказывание и не совпадает ни с его логико-семантическим построением, ни с синтаксическим. В основе оценочной модальности лежит формула **A r B**, где **A** представляет субъект оценки, **B** – её объект, а **r** – оценочное отношение, которое имеет значение «хорошо / плохо» [Вольф 1985: 12]. В естественном языке на основе базовых оценочных значений возникает огромное разнообразие оценок, например, эмоциональные характеристики действия, морально-этическая квалификация действия [Виноградов 1981: 313], оценка полезности действия и т. п. М. Г. Милютинна отмечает, что наличие в составе сказуемого оценочных слов «хорошо», «плохо», «легко» и т. п. деактуализирует действие, действие мыслится как потенциальное [Милютинна 2004: 96]. А. В. Бондарко предполагает, что

оценочность как качественная и эмоциональная характеристика объекта может рассматриваться как особая семантико-прагматическая сфера, взаимодействующая с модальностью. Однако автор не исключает и возможность отнесения оценки к периферии поля модальности [Бондарко 1990: 60–61]. Н. Е. Петров, напротив, настаивает на изначально модальном характере рациональной и эмоциональной оценки [Петров 1982: 101, 107]. Познавательная деятельность человека основана на рациональной и эмоциональной обработке материалов живого созерцания, результатами которой становятся выводы, оценки, мнения. При этом умственное и психическое неотделимы друг от друга и равноправны.

Широкое понимание модальности позволяет трактовать как модальное противопоставление по признаку **утверждение – отрицание** [Адмони 1973: 130–134; Реформатский 1996: 296; Schmidt 1966: 310], поскольку с помощью утвердительных и отрицательных предложений говорящий оценивает предикативное отношение как реальное или нереальное. Отрицание по природе понятийно, как и модальность. Оно есть продукт человеческой мысли, формирующийся в процессе познания объективного мира. На уровне логики отрицание выносимо за рамки пропозиции, так же как и модальный показатель: «это не так, что...». О. Есперсен определяет понятия «утверждение» / «отрицание» как противные (в отличие от противоречащих), поскольку возможен промежуточный компонент [Есперсен 1958: 373–374]:

<i>A. Positive</i> «положительная ступень»	<i>John is rich.</i>
<i>B. Questionable</i> «сомнительная ступень»	<i>John may be rich.</i> <i>Perhaps John is rich.</i> <i>He is possibly rich.</i> <i>He is probably rich.</i>
<i>C. Negative</i> «отрицательная ступень»	<i>John is not rich.</i>

При этом «трёхчленная группа, данная выше, имеет в виду только отношение говорящего к включению Джона в один из двух разрядов», сами же понятия «богатый» и «не-богатый» являются противоречащими, как и принято в логике. Не чем иным, как особыми случаями такого трёхчленного деления, с точки зрения О. Есперсена являются деления:

<i>А. Необходимость</i>	<i>А. Приказание</i>
<i>В. Возможность</i>	<i>В. Разрешение</i>
<i>С. Невозможность</i>	<i>С. Запрещение</i>

«поскольку необходимость есть совокупность всех возможностей, точно так же, как невозможность означает исключение всех возможностей» [Есперсен 1958: 376]; второе же трёхчленное деление образовано в результате присоединения к категориям необходимости, возможности и невозможности элемента воли, направленной на другое существо. Другой яркий представитель данной точки зрения – В. Г. Адмони – указывает на «полный параллелизм» модальных и аффирмативных средств (средств выражения утверждения / отрицания) в сфере диалогической речи. Как модальные члены предложения, так и специализированные диалогические формы выражения аффирмативности (*ja, nein*) могут самостоятельно образовывать ответы на вопросы. Например, на вопрос *Kommst du?* можно ответить как *Vielleicht!* или *Schwerlich!*, так и *Ja!* или *Nein!* Никакие другие формы не способны выступать в этой роли [Адмони 1973: 134].

Для широкого понимания модальности характерно отнесение к числу модальных значения **засвидетельствованности**, выделяемого Р. О. Якобсоном в качестве отдельной глагольной категории. Категория «засвидетельствованности» (evidential) учитывает сообщаемый факт, факт сообщения и указываемый источник сведений о сообщаемом факте [Якобсон 1972: 101]. Источником сведений могут быть сообщения какого-либо другого лица, сны, догадки или собственный прошлый опыт, извлекаемый из памяти. Подобные косвенные сообщения «могут преобладать в нашей речи, так как говорящий вовсе не ограничивается упоминанием о событиях, воспринимаемых им самим в данный

момент» [Якобсон 1972: 96]. Аналогично наклонению, категория засвидетельствованности причисляется лингвистом к числу *коннекторов* – категорий, которые характеризуют описываемый объект через отношение к другим описываемым объектам, и к числу *шифтеров* – категорий, содержащих указание на отношение сообщаемого факта к факту сообщения либо к его участникам. Таким образом, становится очевидной однопорядковость рассматриваемых категорий и их модальный характер. А. В. Бондарко отмечает, что анализ значения пересказывания в рамках категории модальности особенно актуален для тех языков, в которых для его выражения имеются специальные грамматические формы [Бондарко 1990: 61]. Р. О. Якобсон приводит в пример болгарский язык, языки квакиутль, хопи, туника. В языке туника, например, все основанные на косвенной информации утверждения снабжаются постфиксом *-ani*, присоединяемым к предикативу. В русском языке засвидетельствованность выражается только на уровне синтаксиса, а также при помощи частиц *де, мол, якобы*. Чужое утверждение при этом может передаваться нейтрально либо недоверчиво-неодобрительно с возможными оттенками сомнения, иронии, прямого несогласия с пересказываемым. В немецком языке для передачи чужих высказываний активно используются конъюнктив (часто единственный показатель косвенности), а также модальные глаголы *wollen, sollen* во вторичной функции. Однако, согласно Р. О. Якобсону, и другие модальные глаголы во вторичной функции выражают засвидетельствованность, поскольку употребляются для передачи сообщений, основанных на догадке. Наблюдая проникновение в парадигму модальных глаголов во вторичной функции «эвиденциального» глагола *scheinen*, Г. Дивальд отмечает интегрированность значения эвиденциальности в систему модальных значений в большинстве языков, реализующих данные категории [Diewald 2001: 90]. Таким образом, становится очевидной связь эвиденциальности и модальности достоверности высказывания, так как обе категории указывают на эпистемическое пространство говорящего. Общность категорий проявляется на уровне глубинной структуры «делокутивных» (высказываний о высказываниях) и «декогитативных» (выска-

званий о мыслительных оценках) высказываний [Кобяков 1977: 75]. Анализ глубинной структуры этих, на первый взгляд, очень простых в модальном отношении индикативных предложений с глаголами говорения и мнения показывает, что они «в синкретичной форме содержат сложное пересечение модальных оценок содержания предложения, производимых говорящим и лицом, высказывание или мнение которого говорящий интерпретирует» [Кобяков 1977: 82]. Структура таких высказываний может быть представлена, например, в следующем виде:

X назвал Y Z.

1. *Я утверждаю, что X назвал Y Z.*

2. *X утверждает, что Y – Z.*

3. *Я утверждаю, что то, что утверждает X, либо верно, либо неверно.*

Третий элемент структуры, в котором говорящий допускает и истинность, и ложность пропозиции, является модальным отношением косвенности в отличие от элементов 1 и 2, выражающих модальность реальности. Говорящий способен не только выступать в роли посредника между автором высказывания и слушающим, но и выражать свое согласие или несогласие по поводу высказанного суждения. Средством выражения такого модального отношения и служат глаголы говорения и мнения.

Многие авторы отстаивают более узкое понимание модальности [Абрамов 2001, Золотова 1962, Ломтев 1972, Михайлов 1994, Панфилов 1977, Sommerfeldt 1988], считая, что в результате такого расширения понятия границы употребления термина «модальность» утрачивают свою определённую. Согласно данной точке зрения, рассматриваемые в рамках широкого понимания категории относятся к актуализирующим компонентам высказывания, однако их языковая природа и роль в конструировании структуры предложения настолько различны, что не позволяют объединить их в рамках одной грамматической категории модальности [Панфилов 1977: 48]. Содержание модальности ограничивается при этом несколькими значениями из

приведенного ранее перечня. Модальность в узком понимании определяют как категорию, выражающую три вида отношений [Золотова 1962: 65]:

- 1) отношение высказывания к действительности с точки зрения говорящего;
- 2) отношение говорящего к содержанию высказывания;
- 3) отношение субъекта действия к действию.

Первое модальное отношение считается основным и получает название объективной модальности. **Объективная модальность** выражает субъективно-объективное (формируемое говорящим, но на основе объективного положения дел на момент речи) отношение высказывания к действительности в плане его реальности / ирреальности, т. е. действительность / гипотетичность предикатных отношений. Объективная модальность – обязательный признак любого предложения как предикативной единицы. Основным средством выражения данного вида модальности служат наклонения, различия отдельных модальных значений выражаются в форме разных моделей предложений; таким образом, объективная модальность является грамматической категорией предложения и частным грамматическим значением предикативности как основного признака предложения. Совпадение целенаправленности высказывания с модальным отношением содержания высказывания к действительности, с данной точки зрения, отрицается, так как повествовательные, вопросительные и побудительные типы предложений не отличаются единством модальных значений [Золотова 1962: 68]. В качестве аргумента в пользу разграничения названных категорий приводится и тот факт, что модальность и коммуникативная целеустановка образуют две разные рамки, оформляющие пропозицию на разных уровнях. Модальность вводится в предложение на смысловом уровне, коммуникативная целеустановка модифицирует предложение с уже оформившейся модальностью. Реализации частных значений модальности и коммуникативной целеустановки не исключают друг друга [Трунова 1990: 91]. Не признаётся также статус модальных типов предложения за утвердительными и отрицательными формами предложений, поскольку

различие между предложениями «Я сказал» и «Я не сказал» заключается в содержании выражаемых в предложении отношений объективной действительности. Данные предложения, согласно узкому пониманию, абсолютно равноценны с точки зрения оценки их реальности: говорящим утверждается реальность фактов [Золотова 1962: 68]. Исходя из того, что основным средством выражения значения реальности / ирреальности являются наклонения, можно выделить реальную и нереальную модальность, а также две разновидности нереальной модальности: побудительную модальность и условно желательную.

Второе модальное отношение рассматривается как **субъективная модальность** – отношение говорящего к сообщаемому. Из логики в лингвистику был заимствован также термин *эпистемическая модальность*, отражающий гносеологический характер данного вида модальности. Субъективная модальность выражает оценку со стороны говорящего степени познанный объективных связей, т. е. «она указывает на степень достоверности мысли, отражающей данную ситуацию, и включает проблематическую, простую и категорическую достоверности» [Панфилов 1977: 39]. Согласно данной точке зрения, смысловую основу субъективной модальности образует интеллектуальная квалификация сообщаемого: уверенность, неуверенность, предположение, сомнение. Разные виды эмоциональной реакции: удивление, протест, недоверие, ирония и т. п. [ЛЭС 1990: 303], не считаются модальными отношениями. Субъективная модальность не является компонентом конкретного содержания предложения и выступает лишь как формально-грамматическое значение. Основным средством выражения субъективной модальности являются вводные модальные слова, модальные частицы, междометия, интонационные средства, порядок слов. При этом эксплицитные средства выражения субъективной модальности факультативны, что, однако, не означает факультативности самой субъективной модальности как признака предложения. Противопоставление фактического содержания и индивидуальной оценки излагаемого реализуется в любом предложении [Балли 1955: 44]. В соответствии с тем, что вводные слова могут относиться как ко всему предло-

жению (*de dicto*), так и к его части (*de re*), предлагается различать общую и частную субъективную модальность [Золотова 1962: 73].

Третий вид модальных отношений целесообразно называть **субъектной модальностью**, поскольку модальные значения выражают здесь отношения между действием и его субъектом. Субъектная модальность является внутрисинтаксической, в отличие от первых двух внешнесинтаксических модальных отношений. В рамках данной категории предикатные отношения традиционно характеризуются как возможные, необходимые или действительные. Такая модальность возникает на основе противопоставления реальной и мыслимой деятельности [Шелякин 1990: 115]. Средствами выражения субъектной модальности являются модальные глаголы: *мочь, уметь* и т. д.; слова категории состояния: *можно, нужно, необходимо*; краткие предикативные прилагательные: *должен, обязан, способен* и др. Данный вид отношений наиболее близок логической модальности. Можно различить так, как это принято в логике: онтологические, деонтические, аксиологические и даже временные модальности. Так же, как и в случае субъективной модальности, смысловая основа субъектной модальности сужается, исключая из числа модальных значения желания, надежды, стремления, намерения, попытки, решимости, а также различные эмоциональные и морально-этические оценки, рассматриваемые в современной логике как личные модальности или пропозициональные установки. Субъектная модальность не является грамматической категорией предложения. Она является составным компонентом фактического содержания предложения, представляя собой не некоторое свойство обозначаемого, но само это обозначаемое предложения. Модальное значение заключено в семантике слов определённых разрядов. Различие предложений в зависимости от того, какие из модальных средств выступают в составе сказуемого, характеризует лишь различие этих предложений по выражаемому в них содержанию, но не по форме [Панфилов 1971: 181]. Таким образом, субъектную модальность можно назвать лексической. Однако в то же время лексическая модальность, как и любое другое модальное значение, реализуется только в синтаксических

отношениях. В данном случае значение модального слова окрашивает примыкающий к нему инфинитив, выражая тем самым модальный характер связи между действием, названным этим инфинитивом, и субъектом этого действия [Золотова 1962: 76]. Некоторые исследователи причисляют третий вид отношений к объективной модальности, как отражающий характер объективных связей, наличных в той или иной ситуации, на которую направлен познавательный акт [Панфилов 1977: 39; Трунова 1991: 95]. Данный подход позволяет объединить три разноплановые отношения в рамках единой категории модальности и свести всё многообразие модальных значений к основным логическим модальным значениям: *необходимости, случайности, невозможности, возможности* [Трунова 1991: 119–120]. К данным значениям, приписываемым традиционно модальным глаголам, можно свести значения наклонений. Лингвисты, исходящие не из логической теории и считающие основными модальными значениями значения наклонений, часто рассматривают модальные глаголы как косвенные наклонения [Крашенинникова 1954: 5]. Теми же четырьмя значениями интерпретируется и субъективная (эпистемическая) модальность. В этом случае как необходимая, случайная, невозможная или возможная характеризуется не предикативная связь, но степень познания данной связи, достоверность высказывания.

Очевидно, однако, что реализации частных значений выделенных трёх типов модальности также не исключают друг друга. Пересекаясь, они образуют определённое множество предложений, каждое из которых характеризуется своим набором модальных свойств. В системе, разработанной Т. П. Ломтевым, таких множеств 12 [Ломтев 1972: 105]. Так, например, предложение *Если бы на Марсе существовали растения, то они, кажется, должны были бы иметь фиолетовую окраску* выражает модальность гипотетичности (сослагательное наклонение), необходимости (краткое прилагательное *должен*) и предположительности (вводное слово *кажется*). В данную систему могут быть вписаны и другие значения (коммуникативной целеустановки, отрицания), что сделает её более глобальной и

даст основу для изучения межкатегориальных связей внутри данной общности и для объяснения отдельных более частных явлений [Бондарко 1990: 66].

Объявляя основными модальными значениями значения наклонений как наиболее развитого, достигшего аффиксального выражения средства передачи модальности, стоит принять во внимание, что количество наклонений и их значения в разных языках различны. В то время как содержание категории модальности, являющейся понятийной, должно быть одинаковым для всех языков. Н. Е. Петров отмечает, что в основу категории модальности должна быть положена вся совокупность значений наклонений, существующих в языках разных систем [Петров 1982: 30]. Так, например, в якутском языке специальными аффиксами обладают условное, утвердительное, долженствовательное, возможное, предположительное наклонения [Петров 1982: 24]. В нивхском, якутском, эвенкийском языках с помощью глагольных суффиксов передаётся эмоциональность. В удмуртском языке аффиксальное выражение находит особая категория притворности действия, семантика которой заключается в обозначении фиктивности, неполноты, мнимости действия [Ушаков 1982: 97; Кельмаков 2000: 72]. Маркерами данных значений выступают суффиксы *-мьяськ-* с положительным значением и *-мтэськ-*, *-тэмьяськ-* с отрицательным значением. Глаголы с суффиксом *-мьяськ-* могут выражать: 1) фиктивность действия: *висемьяськыны – притворяться больным*, 2) неполноту действия, малую степень его проявления: *зоремьяське – идёт очень небольшой дождь*, 3) действия, степень проявления которых сознательно принижается говорящим: *ужамьяськыны – делать вид, что работает*. Глаголы с суффиксами *-мтэськ-*, *-тэмьяськ-* всегда выражают притворность действия: *кылтэмьяськыны – притворяться немым*. В. К. Кельмаков отмечает наличие в южноудмуртских говорах представленного полной парадигмой глагольных форм желательного наклонения [Кельмаков 1998: 144–145]:

<i>мэд мьн-ом</i>	‘ <i>пусть я пойду</i> ’
<i>мэд мьн-од</i>	‘ <i>пусть ты пойдёшь</i> ’
<i>мэд мьн-оз</i>	‘ <i>пусть он пойдёт</i> ’
<i>мэд мьн-ом-ъ</i>	‘ <i>пусть мы пойдём</i> ’
<i>мэд мьн-од-ъ</i>	‘ <i>пусть вы пойдёте</i> ’
<i>мэд мьн-оз-ъ</i>	‘ <i>пусть они пойдут</i> ’

Для выражения значений, не считающихся модальными с точки зрения узкого понимания модальности, могут служить и традиционно выделяемые наклонения. Так, в немецком языке сослагательное наклонение (конъюнктив) так же часто используется для передачи косвенной речи, как и для выражения ирреально-условного значения.

Обобщая данные различных языков, Н. Е. Петров приходит к выводу о том, что семантическое деление наклонений на реальные и ирреальные не соответствует действительности и может привести к неоправданному исключению из системы нетипичных и даже некоторых типичных наклонений [Петров 1982: 42]. Модальность же должна изучаться путём описания наклонений и других модальных форм глагола во всей их полноте. А. В. Бондарко, также придерживаясь широкого понимания модальности, напротив, считает признак реальности / ирреальности доминирующим и так или иначе проявляющимся в значениях всего комплекса «актуализационных категорий», характеризующих с точки зрения говорящего отношение пропозитивной основы высказывания к действительности. Таковыми являются значения: 1) актуальности / потенциальности (возможности, необходимости, гипотетичности и т. д.); 2) оценки достоверности; 3) коммуникативной установки высказывания; 4) утверждения / отрицания; 5) засвидетельствованности [Бондарко 1990: 59]. В перечне модальных значений, составленном Е. Е. Корди, отсутствует значение засвидетельствованности, но упоминается эмоциональная или качественная оценка пропозиции говорящим [Корди 1988: 13]. Все вышперечисленные категории объединены не только общностью значений, но и общностью функции: все они призваны обеспечить доступность и действительность сообщаемой мысли в процессе общения, т. е. служат эффективности языка как средства коммуникации и передачи информации.

Таким образом, обобщение рассматриваемых модальных значений и теоретических соображений, накопленных в ходе изучения модальности в разных языках, приводят к выводу о целесообразности широкого понимания языковой модальности. Принимаемое в работе определение модальности может

быть сформулировано следующим образом: модальность – совокупность актуализационных категорий, выражающих отношение содержания высказывания к действительности по доминирующему признаку реальности / ирреальности, устанавливаемое говорящим в целях эффективности речевой коммуникации.

1.3. Функционально-семантическое поле категории модальности

Изучение категории модальности – как в узком, так и в широком понимании – и средств её выражения наиболее эффективно осуществляется в рамках функциональной грамматики, с помощью теории функционально-семантических полей (ФСП). Построение ФСП является основным принципом функциональной грамматики, разрабатываемой А. В. Бондарко, Е. И. Беляевой, Е. Е. Корди, Ю. С. Масловым, В. П. Недялковым, С. М. Полянским, Г. Г. Сильницким, В. С. Храковским, С. Н. Цейтлин, М. А. Шелякиным и др. ФСП представляет собой систему разноуровневых средств данного языка (морфологических, словообразовательных, лексических, лексико-синтаксических и т. п.), взаимодействующих на основе общности их функций, базирующихся на определённой семантической категории [ЛЭС 1990]. Именно такой категорией и является модальность. Функционально-семантический подход, как и системный подход в целом, позволяет интерпретировать частные языковые явления не сами по себе, а в противопоставлении другим компонентам системы. Концепция ФСП опирается на теорию понятийных категорий И. И. Мещанинова и теорию полей, разработанную В. Г. Адмони, Е. В. Гулыгой, Е. И. Шендельс, М. М. Гухман, И. П. Ивановой и другими лингвистами.

Одним из отправных пунктов на пути создания теории ФСП стало расширение границы грамматики в исследованиях Е. В. Гулыги и Е. И. Шендельс. Стремясь, прежде всего, показать взаимосвязь грамматических форм с окружающей и наполняющей их лексикой, авторы вводят понятие грамматико-лексического поля. Признаками грамматико-лексического поля являются: 1) наличие инвентаря средств разных уровней, связанных между собой системными отношениями; 2) наличие общего значения, которое в той

или иной степени присуще его конституэнтам; 3) общее значение поля распадается минимум на два значения, образующих микрополя, которые могут быть противоположными или полярными; 4) поле обладает неоднородной структурой. Систематически используемый, наиболее специализированный для выражения общего полевого значения и передающий его наиболее однозначно конституэнт составляет доминанту поля [Гулыга, Шендельс 1969: 9–10].

Все перечисленные признаки в полной мере характеризуют модальное поле [Гулыга, Шендельс 1969: 75–110]. Всё макрополе модальности, согласно концепции авторов, распадается на два поля: поле действительности и поле недействительности, что соответствует традиционному делению модальности на реальную и ирреальную. В состав поля недействительности входят три микрополя: потенциально-ирреальной модальности, предположения и побуждения. Очевидно, что при выделении микрополей поля недействительности учитывались разные модальные отношения. Микрополе предположения отражает отношение говорящего к высказыванию (субъективная модальность), микрополе потенциально-ирреальной модальности отражает отношение высказывания к действительности (объективная модальность), микрополе побуждения соответствует коммуникативной установке высказывания. В то время как поле действительности является однородным. Выстраивая поле на материале немецкого языка, авторы в качестве доминант микрополей выделяют соответствующие наклонения (кроме микрополя предположения). Переосмысленные наклонения функционируют на периферии полей с другими доминантными наклонениями: переосмысленный конъюнктив на периферии поля действительности, переосмысленный индикатив на периферии микрополя потенциально-ирреальной модальности. Наряду с наклонениями учитываются средства других уровней: модальные слова, модальные глаголы, временные формы, интонация и др. Микрополе предположения отличается отсутствием доминанты и разнообразием разноуровневых конституэнтов, образующих шкалу предположения от высшей степени уверенности до самой низшей. Таким образом, Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс рассматривают модальность в узком

смысле, при этом субъектная модальность не выделяется в качестве особого участка поля, а относится к полю действительности. Тем не менее авторы отмечают наличие тесных связей макрополя модальности с полем времени, полем утверждения / отрицания. Особый слой модальности, по мнению лингвистов, образует косвенная речь, всевозможные эмоциональные оттенки и значения субъективной оценки наслаиваются на модальность. Однако в описании поля модальности это никак не отражено.

Описывая грамматико-лексические поля в целом с позиции от формы к значению, Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс обращаются также к функциям их конституэнтов. Как отмечает В. Б. Касевич, функциональные системы являются наиболее важным типом языковых систем [Касевич 1977: 13]. Основываясь, прежде всего, на функциональной общности разноуровневых средств выражения модальности и на широком понимании самой категории, создатели теории функциональной грамматики рассматривают модальность как ФСП. Системные признаки, характеризующие ФСП, сопоставимы с признаками, выделенными Е. И. Шендельс и Е. В. Гулыгой для грамматико-лексического поля: 1) признак целостности, характеризующий содержание поля; 2) признак формальной неограниченности, т. е. отсутствие ограничений в отношении характера и типа охватываемых данным полем формальных средств выражения, которые могут быть морфологическими, синтаксическими, словообразовательными, лексическими и любыми их сочетаниями [Бондарко 1987: 36–39]. Выделяется два основных структурных типа ФСП: моноцентрические и полицентрические поля. Ядро моноцентрического поля может быть представлено грамматической категорией (например, темпоральность – грамматическая категория времени, объективная модальность – грамматическая категория наклонения в русском языке) либо комплексом взаимодействующих разноуровневых языковых средств (поля длительности и временной локализованности в русском языке). Для полицентрического поля характерно разбиение на несколько сфер, в каждой из которых дифференцируются центр и периферия. В русском языке большинство ФСП являются

полицентрическими [Бондарко 1987: 34–36]. При выделении центра ФСП учитываются следующие критерии: 1) частотность употребления языкового средства для выражения определённого категориального значения; 2) максимальная функциональная нагрузка; 3) максимальная концентрация специфических для данной категории признаков; 4) наибольшая специализированность языкового средства для реализации определённой семантической функции [Виноградова 2003: 118].

Помимо отдельных ФСП существуют также комплексы ФСП и группировки ФСП (максимально широкие объединения ФСП). Модальность интерпретируется как группировка ФСП, каждое из которых представляет собой определённую подсистему модальных значений. В рамках каждого модального поля могут анализироваться определённые категориальные ситуации – ситуации возможности, необходимости, оптативные императивные ситуации и т. п. [Бондарко 1990: 62]. Наиболее общим модальным значением является значение реальности / ирреальности. Границы реальности очерчены рамками семантики форм изъявительного наклонения. В центре реальности может быть выделено ядро актуальности, представленное формой настоящего времени: – *Что ты там делаешь? – Пишу письмо.* В данном случае проявляется «высшая степень реальности» – переживаемая, наблюдаемая, конкретная и очевидная действительность [Бондарко 1990: 72]. На следующей ступени в иерархии находится актуальность, отнесённая к прошлому, высказывания о будущем содержат ту или иную меру потенциальности, тем не менее могут быть отнесены к сфере реальности в широком смысле. Признак реальность / ирреальность может выражаться опосредованно в сфере пересказывания или отрицания. В то же время модальные значения способны отражать не только оппозицию реальность / ирреальность, но и динамику связей реального и ирреального, составляющих с точки зрения А. В. Бондарко понятие потенциальности. Данная динамика заключается в переходе от ирреального к реальному. Сфера потенциальности включает значения возможности, необходимости, желательности, достоверности, оптативности и повелительности. Рассматриваемая в соответ-

ствующих высказываниях предметная ситуация является нефактической, значение же потенциальности основано на объективно существующих или субъективно представленных говорящим обстоятельствах, определяющих возможность или необходимость реализации данной предметной ситуации. Таким образом, концепция автора отличается от точки зрения Е. В. Гулыги и Е. И. Шендельс, согласно которой сопряжённые с ирреальностью потенциальность и побуждение относятся к полю недействительности. Общим в представлениях лингвистов является отнесение значений субъектной модальности к сфере реальности в широком смысле.

1.4. Средства выражения субъектной модальности

Субъектная модальность отражает оценку говорящим способа существования связи между субъектом и его предикатным признаком. Основными значениями субъектной модальности являются значения возможности, необходимости, желания, относящиеся к семантической сфере потенциальности. Наиболее прототипическим средством выражения субъектных модальных значений являются модальные глаголы.

В немецком языке модальными традиционно называют глаголы *wissen*, *dürfen*, *können*, *sollen*, *mögen*, *müssen*, *wollen*. Морфологическим признаком данной группы глаголов является их претерито-презентность, т. е. в качестве настоящего времени у них выступает форма сильного претерита. В английских грамматиках обычно выделяют следующие модальные глаголы: *can*, *may*, *must*, *ought to*, *shall*, *will*, *should*, *would*, *dare*, *need*. Они также представляют собой бывшие претерито-презентные глаголы, главным признаком которых в современном английском языке является неполная парадигма. Данные глаголы имеют лишь по две, а то и по одной основной форме [Левицкий 2004: 84]. Модальные глаголы выражают основные принятые в логике модальные значения возможности, необходимости, а также желательности как личной модальности. Это единственный случай, когда чётко ограниченный морфологический класс обладает специфической семантикой и функциями, хотя данной семантикой обладают не только претерито-презентные глаголы [Адмони 1960: 154]. Следует

отметить при этом, что семантическое наполнение класса модальных глаголов в немецком и английском языке не одинаково. Так, например, английский глагол *want* в отличие от немецкого *wollen* не относится к модальным глаголам, а английскому модальному глаголу *dare* в немецком языке соответствует целый ряд глаголов, сочетающихся с *zu*-инфинитивом и не являющихся собственно модальными: *wagen, sich trauen, sich fürchten, zögern, sich scheuen* (последние три с отрицательным значением). В русском языке нет соответствующего чётко выделенного морфологического класса модальных глаголов. Модальные значения возможности, необходимости действия выражаются чаще всего соединением инфинитива с модальными глаголами *мочь, уметь*, краткими предикативными прилагательными *способен, должен, обязан* и т. п., либо со словами категории состояния: *нельзя, можно, должно, нужно, надо* и т. п. Отсутствует такой класс и в удмуртском языке. В качестве модальных здесь рассматриваются глаголы, обозначающие желание – *потыны*, намерение – *медыны, малпаны*, возможность – *быгатыны*, стремление – *турттыны, тыршыны, вырыны*, решимость – *дасяськыны* [Тараканов 1998: 181–187; Каракулова 2001: 156]. Характерной особенностью традиционных модальных глаголов является их многозначность, они способны выражать как субъектную, так и субъективную модальность. Семантика модальных глаголов неоднократно подвергалась исследованиям. Й. Буша, Е. В. Гулыга, Е. А. Крашенинникова, К. Г. Крушельницкая, Г. Хайнрих, И. Цох, Е. И. Шендельс и другие авторы исследовали семантику модальных глаголов немецкого языка. Английским модальным глаголам посвящены работы И. М. Вайсбейн, Е. А. Натанзон, Д. А. Рейнгольд, О. В. Труновой, З. Я. Тураевой, А. С. Хорнби, Н. И. Шаховой и др. Семантику русских модальных глаголов и предикативов изучали Е. И. Беляева, В. В. Виноградов, С. И. Небыкова, С. Н. Цейтлин и др. Известна работа Е. Е. Корди, посвященная модальным глаголам французского языка. Исследователи отмечают зависимость изменения значения модальных глаголов от контекста и, с другой стороны, необходимость отграничения собственного

значения модальных глаголов от общего смысла контекста. В целом семантика «классических» модальных глаголов видится нам достаточно изученной.

Известно, что основной синтаксической функцией глагола в предложении является функция сказуемого. «Сказуемое – это главный член двусоставного предложения, который грамматически зависит от подлежащего, выражает предикативный признак, приписываемый подлежащему, и обозначает формальными средствами грамматические значения наклонения и времени» [Лекант 1976: 17]. Лексическое значение модальных глаголов есть модальное значение. А поскольку комплекс модальных значений, включающий оценку отношения признака к субъекту как реального или ирреального с точки зрения говорящего, а также оценку признака со стороны субъекта (желательность – нежелательность признака для субъекта, возможность – невозможность, необходимость и т. п.), является одним из элементов грамматического значения сказуемого, то модальный глагол сам по себе недостаточен для образования сказуемого. Он не обладает достаточным вещественным значением для самостоятельного выражения предикативного признака, поэтому необходим носитель вещественного значения сказуемого. Модальный глагол, таким образом, не может образовывать простое глагольное сказуемое, а входит в состав составного сказуемого, «сущность которого заключается в функциональном размежевании компонентов, в отдельном выражении вещественного и грамматического значений сказуемого» [Лекант 1976: 21]. Как известно, существует два типа составного сказуемого: глагольное и именное. Модальный глагол может входить в качестве форманта в состав обоих типов составного сказуемого. Чаще всего модальные глаголы служат для преобразования глагольного сказуемого, где выражают модальную оценку приписываемого субъекту действия, название которого заключено в основном компоненте – инфинитиве:

Я читаю.   *Я могу читать.*

I read.   *I can read.*

Ich lese.   *Ich kann lesen.*

В составе именного сказуемого модальный глагол также необходимо сочетается с глаголом-связкой, даже если до преобразования таковой отсутствовал (в русском языке, например):

Я студент. Я хочу быть студентом.

I am a student. I want to be a student.

Ich bin Student. Ich will Student sein.

Трансформация сказуемого отличается тем, что не приводит к усложнению модели предложения, как при распространении других её компонентов. Однако при неизменности общего состава модели трансформация сказуемого ведёт к семантическому изменению модели на заданную величину. Такие видоизменения структурной схемы предложения принято называть регулярными реализациями. При их образовании сохраняется без изменения всё объективное содержание предложения, но в его значение вносятся, обогащая его, некоторые дополнительные, в нашем случае модальные, оттенки [Белошапкина 1989: 665]. Модальные глаголы, таким образом, осуществляют модальные регулярные реализации структурных схем предложений. Реализуемые в данных предложениях модальные значения возможности, долженствования, желания и др. не являются значениями модальности как грамматической категории предложения, т. к. заключены в самой семантике модального глагола (в отличие от модальности, выражаемой наклонением глагола), следовательно, данные видоизменения не входят в трансформационную парадигму простого предложения.

Модальные глаголы немецкого языка во вторичной функции способны выражать модальность всего предложения и служить для определения отношения говорящего к содержанию высказывания в плане оценки его достоверности:

Er muss zu Hause sein. – Он должен быть / скорее всего дома.

Er kann zu Hause sein. – Он может быть / возможно дома.

В данном случае мы имеем дело с «устойчивыми грамматизованными словосочетаниями» высшего порядка, они обладают лексическим и грамматическим

идиоматизмом, т. к. лексическое и грамматическое значение целого не выводимо из лексического и грамматического значения составляющих словосочетания [Москальская 1961: 91]. В подобных случаях речь не идёт о «раздельном выражении вещественного и грамматического значения сказуемого». Особенно в предложениях с перфектным инфинитивом:

Er kann zu Hause gewesen sein. – Он, вероятно, был дома.

В данном примере модальный глагол не передаёт временного значения сказуемого. Изменение наклонения модального глагола в приведённом предложении также выражает лишь один из оттенков предположительности, но не модальную характеристику сказуемого. Модальное значение предположительности (оценки достоверности высказывания с точки зрения говорящего) является грамматическим значением не сказуемого, но всего предложения в целом. Однако, поскольку данное модальное значение заключено в семантике самого глагола, то оно не может рассматриваться как грамматическая категория предложения. Регулярные реализации данного вида также не входят в трансформационную парадигму простого предложения, несмотря на то, что различие между модальными реализациями первого и второго вида в немецком языке очевидно.

Наряду с собственно модальными глаголами существует довольно большое количество глаголов, сочетающихся с *zu*-инфинитивом и обладающих сходной семантикой. Данные глаголы являются непрототипическим средством выражения субъектной модальности, поскольку большинство из них могут употребляться и в качестве самостоятельных глаголов. Сочетаниям подобных глаголов с инфинитивом часто бывает отказано в статусе составного глагольного сказуемого, а самим глаголам, соответственно, в статусе модальных модификаторов сказуемого.

Е. И. Шендельс [Шендельс 1988: 291–293] предлагает разделять сочетания модальных глаголов с инфинитивом, образующих сказуемое, и сочетания самостоятельных глаголов с инфинитивом, выполняющим функцию допол-

нения. Признаки, позволяющие, по мнению автора, отличить вспомогательные глаголы от полнозначных, состоят в следующем:

- 1) изменяемая часть составного глагольного сказуемого семантически не может употребляться без инфинитива;
- 2) предложение нельзя преобразовать в сложноподчинённое с придаточным предложением, вводимым союзом *dass*;
- 3) инфинитив может употребляться как самостоятельный предикат в том же семантическом значении.

Названные признаки, однако, не исключают, например, предложений с каузативными глаголами, в которых субъекты финитного глагола и инфинитива различны.

Г. Хельбиг и Й. Буша считают, что речь идёт о сочетании двух полнозначных глаголов в следующих случаях [Helbig, Buscha 1991: 125–127]:

- 1) с глаголами движения: *Er geht baden (= zum Baden)*;
- 2) если субъекты глаголов различны: *Ich höre ihn kommen. = Ich höre. Er kommt. Er hat mir erlaubt zu gehen. = Er hat es mir erlaubt. Ich gehe*;
- 3) если кроме инфинитива возможны другие дополнения при спрягаемом глаголе: *Er hat mir versprochen zu kommen. = Er hat es mir versprochen. Er kommt*;
- 4) если предложение можно преобразовать в сложноподчинённое с придаточным предложением, вводимым союзом *dass*, или заменить инфинитив отглагольным существительным: *Ich freue mich, dich zu sehen. = Ich freue mich, dass ich dich sehe. Er beginnt zu singen. = Er beginnt mit dem Gesang*;
- 5) если предложение может быть разбито на два простых предложения: *Er weigert sich mitzumachen. = Er weigert sich. Er macht nicht mit*.

В результате такого «жёсткого» отбора в качестве вспомогательных глаголов, образующих составное сказуемое с инфинитивом основного глагола, учёные признают лишь глаголы *haben*, *sein*, *werden* и собственно модальные глаголы. Полнозначными при этом оказываются даже фазовые глаголы.

Отдельно упоминается «небольшая промежуточная группа» глаголов, близких к вспомогательным, со значениями, близкими к значениям модальных глаголов. Г. Хельбиг и Й. Буша причисляют к данной группе следующие глаголы: *bleiben, brauchen, scheinen, bekommen, belieben, drohen, gedenken, kommen, pflegen, suchen, verstehen, wissen*. В результате такого разграничения система модальных глаголов немецкого языка становится достаточно разнородной (таблица 2):

Таблица 2

Модальные глаголы	Глаголы модальности	Прочие глаголы с модальными значениями
müssen, dürfen, sollen, wollen, können, mögen	bleiben, brauchen, scheinen, bekommen, belieben, drohen, gedenken, kommen, pflegen, suchen, verstehen, wissen	sich weigern, zögern, beschließen, behaupten, hoffen, sich freuen и т. п.
Вспомогательные глаголы, образуют составное сказуемое	Глаголы, близкие к вспомогательным, образуют составное сказуемое	Полнозначные глаголы, образуют простое сказуемое с инфинитивным дополнением

К. Питтнер и Ю. Берман [Pittner, Berman 2004: 119–122] выделяют три типа глаголов, сочетающихся с инфинитивом: 1) когерентные глаголы (*kohärente Verben*), образующие с инфинитивом составное глагольное сказуемое; 2) факультативно когерентные глаголы (*fakultativ kohärente Verben*), образующие составное глагольное сказуемое либо присоединяющие инфинитив, равноценный придаточному предложению; 3) инкогерентные глаголы (*inkohärente Verben*), всегда сочетающиеся с инфинитивом, эквивалентным придаточному предложению. К первому типу относятся модальные и полумодальные глаголы. Ко второму типу относятся глаголы типа *versuchen*, считающиеся полнозначными. При этом если спрягаемый глагол и инфинитив находятся вместе в препозиции (*Zu reparieren versucht hat er seinen Wagen nicht*), то речь идёт о составном сказуемом. Если инфинитив вынесен за пределы глагольной рамки (*Er hat versucht, den Wagen zu reparieren*), то мы имеем дело с инфинитивным придаточным предложением. Если оба глагола образуют правую глагольную рамку (*Er hat seinen Wagen zu reparieren versucht*), то могут быть рассмотрены

оба варианта. К третьему типу относятся глаголы типа *zwingen*, также являющиеся полнозначными. Такие глаголы относятся к другому субъекту, нежели инфинитив, и возможности их постановки в предложении ограничены. Например, они не могут вместе с инфинитивом находиться в препозиции. Анализируя данную точку зрения, мы видим, что на сегодняшний день германисты более охотно придают статус составного сказуемого инфинитивным сочетаниям с глаголами, выражающими различные модальные значения. Хотя не совсем понятно, почему одна и та же конструкция выполняет разную синтаксическую функцию в зависимости от локализации в предложении. Ведь подлежащее не перестаёт быть таковым, если занимает не первую позицию в предложении.

Ещё более лояльно относятся к инфинитивным конструкциям К. Кессель и С. Райманн [Kessel, Reimann 2005: 11–14]. Авторы выделяют два вида составных сказуемых: гомогенные и гетерогенные. К гетерогенным относятся различного рода именные сказуемые, а также фразеологические сказуемые. К гомогенным сказуемым авторы относят любые глагольные сочетания, в том числе конструкции «винительный с инфинитивом» (*accusativus cum infinitivo*), сочетания инфинитива с глаголами движения, с каузативными глаголами. На наш взгляд, такое обобщение столь же неправомерно, как и слишком категоричный подход Г. Хельбига и Й. Буша.

Из всего вышеизложенного явствует, что наличие в немецком языке частицы *zu*, отдаляющей инфинитив от финитного глагола, затрудняет однозначное определение синтаксической функции инфинитива. Большое количество глаголов, сочетающихся с *zu*-инфинитивом и передающих значения **решимости** (*sich trauen, wagen*), **нерешимости** (*sich fürchten, sich scheuen, zögern*), **намерения** (*beschließen, planen, vorhaben, sich vornehmen*), **попытки** (*sich bemühen, sich anstrengen*), **эмоциональной оценки** (*sich freuen, sich ärgern*), **ожидания** (*erwarten, hoffen*) и др., принято считать полнозначными глаголами с инфинитивом в функции дополнения. В русском же языке, где отсутствует подобная частица и не выделяется особая группа глаголов по

морфологическому признаку (претерито-презентных), модальные глаголы представляют собой довольно большую группу. В неё входят, например, такие глаголы, как: *решить, намереваться, надумать, готовиться, ухитриться, пробовать, пытаться, стараться, любить, предпочитать, привыкнуть, приспособиться* и др. Большинство соответствующих немецких глаголов требуют инфинитива с *zu* и не причисляются ни к «классическим» модальным, ни к глаголам модальности, а признаются полнозначными с инфинитивом в роли дополнения. «Грамматическая семантика дополнения – уточнение, специализация сказуемого» [Левицкий 2003: 219]. «Модальные глаголы выражают модальную оценку действия, название которого заключено в основном компоненте – инфинитиве» [Лекант 1976: 70], соответственно, по своему также уточняют сказуемое. Таким образом, вопрос сводится к определению направленности вектора уточнения в конкретном случае: специализирует ли инфинитив значение финитного глагола или финитный глагол модифицирует значение инфинитива. Необходимо понять, какое действие приписывается субъекту-подлежащему: выраженное инфинитивом или спрягаемой формой глагола. В первом случае закономерно говорить о составном глагольном сказуемом, во втором случае – о простом глагольном сказуемом с дополнением, выраженным инфинитивом. Осложнения здесь (как в немецком, так и в русском языке) связаны с тем, что модальные глаголы обладают самостоятельным лексическим значением. Самостоятельное лексическое значение глаголов проявляется в сочетании с второстепенными членами (управляемыми существительными, наречиями; ср.: *согласился со мной, собирался в школу, привык к теплу*), при этом то или иное значение либо оттенок поддерживается зависимыми словами. В сочетании же с инфинитивом лексическое значение данных глаголов становится более отвлечённым. Происходит функциональное изменение, выражающееся в том, что глагол в сочетании с инфинитивом обозначает не конкретное действие, а отношение, т. е. имеет место грамматизация лексического значения. Модальное значение данных глаголов проявляется только в сочетании с инфинитивом [Лекант

1976: 74–75]. В результате такого подхода в немецком языке, так же как и в русском, большинство глаголов, присоединяющих инфинитив с частицей *zu*, окажутся модальными модификаторами сказуемого. И в самом деле, в предложении *Ich freue mich, dich zu sehen* основным действием, приписываемым субъекту-подлежащему, является действие, выраженное инфинитивом: *Ich sehe dich*. Спрягаемый глагол выражает оценку основного действия, в данном случае эмоциональную. Тот факт, что очень многие предложения с инфинитивом можно трансформировать в сложноподчинённые с союзом *dass* (*Ich freue mich, dass ich dich sehe*), свидетельствует, по-видимому, о том, что некоторые глаголы могут выражать модальность эксплицитно, не включая её в диктум предложения, т. е. могут употребляться в качестве **модусных** глаголов [Балли 1955: 44].

Неоднозначно решается вопрос о принадлежности модальных глаголов и их эквивалентов к полнозначным или служебным глаголам. Наиболее распространённой является точка зрения о служебном характере собственно модальных глаголов [A New University English Grammar 2003: 218; Helbig, Buscha 1991: 125–127]. Модальные глаголы могут быть более или менее лексически насыщены. При выражении предположения лексическое значение модальных глаголов сильно ослаблено, в то время как при выражении субъектной модальности значения возможности, необходимости, желательности заключаются в семантике самих модальных глаголов. Сохранение той или иной степени лексического значения позволяет говорить об особом полуслужебном характере модальных глаголов [Смирницкий 1957: 124–130]. Соответственно, в качестве полуслужебных с разным соотношением лексического и модально-неполнозначного веса выступают и модализованные глаголы.

Всё вышесказанное относится в полной мере и к сочетаниям типа **cop + Adj / Part**, как к непрототипическим средствам выражения субъектной модальности. Сочетания глагола-связки (нем. *sein*, англ. *be*, рус. *быть*) с прилагательными и причастиями (в русском языке с краткими прилагательными

ми / причастиями, а также с безличными предикативами на -о) позволяют передавать свойственные модальным глаголам значения необходимости: *Ich war gezwungen das zu tun. Я был вынужден сделать это*; возможности: *Sie war fähig das vorzubeugen. Она была способна предотвратить это*; а также более частные модальные значения намерения, решимости, готовности, разного рода оценки: *Ich bin froh, sie zu sehen. Я рад вас видеть. Es war schwer, sich daran zu erinnern. Было трудно вспомнить это.*

Данные сочетания выполняют в предложении синтаксическую функцию модальных модификаторов сказуемого:

Ich bin froh (freue mich), dich zu sehen.

I am glad to see you.

Я рад тебя видеть.

В русском языке, как известно, глагол-связка эксплицируется только в форме прошедшего и будущего времени. В форме настоящего времени значение «существования», «наличия», выражаемое глаголом-связкой, имплицитно заложено в предикативе. Приписывая определённому предмету / факту действительности некоторый признак, мы уже признаём его существование.

Особого внимания заслуживают модальные конструкции **cop + Adj / Part** в безличных предложениях. В немецком и английском языке это предложения с безличным местоимением (нем.: *es*, англ.: *it*) в качестве подлежащего, в русском языке безличные предложения оформляются как односоставные:

Ach, es war angenehm, heimzukehren! (P. Süskind)

It was so well to be there!

Буквы такие чёрненькие, маленькие... страшно подумать даже... (Т. Толстая)

Т. Н. Нестерович, исследуя данный тип предложений во французском языке, приводит различные точки зрения на синтаксическую роль инфинитива: а) инфинитив является подлежащим, порядок слов при этом экспрессивный; б) инфинитив – сказуемое; в) инфинитив – дополнение безличного оборота [Нестерович 1977: 41]. В своем исследовании автор приходит к выводу о

семантической (как организатора пропозиции) и синтаксической (стимулируемой глубинно-синтаксическими связями с субъектом и атрибутом) центральности глагола. Таким образом, констатируется принадлежность инфинитива к одному из главных членов предложения – сказуемому, а не к дополнению, как это принято толковать. «Инфинитив способен входить составной частью в этот своеобразный тип сказуемого, т. к. он обладает важнейшим свойством – предикативностью, т. е. он играет основную роль в экстралингвистической отнесённости предложения... Тесная поверхностно-синтаксическая взаимосвязь и взаимообусловленность прилагательного и инфинитива в исследуемой конструкции служит дополнительным источником для того, чтобы утверждать существование в безличном предложении особого типа сказуемого – *est + Adj + Inf* при подлежащем *il*» [Нестерович 1977: 44–45]. Данный вывод проецируется и на другие языки.

Большинство прилагательных и причастий, встречающихся в конструкциях **cop + Adj / Part**, чаще употребляются в качестве определений при существительных или обстоятельствах образа действия при глаголе. Однако есть и такие, которые специализируются на модальной модификации сказуемого и употребляются как синонимы собственно модальных глаголов (нем.: *fähig, gezwungen, gewillt* и др.). С другой стороны, не все лексемы, выступающие как определения, могут включаться в оценочные модусы, так как оценка относится к интенциональной сфере. Прилагательные в таких конструкциях обозначают признаки, которые так или иначе связаны с эмоционально-ментальной сферой; признаки собственно внешние, физические (в первую очередь цвет, форма и т. п.) не входят в оценочные модусы [Вольф 1985: 88].

Для выражения значений возможности и необходимости могут использоваться конструкции с причастиями прошедшего времени каузативных глаголов: *Aber die Post ging erst am folgenden Morgen ab, und Hans Unwirrsch war gezwungen, einen unruhigen Schlaf in einem zu kurzen Wirtshausbett zu schlafen (W. Raabe)*. В данном случае наиболее ярко проявляются семантические связи между модальными и каузативными глаголами. Пассивная

форма каузативных глаголов может обозначать разные виды модальностей возможности, необходимости, невозможности, так как в подобных случаях опущена информация об агенте и на первый план выступает пациент [Корди 1988: 138–140]:

деонтическая возможность: *Es war ihm erlaubt, Designoris Freundschaft anzunehmen, sich seinem Einfluß und seinem Angriff zu stellen, ohne Einmischung oder Überwachung von seiten der Lehrer (H. Hesse);*

онтологическая возможность: *Diese schöne Kunst ist eine von denen, in welchen nur den Hofleuten gegeben ist, Meister zu sein (C. M. Wieland);*

деонтическая необходимость: *Er ist nicht verpflichtet, kranke Parteien hinauszufahren, und tut es doch, wie Sie sehen (F. Kafka);*

онтологическая необходимость: *Um nun die Stelle gut zu bearbeiten, haben wir, ehe wir einen Baum setzten, eine so tiefe Grube gegraben und mit gelockerter Erde gefüllt, daß der Baum bedeutend alt werden konnte, ehe er **genötigt war**, seine Wurzeln in unbearbeiteten Boden zu treiben (A. Stifter).*

Высокая вариативность прилагательных и причастий в рассматриваемых сочетаниях обуславливает высокую продуктивность данной модели в речи. В состав таких инфинитивных конструкций могут, например, интегрироваться заимствованные прилагательные:

War es denn auch crazy, mich als fettiges Chappi-Stück zu bezeichnen? (B. Lebert).

А также прилагательные, свойственные разговорной речи:

Es ist nicht so toll, an seinem ersten Schultag zu spät zur Hausaufgaben-Anfertigungsstunde zu erscheinen», sagt sie (B. Lebert).

Немаловажно отметить, что в таких языках как немецкий идентификация модальных конструкций типа *sein + Adjektiv / Partizip + zu + Inf* в предложениях, где в роли подлежащего выступает пациент, осложняется наличием модальной функции у самого глагола *sein*. Следует отличать оценочные конструкции *sein + Adjektiv / Partizip + zu + Inf* от конструкций *sein + zu + Inf*, дополненных

прилагательным, что на практике не всегда просто. Д. Холль [Holl 2001: 219] предлагает использовать следующие трансформации:

1. *Die Aufgabe ist leicht zu lösen.*
= *Die Aufgabe kann leicht gelöst werden.*
2. *Die Aufgabe ist gut/schlecht zu lösen.*
= *Die Aufgabe kann gut/schlecht gelöst werden.*
3. *Die Aufgabe ist schnell zu lösen.*
= *Die Aufgabe muß/kann schnell gelöst werden.*
4. *Der Weg ist beschwerlich zu gehen.*
≠ *Der Weg kann/muß beschwerlich gegangen werden.*

Таким образом, если возможна трансформация с модальными глаголами *können* и *müssen* или даже обе, как в случае (3), то мы имеем дело с модальным глаголом *sein*. Если же такая трансформация невозможна, то перед нами оценочная конструкция *sein + Adjektiv/Partizip + zu + Inf*, как в случае (4). Такое разделение справедливо и с синтаксической точки зрения, поскольку в случаях (1–3) прилагательное выступает в функции обстоятельства, а в случае (4) в предикативной функции [Holl 2001: 219]. Для предложений типа (4) возможна иная трансформация, невозможная для предложений (1–3):

5. *Der Weg ist beschwerlich zu gehen.*
= *Es ist beschwerlich, den (diesen) Weg zu gehen.*

В результате данной трансформации становится очевидным, что в предложении, прежде всего, дается оценка действию, выраженному инфинитивом. Д. Холль не считает семантику подобных конструкций модальной, в отличие от конструкций *sein + zu + Inf* [Holl 2001: 219]. Мы же придерживаемся такой точки зрения, что значение качественной и эмоциональной оценки относится к функционально-семантическому полю модальности.

Модальность оценки в логике называется аксиологической, в её рамках рассматриваются значения «хорошо / плохо». Кроме абсолютных аксиологических модальностей, существуют сравнительные аксиологические модальности со значениями «лучше / хуже». Те же значения рассматривает в качестве

основных оценочных отношений Е. М. Вольф, разработавшая теорию оценки в языке. Кроме общеоценочных модусов со словами *хорошо, плохо, лучше, хуже*, лингвист рассматривает и частнооценочные модусы, где оценка составляет лишь один из аспектов значения [Вольф 1985: 87]. К частнооценочным модусам относятся большинство рассматриваемых нами прилагательных и причастий. Е. М. Вольф справедливо отмечает, что оценочных выражений такого рода чрезвычайно много [Вольф 1985: 87]. Настоящее исследование не претендует на полноту, тем более что рассматриваемые нами конструкции **cop + Adj / Part + zu + Inf** есть лишь один из структурных типов оценочных модусов.

Предложения с конструкцией **cop + Adj / Part + zu + Inf** можно разделить на две группы. В предложениях первой группы в качестве подлежащего выступает одушевлённое существительное или местоимение, обозначающее человека: *Ich bin glücklich, dir helfen zu können; Er ist zufrieden, mit dem Buss gefahren zu sein; Я рад вам помочь; Он готов ехать*. Предложения второй группы являются безличными: *Es ist gut, lesen zu können; Es ist anstrengend, böse zu sein; Es war schwer, ihn zu überzeugen; Es ist sehr aktuell, davon zu reden; Хорошо быть маленьким; Трудно что-либо возразить; Смешно не уметь читать*. Однако в конкретной ситуации безличное предложение может передавать отношение самого говорящего к действию, кто, как не говорящий, является логическим субъектом предложения: *Es ist heute schwer, mit dir zu reden*. В таких случаях (особенно в русском языке) логический субъект может эксплицироваться в форме дательного падежа в ролевых конструкциях типа: *Ihm war es leicht, einen Aufsatz zu schreiben. Mir ist es sehr angenehm, Sie kennenzulernen. Мне трудно об этом вспоминать. Ей было важно прийти вовремя*.

Модальные конструкции типа *es ist + Adj / Part + zu + Inf* наиболее близки к общей модальной формуле А. Прайора: это есть **Ф, что р**. Очевидно, что любые модальные формулы являются условными для естественного языка [Вольф 1985: 79], однако, в соответствии с точкой зрения В. Г. Гака, именно

такая форма наиболее характерна для синтаксиса эмоций и оценок. «Оценочный, субъективный элемент имеет тенденцию предшествовать объективному, диктальному (обозначению самого события) на всех уровнях структуры речи» [Гак 1996: 28]. Для собственно эмоциональных оценок лингвист объясняет данную тенденцию с позиций психологии: «...эмоциональное состояние, эмоции в структуре человеческой деятельности выполняют мобилизующую или компенсационную функцию. Мобилизационный характер эмоции заключается ... в подготовке нервной системы человека к деятельности, в том числе, разумеется, и к речевой деятельности. Эмоции стимулируют речевой акт, они способствуют «развязыванию», началу речевого акта, а также помогают оказывать воздействие на слушающего, убедить его, заставить его слушать сообщение. Этим и объясняется, по-видимому, препозиция эмоционального компонента в структуре языкового целого» [Гак 1996: 29].

Стоит отметить, что некоторые прилагательные очень часто образуют инфинитивные конструкции не с глаголом-связкой, а с так называемыми «аксиологическими предикатами». «Аксиологические предикаты – это класс предикатов, которые входят в структуру оценки, объединяя её субъект и объект. Специфическими для оценочных высказываний являются предикаты групп *считать, чувствовать (себя)* и их свёрнутые аналоги: *по-моему* и т. п.» [Вольф 1985: 97]: *Я чувствую себя обязанным помочь вам. Он оказался не готовым сдать экзамен.* В немецком языке в инфинитивные конструкции с прилагательными / причастиями наиболее часто входят следующие аксиологические предикаты: *sich sehen, sich fühlen, sich finden, sich zeigen, sich erklären, scheinen, erscheinen, vorkommen, halten für*. Например:

1. *Und die Mama schien ernstlich willens, in Äußerung ihrer Sorgen und Ängste fortzufahren (T. Fontane);*

2. *Sie fühlte sich im Grunde ihrer Seele nicht verpflichtet, diesen fremden Menschen mit solcher gefährlichen Krankheit im Hause zu behalten (W. Raabe);*

3. *Ich ward überzeugt, die Leute fühlten, was ich fühlte, und ich fand mich nun sehr glücklich, ein solches Verschen ins Gedächtnis zu fassen und mich einige Tage damit zu tragen* (J. W. Goethe).

Аксиологические предикаты «вводят в высказывание эксплицитную субъективность, указывая на присутствие оценочного субъекта и представляя оценку как относящуюся к его концептуальному миру» [Вольф 1985: 97]. Таким образом, в подобных инфинитивных конструкциях накладываются друг на друга два вида модальности: оценочная и волюнтативная (1), оценочная и модальность необходимости (2), две оценочные модальности (3) и т. д. Цель включения такого глагола – смягчение категоричности высказывания. Ю. А. Левицкий говорит в таких случаях о двукратных модально-модальных преобразованиях сказуемого [Левицкий 2003: 213]. С другой стороны, аксиологические предикаты могут рассматриваться как контаминированные модально-связочные глаголы.

Таким образом, глаголы с модальной семантикой, сочетающиеся с маркированным инфинитивом, а также сочетания глагола-связки с прилагательными и причастиями выполняют функцию модальных модификаторов сказуемого и характеризуют отношение субъекта диктального действия к самому действию. Однако лишь некоторые из непрототипических средств выражения субъектной модальности действительно рассматриваются как функциональные и семантические эквиваленты модальных глаголов. Л. Р. Зиндер и Т. В. Сокольская наряду с собственно модальными глаголами выделяют глаголы *sein, haben, scheinen, brauchen* как «другие глаголы в функции наклонений» [Зиндер, Сокольская 1938: 120–123]. М. В. Андреевская называет следующие глаголы и конструкции, выполняющие функцию модальных глаголов: *sein, haben, scheinen, brauchen, vermögen, imstande sein, Möglichkeit haben, möglich sein, wünschen, Lust haben, begehren* [Андреевская 1950: 176–190]. Л. Ф. Куманичкина называет глаголы *haben, sein, brauchen, scheinen, glauben* глаголами, примыкающими к модальным [Куманичкина 1964: 94]. Е. И. Шендельс приводит большой ряд синонимов модальных глаголов:

wünschen (sich), begehren, den Wunsch haben, Lust haben, brauchen (nicht), vermögen, (es) nötig haben, die Möglichkeit haben, imstande sein, außerstande sein, wissen, verstehen, fähig sein, bemüht sein, gezwungen sein, willig sein, идиоматические конструкции с *sein* и *haben* [Шендельс 1988: 291–292]. Среди современных германистов глаголы, «близкие к модальным», выделяют Г. Хельбиг и Й. Буша: *bleiben, brauchen, scheinen, kommen, pflegen, wissen, bekommen, lieben, drohen, gedenken, suchen, verstehen, haben, sein* [Helbig, Buscha 1991: 50–51]. Х. Вайнрих отмечает, что в семантическом поле модальных глаголов существует ряд глаголов, которые также часто употребляются с инфинитивом (с частицей *zu*). Данные глаголы лингвист называет квазимодальными и выстраивает их в синонимические ряды, соответствующие собственно модальным глаголам [Weinrich 1993: 315]:

kann: *vermag, weiß, verstehe, bin imstande*

muß: *habe, bin gehalten, bin verpflichtet, bin gezwungen*

darf: *wage, erlaube mir, gestatte mir, genehmige mir*

will: *gedenke, plane, beabsichtige, nehme mir vor, sinne darauf, verspreche*

soll: *bin veranlaßt, bin gehalten*

mag (nicht): *wünsche, hoffe, neige dazu, zögere, bin besorgt, fürchte, habe Angst, schrecke davor zurück*

Списки непрототипических средств выражения субъектной модальности различны у разных авторов. При этом акцент делается на разных сторонах сходства данных глаголов с собственно модальными: семантику, синтаксическую функцию, сочетаемость с инфинитивом. Следует отметить также, что в числе непрототипических модальных средств выражения субъектной модальности рассматриваются описательные глагольно-именные обороты, выполняющие те же функции. Такие обороты представляют собой конструкции «*иметь* + имя существительное» и способны выражать широкий спектр значений субъектной модальности: возможность – *иметь возможность, иметь шанс, иметь право, иметь дар, иметь искусство*, нем. *Möglichkeit haben, Talent haben, Gelegenheit haben*; необходимость – *иметь надобность, иметь*

потребность, иметь нужду, нем. *Pflicht haben*; *желание – иметь желание, иметь намерение, иметь надежду*, нем. *Wunsch haben, Lust haben, Absicht haben*; *привычность действия – иметь привычку, иметь обыкновение, иметь обычай, иметь склонность*, нем. *Neigung haben, Gewohnheit haben* и т. п. В отличие от модальных и модализованных глаголов и кратких предикативов, являющихся ядерными средствами выражения субъектной модальности, описательные глагольно-именные обороты располагают большими возможностями передачи различных смысловых оттенков. Выражение дополнительных модальных и немодальных значений осуществляется при помощи ввода в оборот определительного элемента: *иметь страстное желание, иметь скверную привычку, иметь счастливую возможность* и т. п. Так же, как глаголы и краткие предикативы, описательные глагольно-именные обороты являются частью составного глагольного сказуемого [Олзоева 2005: 87–91].

Учитывая наличие в языке функциональных эквивалентов модальных глаголов, современные лингвисты выделяют особый подкласс глаголов, именуемых полумодальными (*Halbmodalverben*) [Pittner, Berman 2004: 20] или чаще всего модализованными глаголами (*Modalitätsverben*) [Kessel, Reimann 2005: 11]. Разные исследователи относят к данной группе глаголы *anfangen, aufhören, beginnen, bekommen, belieben, drohen, gedenken, haben, pflegen, scheinen, sein, suchen, sich unterstehen, versprechen, verstehen, versuchen, wissen*. Однако выделенные в данную группу глаголы не отличаются единством модальных значений: в то время как большинство глаголов являются средствами характеристики отношений между субъектом и его действием, глаголы *scheinen, drohen, versprechen* выражают предположение, т. е. значения субъективной модальности. Пара глаголов *versprechen* и *drohen* единогласно причисляется к группе модализованных глаголов, но только в одном из своих значений. Например, если предложение *Der Lehrling verspricht ein guter Bäcker zu werden* обозначает, что ученик подаёт надежды, что, вероятно, он станет хорошим пекарем, то глагол *versprechen* является глаголом модальности. Если же в предложении говорится о том, что ученик даёт обещание и намеревается

стать хорошим пекарем, то речь идёт о полнозначном глаголе *versprechen*. То же касается и глагола *drohen*, выражающего предположение или намерение с негативной оценкой со стороны говорящего.

Немало трудностей для исследователей создаёт тесное взаимодействие категорий модальности, темпоральности и аспектуальности, и действительно все три категории определённым образом характеризуют протекание действия. В результате некоторые лингвисты причисляют к глаголам модальности глаголы *anfangen*, *beginnen*, обозначающие начальную фазу действия, и глагол *aufhören*, обозначающий конец действия. Как известно, в немецком языке отсутствует грамматическая категория вида. Однако аспектуальность как понятийная категория присутствует, как и в других языках. Под аспектуальностью понимают характер протекания того или иного события. В немецкой грамматике выделяются четыре вида аспектуальных значений: 1) фазы протекания процесса (начальная, средняя, конечная фаза); 2) достижение (или недостижение) некоторого внутреннего предела действия; 3) однократность или многократность действия; 4) интенсивность процесса [Шендельс 1988: 120]. Таким образом, глаголы, обозначающие начало, продолжение или окончание действия, являются лексическими средствами выражения категории аспектуальности. Г. Хельбиг и Й. Буша выделяют данные глаголы как фазовые (Phasenverben) [Helbig, Buscha 1991: 50–51]. Фазовые глаголы выделяются в отдельную группу в большинстве языков, например, в английском языке глаголы *begin*, *continue*, *finish* и их синонимы [Левицкий 2004: 84]. В удмуртском языке глаголы *кутскыны*, *о́дъяны* – для обозначения начала действия, глагол *дугдыны* – для обозначения конца действия [Каракулова 2001: 156]. Е. И. Шендельс относит к средствам выражения аспектуальных значений и глаголы *pflügen* – «иметь обыкновение» и *sich gewöhnen* – «иметь привычку» как выражающие значение многократности действия: *Er pflegte bei offenem Fenster zu schlafen. Er gewöhnte sich daran, bei offenem Fenster zu schlafen* [Шендельс 1988: 124]. Более справедливым, однако, представляется отнесение данных глаголов к сфере модальности привычности действия [Лекант 1976: 73;

Олзоева 2005: 90; Helbig, Buscha 1991: 50–51]. Принадлежность глаголов со значением привычки к модальным глаголам доказывает тот факт, что модальный модификатор, заменяясь девербативом или номинализируясь, сохраняет возможность сочетания с инфинитивом:

желает путешествовать – желание путешествовать; привык бездельничать – привычка бездельничать; ist gewöhnt zu warten – die Gewohnheit zu warten.

При фазовых же девербативах название действия может быть только в девербативе:

начал пенетрировать – начало пенетрации; fing zu übersetzen an – Anfang der Übersetzung.

Неоднозначен статус глагола *werden* при образовании формы будущего времени. Учитывая потенциальный характер футурального действия, некоторые лингвисты рассматривают его как модальный [Engel: 105].

В английском языке Ю. А. Левицкий [Левицкий 2004: 85] наряду с «классическими» модальными глаголами выделяет достаточно большое количество глаголов с модальным значением:

желания: *wish, want, desire, long;*

надежды: *hope, expect;*

стремления: *seek, struggle, strive, tend;*

намерения: *intend, mean, decide, resolve, plan;*

попытки: *try, attempt, endeavour;*

готовности: *venture, determine, hesitate;*

неожиданности, случайности: *chance, happen, prove, turn out;*

кажмости, видимости: *seem, appear, look, sound.*

Помимо выделенных отдельных глаголов с модальным значением в английском языке в качестве модальных модификаторов сказуемого (как и в немецком, и в русском языке) активно используются сочетания глагола *be* с некоторыми прилагательными и причастиями, которые Ю. А. Левицкий рассматривает как эквиваленты модальных глаголов [Левицкий 2004: 85].

В русском языке модальное значение выражается в специализированных формах составного глагольного сказуемого большой группой спрягаемых глаголов. П. А. Лекант отмечает, что лексическое значение данных глаголов весьма разнообразно, и попытка сгруппировать их вряд ли может привести к бесспорным результатам. Предлагается выделять наиболее типичные модальные значения, выражаемые спрягаемым компонентом составного глагольного сказуемого (спрягаемыми глаголами, краткими прилагательными и причастиями). Таковыми, по мнению автора, являются модальные значения долженствования (*должен, обязан, принужден, вынужден*), возможности (*мочь, уметь, успеть*), волеизъявления (*хотеть, желать, мечтать, изволить, решить, намереваться, решиться, надумать, готовиться, собираться, пробовать, пытаться, стараться*), субъективно-эмоциональной оценки (*любить, предпочитать, пристраститься*), оценки обычности действия (*привыкнуть, научиться, приспособиться*) [Лекант 1976: 71–72].

В удмуртском языке не происходит деления на «классические» и «неклассические» модальные глаголы. Отсутствует и инфинитивная частица. Наряду с модальными глаголами со значением желания, возможности, стремления, намерения, решимости в качестве модальных операторов сказуемого могут функционировать эмоциональные глаголы, обозначающие предрасположенность: *яратыны, кельшыны*, опасение: *кышканы* [Каракулова 2001: 157].

При выделении модальных глаголов и их функциональных эквивалентов необходимо отграничить те случаи, когда инфинитивная частица выражает значение цели. В древневерхненемецком языке инфинитивная частица *zu* имела исключительно значение цели. Однако впоследствии частица *zu* стала по аналогии употребляться при других инфинитивах. Такое распространение привело к утрате финального значения (значения цели) и формализации инфинитивной частицы до такой степени, что понадобился дополнительный маркер значения цели, которым стала частица *ut* [Москальская 1965: 117]. Древнеанглийский предложный инфинитив, представляющий форму дательного падежа с предлогом *to*, также имел значение цели [Ильиш 1968: 149]. В сред-

неанглийский период инфинитив потерял характерное окончание дательного падежа, вследствие чего *to* превратилась в преинфинитивную частицу и стала употребляться и в тех случаях, когда никакого указания на направление или цель не было. В конце ранненовоанглийского периода, когда инфинитив совпал с некоторыми личными формами глагола и стал нуждаться в особом морфологическом показателе, частица *to* окончательно закрепляется как морфологический показатель инфинитива, утратив первоначальное значение цели [Ильиш 1968: 267; Смирницкий 2000: 136]. При переводе предложений с такими глаголами, как *streben*, *trachten* (особенно с коррелятом *danach*), на русский язык инфинитивный оборот вводится многозначным союзом *чтобы*:

Er strebte danach, alles möglichst schnell zu beenden. – Он стремился к тому, чтобы как можно быстрее все закончить.

Основным значением союза *чтобы* является целевое значение. Цель представляет собой желаемое событие. Как известно, в русском языке формы *на бы (чтобы)* выражают также возможность или желательность чего-либо. С. В. Степанюк даёт определение синтаксической категории цели, опираясь на метод дифференциальных признаков: «финальный член – это второстепенный член предложения, обозначающий желаемое событие или явление, для возникновения которого необходима предшествующая активная сознательная деятельность» [Степанюк 1976: 77]. В предложениях с глаголами, обозначающими стремление, так же, как и желание, отсутствует указание на активную деятельность, которая необходима для осуществления события. Следовательно, глаголы попытки *streben*, *trachten* (рус. *стремиться*, *стараться*, англ. *seek*, *struggle*, *strive*, *tend*, удм. *турттыны*, *тыршыны*, *вырыны*) не являются противочленом цели, а выражают отношение между субъектом и его действием.

Выводы по первой главе

Категория модальности в логике является одной из важнейших характеристик суждения. Модальность неразрывно связана с познавательной деятельностью человека и отражает процесс движения мысли на пути познания связей объективного мира. Традиционно модальной логикой исследуются

высказывания, имеющие значение возможности, действительности и необходимости. Все суждения делятся, соответственно, на *проблематические* – суждения возможности, *ассерторические* – суждения действительности, *аподиктические* – суждения необходимости. В зависимости от степени познания объективно существующих связей все суждения формулируются как *вероятные* либо как *достоверные*.

В широком смысле под модальностью понимаются любые виды характеристики способа связи между субъектом и предикатом. Диапазон модальных значений, таким образом, не ограничивается значениями возможности, действительности и необходимости с точки зрения логических, физических, общественных законов, а включает также личные модальности индивидуума: желание, веру, знание, надежду, эмоциональную оценку и т. п.

Понятие модальности в лингвистике в целом основано на логическом представлении о данной категории, так как предложение является языковым воплощением суждения. Так же, как деление суждений по модальности оправдано лишь в рамках познавательной деятельности человека, так и модальность предложения является отражением активности мыслящего субъекта, результатом преломления реальной действительности в его сознании.

Модальность является универсальной понятийной и функционально-семантической категорией, обладающей широким набором разноуровневых средств выражения семантики отношения высказывания к действительности, устанавливаемого с точки зрения говорящего. В широком понимании, принятом в настоящей работе, модальными являются: 1) оценка говорящим реальности / нереальности содержания высказывания; 2) оценка пропозициональной ситуации с точки зрения её возможности, необходимости или желательности; 3) оценка говорящим степени его уверенности в достоверности сообщаемого; 4) коммуникативная функция высказывания; 5) значение утверждения / отрицания; 6) значение засвидетельствованности; 7) эмоциональная и качественная оценка содержания высказывания. Доминирующим признаком, так или иначе представленным во всех выделенных значениях, является признак реальности / ирреальности.

Модальность представляет собой группировку ФСП, образуемых определёнными подсистемами модальных значений.

Субъектная модальность как отношение субъекта действия к самому действию относится к сфере потенциальности, сочетающей признаки реальности и ирреальности, и к сфере реальности в широком смысле.

Основными значениями субъектной модальности являются значения возможности, необходимости, желания, а также значение привычности действия и различного рода оценки связи между субъектом и его признаком.

Прототипическими средствами выражения значений субъектной модальности являются модальные глаголы в составе сказуемого. Наряду с собственно модальными глаголами в различных языках существует целый ряд глаголов, способных в сочетании с инфинитивом выражать модальные значения. Распространённым непрототипическим средством репрезентации субъектных модальных значений являются также сочетания связочного глагола с различными предикативами (прилагательными, причастиями, словами категории состояния), выступающие в роли модальных модификаторов сказуемого.

Глава II. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕПРОТОТИПИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТНОЙ МОДАЛЬНОСТИ

Прототипическим средством выражения субъектной модальности являются собственно модальные глаголы. Они образуют ядро ФСП субъектной модальности, так как 1) наиболее часто употребляются для выражения субъектных модальных значений, 2) несут максимальную функциональную нагрузку, 3) являются наиболее специализированным средством выражения рассматриваемых значений. Наряду с собственно модальными глаголами в центре поля располагается большое количество так называемых модализованных глаголов и предикативных сочетаний, выполняющих те же функции и обладающих схожей семантикой. Данные языковые средства не относятся к прототипическим, так как уступают собственно модальным глаголам в частотности и специализированности на актуализации значений субъектной модальности. Тем не менее модализованные глаголы и сочетания с предикативными прилагательными и причастиями позволяют наиболее эксплицитно выразить значения возможности, необходимости, желательности, привычности действия и различного рода оценки. Довольно часто в качестве модальных модификаторов сказуемого употребляются описательные глагольно-именные комплексы типа «*иметь* + имя существительное»: *иметь возможность – Möglichkeit haben, иметь желание – Wunsch haben* и т. п.

Среди прочих средств выражения отношения субъекта к его действию в немецком языке выделяются следующие конструкции: 1) сочетания неопределённо-личного местоимения с настоящим временем конъюнктива – *man betone* «следует подчеркнуть», *man nehme* «следует взять»; 2) сочетания безличного местоимения с настоящим временем конъюнктива глагола *sein* и причастием вторым основного глагола – *es sei erwähnt* «следует упомянуть», *es sei hinzugefügt* «следует добавить». Функционирование конструкций первого типа

ограничено рецептами, инструкциями и научными текстами, конструкции второго типа характерны для научных текстов.

Для русского языка типично выражение субъектной возможности и необходимости с помощью инфинитивных предложений: *Всех дел не переделать* = *Невозможно переделать все дела*; *Мне ещё с собакой гулять* = *Я ещё должен погулять с собакой*. Недискретное выражение значения возможности осуществляется также посредством употребления различных видовых форм глагола: *Ничего не поделаешь* = *Ничего нельзя сделать*; *Всю ночь никак не засну* = *Всю ночь не могу заснуть* и т. п. [Шелякин 1990: 110; Беляева 1990а: 129–130].

Обратимся к детальному рассмотрению семантики модализованных глаголов и предикативов как наиболее близких к ядру непрототипических средств выражения субъектной модальности.

В результате анализа собранного фактического материала было выявлено 80 глаголов, сочетающихся с инфинитивом полнозначного глагола посредством частицы *zu* и выполняющих наряду с собственно модальными глаголами функцию модальных модификаторов сказуемого¹: *sich abmühen*, **sich angewöhnen*, *sich anschicken*, **sich anstrengen*, **sich ärgern*, *aufgeben*, **aushalten*, **beabsichtigen*, **bedauern*, **bedeuten*, *sich beeilen*, *begehren*, **beglücken*, *bekommen*, *belieben*, **sich bemühen*, **bereuen*, **beschließen*, *bleiben*, *brauchen*, *brennen*, *bringen*, *denken*, **drohen*, **einfallen*, *sich entscheiden*, *sich entschließen*, **erwägen*, **erwarten*, **sich freuen*, **fürchten*, *geben (es gibt)*, *gedenken*, *gelingen*, *gelten (es gilt)*, **sich genieren*, *sich getrauen*, *glücken*, *haben*, *hassen*, **hoffen*, *sich hüten*, **interessieren*, *kriegen*, *leicht fallen*, *lieben*, **liegen daran*, **sich lohnen*, *neigen*, *nützen*, *pflügen*, **planen*, *säumen*, **schaffen*, *(*)sich schämen*, *sich scheuen*, *schwer fallen*, *sein*, *streben*, *suchen*, *sich trauen*, **tun (es tut gut/leid/weh)*, *sich unterstehen*, **verdienen*, *verfehlen*, *vermeiden*, *vermögen*, **versprechen*, *verstehen*, *versuchen*, *vorhaben*, *sich vornehmen*, *vorziehen*, *wagen*, *sich weigern*, *wissen*, **sich wundern*, **wünschen*, *zögern*, *zweifeln*.

---

¹ Здесь и далее знаком * обозначены глаголы и предикативы, способные употребляться как модусные, присоединяя придаточное предложение с союзом *dass*. Знаком (*) обозначены многозначные глаголы и предикативы, способные употребляться как модусные в одном из своих значений.

Наряду с глаголами было выявлено 64 прилагательных / причастия, выполняющих в сочетании со связочным глаголом *sein* функцию модальных модификаторов сказуемого: *angenehm, *befähigt*, *befugt*, *begierig*, *bemüht, *bereit*, *berufen*, *beschieden*, *bestimmt*, *bestrebt*, *dankbar*, *ehrenvoll, *einfach*, *entschlossen*, *erlaubt, *erleichtert, *fähig*, *froh, *gefährlich*, *gegeben*, *geneigt*, *genötigt*, *gesonnen*, *gespannt*, *gestattet*, *gewillt*, *gewöhnt, *gezwungen*, *glücklich, *gut*, *imstande*, *klug*, *kühn*, *lächerlich, *langweilich*, *leicht*, *lieb*, *möglich, *müßig*, *notwendig, *nützlich, *richtig, *schicklich, *schmerzlich, *schön, *schwer*, *schwierig*, *seltsam, *sinnlos, *toll, *töricht, *unerträglich, *unhöflich*, *unnütz, *vergönnt, *vernünftig, *verpflichtet*, *verrückt, *versucht*, *wertvoll, *wichtig, *willens*, *wunderlich, *zufrieden.

Исследование семантики выявленных глаголов и предикативов позволит установить их взаимоотношения внутри системы, а также уточнить семантический объём субъективной модальности в частности и категории модальности в целом.

2.1. Семантика глаголов, выражающих субъектную модальность в конструкции V + zu + Inf

sich abmühen – неустомимо трудиться, изо всех сил стараться сделать что-либо, стараться до изнеможения:

Über eine Stunde hatten sich die beiden abgemüht, den Braten zuzubereiten (H. Ziergiebel). – Они усердно трудились над жарким более часа.

*sich angewöhnen – сделать что-либо привычкой, обычным делом; привыкнуть, приучиться, пристраститься делать что-либо:

... er möge sich, auch wenn er das für unnötig halte, beim Ansetzen seiner Mischungen der Waage, des Meßbechers und der Pipette bedienen; er möge sich ferner angewöhnen, den Weingeist nicht als Duftstoff zu begreifen, sondern als Lösungsmittel, welches erst im nachhinein zuzusetzen sei (P. Süskind). – ...он должен при составлении смесей пользоваться, пусть без всякой надобности, весами, пипеткой и мензуркой; пусть он впредь **привыкает** считать винный

спирт не ароматическим веществом, а растворителем, который следует добавлять в последнюю очередь.

sich anschicken – собираться, намереваться, приготовиться, хотеть начать делать что-либо:

Im Radio die Stimme von Gauleiter Kaufmann: ... schickt sich an, Hamburg auf der Erde und aus der Luft mit seiner ungeheuren Übermacht anzugreifen (U. Timm). – Голос гауляйтера Кауфмана по радио: ... **намеревается** со своими многократно превосходящими силами атаковать Гамбург на земле и с воздуха.

*sich anstrengen – напрягаться, делать усилия, стараться изо всех сил сделать что-либо:

Das Kind: «Lach nicht so. Du lachst wie der dicke Jürgen: der strengt sich immer an zu lachen, damit er lacht. Nie freust du dich wirklich» (P. Handke). – Ребёнок: «Не смейся так. Ты смеёшься как толстяк Юрген: он всегда напряжённо смеётся. Ты никогда по-настоящему не радуешься».

*sich ärgern – сердиться, злиться, досадовать:

Und sie ärgerte sich, die Hosen in einen Rock umgeschneidert zu haben... (U. Timm) - И она сердилась на себя за то, что перешила брюки в юбку...

aufgeben – быть вынужденным от чего-либо отказаться (в трудной ситуации), больше не иметь возможности что-либо осуществить, отчаяться что-либо осуществить:

Ich mußte eine Stunde warten, bis mich ein kleiner offener Lastwagen auf die Ladefläche aufsitzen ließ und in das nächste Dorf mitnahm, und gab auf, am selben Tag zurückzutrampen (B. Schlink). – Мне пришлось ждать целый час, прежде чем меня подобрал маленький открытый грузовик и довёз в кузове до ближайшего села, и я **отчаялся** вернуться автостопом в тот же день.

*aushalten – выносить, выдерживать, совершать какое-либо неприятное действие, находиться в неприятном состоянии:

Aber nichts zu tun hielt ich auch nicht aus (B. Schlink). – Но ничего не делать, **было** для меня тоже **невыносимо**.

*beabsichtigen – намереваться, иметь замысел сделать что-либо, собираться:

Ich beabsichtige zu verreisen (DDU). В русском языке: Конечно, он не собирался рассказывать о том, <...> кто всерьёз **вознамерился** оттеснить его, отстранить навсегда от возлюбленной... (Ч. Айтматов).

*bedauern – сожалеть, находить что-либо прискорбным:

Jetzt bedauerte ich, ihnen meine Armbanduhr geschenkt zu haben (H. Ziergiebel). – Теперь я жалел, что подарил им свои наручные часы.

*bedeuten – (*es bedeutet j-m viel (nichts) + zu + Inf*) БЫТЬ (НЕ)ВАЖНЫМ, (НЕ)ЗНАЧИМЫМ для кого-либо:

Dort fand das gesellschaftliche Leben der Klasse statt, und es bedeutete mir viel, dabeizusein und dazuzugehören (B. Schlink). – Там проходила общественная жизнь класса, и для меня **много значило** быть при этом и быть частью этого.

sich beeilen – 1) торопиться, спешить, стараться как можно быстрее сделать что-либо:

Der Professor beeilte sich, nach Hause zu kommen (H. Ziergiebel). Аналогично в русском языке: Потому и **поторопился** он прибыть пораньше и выбрать место так, чтобы ничто не загораживало ему эстраду (Ч. Айтматов).

2) не медля, с рвением взяться за что-либо:

Er beeilte sich, mir zuzustimmen (DDU). – Он **поспешил** со мной согласиться.

begehren – (высок., устарев.) страстно желать, жаждать сделать что-либо:

Die übrige Menge, teils aus Sensationslust, teils um völlig überzeugt zu sein, begehrte den Mörder zu sehen (P. Süskind). Также и в русском языке: – Вот ты, наверное, думаешь, Арсен, что мы только и **жаждем** получить добычу, а что потом, как быть, куда деваться с четырьмя коробками долларов, не знаем (Ч. Айтматов).

*beglücken – (*es beglückt einen etw. zu tun*) (высок., часто ирон.) наполнять чувством счастья, осчастливить:

Ach, Geert, es hat alles so seine zwei Seiten. Auf der einen Seite beglückt es mich, die Mama wiederzusehen und vielleicht sogar schon in wenig Tagen. Aber es spricht auch so vieles dagegen (T. Fontane). – Ах, Геерт, все имеет две стороны.

С одной стороны, я **счастлив** снова увидеть маму и, может быть, даже уже через несколько дней. Но очень многое говорит и против этого.

bekommen – 1) быть в состоянии, иметь возможность что-либо сделать:

Auffallend an ihr waren die hellen Seidenstrümpfe, die man im sechsten Kriegsjahr nur noch selten zu sehen bekam (U. Timm). – В её облике в глаза бросались светлые шёлковые чулки, которые на шестом году войны редко можно было увидеть.

2) быть вынужденным переносить что-либо (неприятное):

Außerdem hatte er während der Zeit mit Plinio es zu schmecken bekommen, mit wieviel Verantwortung, Anstrengung und innerer Belastung jede glänzende und repräsentative Stellung bezahlt wird... (H. Hesse) – Кроме того, за время, проведённое с Плинио, ему **пришлось** ощутить, какой большой ответственностью, напряжением и внутренней нагрузкой оплачивается любая блестящая и представительная должность...

belieben – (кн., высок., часто ирон.) 1) быть склонным, иметь обыкновение что-либо делать, делать что-либо охотно или по привычке:

Aber warum belieben Sie sich denn zuweilen als ein Schlänglein zu gebärden? (E. T. A. Hoffmann). В русском языке аналогично: *Есть и девки-поломойки, и пряжи, и ткачихи, а есть одна баба особая, и приставлена та баба снежки катать, толчеными огнецами, как мукой, обваливать и к столу подавать, и Варсонофий Силыч те снежки кушать изволим* (Т. Толстая).

2) (*es beliebt einem + zu + Inf*) соизволить, соблаговолить, желать, хотеть:

O, es beliebt dem Herrn zu scherzen (J. W. Goethe). То же и в русском языке: *Может, раз в сто лет Фёдор Кузьмич народу показываться изволят, слава ему!* (Т. Толстая).

*sich bemühen – прилагать усилия, стараться, напрягаться, чтобы выполнить некую задачу:

Darum wägt er nicht nur jedes Wort sorgfältig ab, sondern bemüht sich auch, jedes ihm wichtig erscheinende Detail zu erwähnen, das ihn glaubwürdiger machen kann (H. Ziergiebel). Аналогично в русском языке: *Надо было сначала*

постараться прийти в себя, приостановить сейсмическое, как он определил для себя колебание собственной души (Ч. Айтматов).

*bereuen – сожалеть, раскаиваться в чём-либо, думать о своём поступке и желать, чтобы он не был совершён:

Sie bereute es jetzt aber, keinen Mantel angezogen zu haben (U. Timm). – Но теперь она жалела, что не надела пальто.

*beschließen – после некоторых раздумий определить, что должно быть сделано:

Das Leben schien ihm verhasst, und er beschloß, sich durch einen Strick, den ihm der Zufall gelassen hatte, den Tod zu geben (H. v. Kleist). – Жизнь казалась ему ненавистной, и он решил предать себя смерти при помощи веревки, которую послал ему случай.

bleiben – 1) (*es bleibt nicht erspart + zu + Inf*) – кому-либо приходится, кто-либо вынужден сделать что-либо (неприятное):

Dem «Schatten» Bertram blieb es erspart, als Vizemagister am Ende auch noch die Gratulanten und die Behörden wie üblich empfangen zu müssen, auch der herkömmliche Freudentag der Studierenden des Glasperlenspiels fiel diesmal dahin (H. Hesse). В русском языке более употребительно: Так что придётся всё честно рассказать (В. Пелевин).

2) (*es bleibt übrig + zu + Inf*) – остаётся сделать что-либо, что-либо предстоит кому-либо сделать (часто как последняя возможность), нет другого выбора, как сделать что-либо:

Mir bleibt nur noch zu hoffen, dass sie wieder gesund wird (LGD). В русском языке: Так что оставалось лишь выступить в печати музыкальным чаятелем и театральным критиком – это он любил (Ч. Айтматов).

brauchen – 1) (с отрицанием; разг. также без *zu*) не нужно, не стоит, не следует делать чего-либо:

Es ist gut, du brauchst morgen nicht mehr zu kommen, unser Geschäft ist für den Augenblick beendet, bald werde ich dich allerdings wieder bemühen müssen (H. Hesse). – Хорошо, завтра тебе уже не нужно ко мне приходиться, наши дела

на данный момент завершены, в любом случае скоро мне придется снова к тебе обратиться.

2) (с ограничительными частицами *nur*, *bloß*) – стоит только (лишь), достаточно что-либо сделать, не нужно делать что-то ещё:

*Lange genug hatte ich auf ihn eingeredet, nur ein paar Schritte in die Küche hätte er zu gehen **brauchen**, um sich von der Wahrheit meiner Ausführungen zu überzeugen* (H. Ziergiebel). В русском языке данное значение передаётся с помощью предикатива на -о: **Достаточно** прилечь на кровать, и всё (В. Пелевин).

brennen – нетерпеливо ждать возможности совершить что-либо, сильно к чему-либо стремиться:

*Einmal sah ich ein ganz kleines katholisches Mädchen, das seine Kirschen zum Altar trug. Wie gefiel mir das! Es waren die ersten im Jahr, die das Kind bekam, ich sah, wie es **brannte**, sie zu essen!* (F. Hebbel) – Однажды я видел совсем маленькую девочку-католичку, которая несла вишни к алтарю. Как мне это понравилось! Это были первые вишни в году, и я видел, как ей **не терпелось** их съесть!

bringen – (*es dazu bringen + zu + Inf*) стараниями достигнуть определённой цели, добиться чего-либо:

*Der Korporal, der von heut auf morgen Diktator wird, oder die Kurtisane, die **es für eine Weile dazu bringt**, über die gute oder böse Laune eines Weltherrschers zu regieren, sind Lieblingsfiguren solcher Historiker* (H. Hesse). – Капрал, который в один миг становится диктатором, или куртизанка, которой на некоторое время **удаётся** управлять хорошим или плохим настроением какого-нибудь владыки мира, являются излюбленными героями таких историков.

denken – думать, собираться, намереваться, хотеть что-либо сделать:

*Offenbar war dieser Junge ihm schon länger nachgegangen, dachte Plinio, und **dachte** ihn nun mit einer freundschaftlichen Gebärde zu belohnen und vollends zu gewinnen: er lud ihn für den Nachmittag zu einem Besuch auf seiner Stube ein* (H. Hesse). Аналогично в русском языке: – **Вот думаю** картин много нарисовать, – сказал Фёдор Кузьмич (Т. Толстая). Употребляется также глагол,

выражающий обратный процесс: *Может, он как-нибудь так, обойдётся. Передумает* есть (Т. Толстая).

*drohen – говорить кому-либо, что сделаешь что-либо плохое или неприятное; угрожать:

Ich kaufte nichts und drohte, ihn die Treppe herabzuwerfen, worauf er aber von selbst fortging (E. T. A. Hoffmann). – Я ничего не купил и **пригрозил** спустить его с лестницы, на что он сам ушёл прочь.

*einfallen – (*es fällt j-m ein + zu + Inf*) иметь в мыслях какое-либо действие, кому-либо приходит на ум что-либо совершить:

Aber Gregor fiel es doch gar nicht ein, irgendjemandem und gar seiner Schwester Angst machen zu wollen (F. Kafka). Похожее в русском языке: *Кто колесо из дерева резать догадался?* (Т. Толстая). Ежели, к примеру, вам с её, с мыши, **вздумалось** пти-фри а ля мод на ореховой кулисе изготовить али запечь под бешамелью с крутонами? (Т. Толстая).

sich entscheiden – после долгих раздумий выбрать способ действия; решить, что должно быть сделано:

Er lächelte nachsichtig, entschied sich nun doch, meine Angaben als Märchen aufzufassen und meinte: «In stillen Stunden habe ich verrücktes Zeug geträumt» (H. Ziergiebel). – Он снисходительно улыбнулся, но всё же **решил** воспринимать мои показания как выдумку и сказал: «Тихими часами я тоже часто мечтаю о чём-нибудь безумном».

sich entschließen – после тщательных размышлений утвердиться в намерении что-либо сделать, принять решение, решиться:

Der Krieg kostete eine million Menschen das Leben, den König von Frankreich sein Kolonialreich und alle beteiligten Staaten so viel Geld, daß sie sich schließlich schweren Herzens entschlossen, ihn zu beenden (P. Süskind). – Эта война стоила миллиону людей жизни, королю Франции его колониальной империи и всем участвовавшим в войне государствам столько денег, что в конце концов с тяжёлым сердцем **решились** её закончить.

*erwägen – (высок.) взвешивать все «за» и «против», тщательно обдумывать, рассматривать возможность:

Einen Augenblick lang erwog ich ernsthaft, einen Arzt zu Rate zu ziehen (H. Ziergiebel). – На какое-то мгновение он даже серьёзно задумался над тем, чтобы посоветоваться с врачом.

*erwarten – ждать, ожидать, надеяться, рассчитывать на что-либо:

Das Land war feucht, aber schneefrei, an den Wasserläufen grünte es schon stark, im kahlen Gestrüch gaben Knospen und erste aufbrechende Kätzchen schon einen Hauch von Farbe, und die Luft war voll Geruch, einem Geruch voll Leben und voll Widerspruch, es duftete nach feuchter Erde, faulendem Laub und jungen Pflanzenkeimen, jeden Augenblick erwartete man schon die ersten Veilchen zu riechen, obschon es noch keine gab (H. Hesse). – ...пахло сырой землёй, гниющей листвой и молодыми побегами растений, казалось, вот-вот запахнет первыми фиалками (каждую минуту я **ожидал** почувствовать запах первых фиалок), хотя они ещё не распустились.

*sich freuen – радоваться какому-либо действию, происходящему в данный момент, предстоящему (в сочетании с *darauf*):

Er ging weg und rief dabei zurück: «Sie sind ja noch gar nicht entdeckt! Ich freue mich, Sie von Film zu Film älter werden zu sehen» (P. Handke). – Он пошёл прочь и обернувшись крикнул: «Вы ещё совсем не открыты! Я рад видеть Вас взрослеющим от фильма к фильму».

*fürchten – (*sich davor fürchten + zu + Inf*) бояться, опасаться что-либо делать:

Momo fühlte, dass die grauen Herren sich davor fürchteten die Wahrheit zu sagen (M. Ende). В русском языке: А ты вот, дедуля, неужто не **боишься** по дорогам ходить? (Т. Толстая).

geben – (*es gibt + zu + Inf*) 1) есть возможность что-либо сделать:

Es gab viel feine Leute zu bestaunen, reiche Herren mit Lakaien und guten manieren, schöne damen, große Hüte, glitzernde Kleider (P. Süskind). – Явилось много благородных господ, богачей с лакеями и прекрасными манерами, красивых дам, больших шляп, блестящих туалетов – **было на что** полюбоваться. В русском

языке часто в отрицательном значении: *Красть в избе нечего, но уж так он привык (Т. Толстая).*

2) есть необходимость что-либо сделать:

Vor der Reise gibt es noch viel zu erledigen (LGD). – Перед поездкой нужно ещё много всего уладить.

gedenken – (высок.) думать, собираться, иметь намерение что-либо сделать:

Was er bei Baldini an Gerüchen realisieren konnte, waren Spielereien, verglichen mit den Gerüchen, die er in sich trug und die er eines Tages zu realisieren gedachte (P. Süskind). – Те запахи, которые он мог составить у Бальдини, были детской забавой по сравнению с теми, которые он носил в себе и собирался реализовать когда-нибудь в будущем.

gelingen – (*j-m gelingt + zu + Inf*) кто-либо может что-либо успешно осуществить, закончить, кому-либо удаётся что-либо сделать:

Vielleicht noch merkwürdiger ist es, daß es diesem schwäbischen Protestanten gelungen ist, fast gleichzeitig auf einen Benediktinerpater und einen kastalischen Glasperlenspieler zu wirken (H. Hesse). В русском языке: Нечасто удаётся собраться, но общение очень интенсивное, тесное... (Т. Толстая).

gelten – (*es gilt + zu + Inf*) (книжн.) наступило время, когда нужно, необходимо сделать что-либо:

Wir werden einer uns völlig unbekanntem Gefahr gegenüberstehen. Das ist doch das Problem, das es zu lösen gilt! (M. Ende). – Мы стоим перед лицом абсолютно неизведанной опасности! И это проблема, которую нам необходимо решить!

*sich genieren – испытывать чувство неловкости, стесняться, смущаться что-либо сделать:

Sie weiß, dass ich hier bin, aber sie geniert sich, mich aus der Toilette herauszuholen (H. Ziergiebel). – Она знает, что я здесь, но стесняется вытащить меня из туалета.

sich getrauen – (уст.) верить (в себя), надеяться (на свои силы), осмеливаться, иметь достаточно мужества, взять на себя смелость, дерзнуть сделать что-либо:

*Dann aber blieb ich noch auf der Stelle stehen, und **getraute mir** nicht, aus dem Walde zu gehen (A. Stifter). – Но и тогда я еще остался стоять на месте и не **осмеливался** выйти из леса.*

glücken – (es glückt j-m +zu + Inf) удаться, посчастливиться, счастливо сложиться:

*Einige Male **glückte es** mir, alten Damen, die vom Einkauf kamen, ein Bündel Scheine in die Einkaufstaschen zu schmuggeln (H. Ziergiebel). В русском языке аналогично: Выражение в глазыньках выразишь: словно бы удивляешься, как это тебе, простому голубчику, так **повезло-то** – мурзу встретить (Т. Толстая).*

haben – 1) быть должным сделать что-либо:

*Während der ganzen Gefangenschaft erhielt Grenouille sein Essen aus der Gesindeküche des bischöflichen Palastes, welches der Gefängnisoberaufseher vorzukosten **hatte** (P. Süskind). – Всё время пребывания в тюрьме Гренуй получал еду из кухни для челяди епископского двора, главный надзиратель **обязан был** снимать с неё пробу.*

2) обозначает наличие, чаще (с отрицанием) отсутствие условий для какого-либо действия:

*Er war 24, und er **hatte**, einmal abgesehen von ein paar Kriegserlebnissen, die sie nicht hören wollte, nicht viel zu erzählen (U. Timm). – Ему было 24, и кроме пары случаев на войне, о которых она не хотела слушать, ему практически **не о чем было** рассказать.*

hassen – не любить, испытывать неприязнь, ненавидеть делать что-либо:

*Und das gefiel ihm gar nicht, denn er war schon weit über sechzig und **haßte** es, in kalten Vorzimmern zu warten und alten Marquisen Tausendblumenwasser und Vierräuberessig vorzuführen oder ihnen eine Migränesalbe aufzuschwatzen (P. Süskind). – А это ему совсем не нравилось: ведь ему было уже за шестьдесят и он **ненавидел** ждать в холодных прихожих и расхваливать перед старыми маркизами туалетную воду, настоящую на тысячелистнике, уксус «Четыре разбойника» или мазь от мигреней.*

*hoffen – хотеть и рассчитывать на то, что что-то произойдёт, надеяться:

Doch hatte ich, um es Euch zu gestehen, allerdings gehofft, noch eine Weile frei studieren zu können (H. Hesse). – И всё же, должен Вам признаться, я надеялся, что смогу ещё некоторое время свободно обучаться.

sich hüten – остерегаться, не делать чего-либо из опасения, из осторожности:

Wir wollen uns hüten, bloß den lächerlichen oder verrückten Aspekt davon zu sehen, und wollen uns des Spottes darüber enthalten (H. Hesse). – Поостережёмся видеть лишь смешной и безрассудный аспект этого и воздержимся от насмешки.

*interessieren – (*es interessiert j-n + zu + Inf*) кому-либо интересно, любопытно (вызывает особое внимание) что-либо сделать:

Es interessierte mich, das Dasein der elektronischen Kunststoffmenlein näher kennenzulernen (H. Ziergiebel). – Мне было любопытно поближе познакомиться с существованием электронных пластмассовых человечков.

kriegen – (разг.) 1) быть в состоянии, иметь возможность сделать что-либо:

Das war das einzige, was ich zu hören kriegte (W. Raabe). В русском языке также с темпоральным оттенком: Больше я ничего не успела разглядеть, потому что в коридоре появился один из карликов (В. Пелевин).

2) быть вынужденным терпеть что-либо:

Es ist uns, wenigstens fürs erste, wichtiger, zu wissen, was für Menschen hier mit uns leben und mit welchen von ihnen man es zu tun gekriegt hat, eben kriegt und morgen kriegen wird, als herauszukriegen, ob der Mond und der Mars bewohnt sind und von wem oder was (W. Raabe). – Для нас важнее, по крайней мере, сперва знать, что за люди здесь с нами живут и с кем из них нам пришлось, приходится сейчас и придётся завтра иметь дело, чем разузнать, населены ли Луна и Марс, и кем или чем.

leicht fallen – (*es fällt j-m leicht + zu + Inf*) какое-либо действие не доставляет деятелю трудностей, легко даётся:

Bei der Odyssee fiel es mir anfangs nicht leicht, beim lauten Vorlesen so konzentriert aufzunehmen wie beim leisen Lesen für mich (B. Schlink). – При записи

Одиссеи, читая громко вслух, мне сначала **было нелегко** оставаться таким же сконцентрированным, как при тихом чтении для себя.

lieben – охотно делать что-либо, любить делать что-либо:

Ich liebe es, über Bücher zu streichen (B. Lebert). В русском языке: Отец, правда, мыться не **любил** (Т. Толстая).

*liegen daran – (*es liegt j-m daran + zu + Inf*) кому-либо важно, желательно что-либо сделать, это в его интересах:

Er schränkte sie ein, vor allem aus Rücksicht auf Tegularius, der jede Unterbrechung ihres Wiedersehens schwer empfand, aber auch des Glasperlenspieles wegen, denn ihm lag sehr daran, sich hier wieder an den neuesten Übungen und Problemstellungen zu beteiligen und zu bewähren, und hier tat ihm Tegularius unersetzliche Dienste (H. Hesse). – Он ограничивал их [визиты], прежде всего из уважения к Тегуляриусу, который тяжело переживал любой перерыв в их возобновившемся общении, но и ради игры в бисер, ведь ему **было очень важно** снова принимать участие и зарекомендовать себя в новейших упражнениях и постановках задач, и в этом Тегуляриус оказывал ему незаменимую помощь.

*sich lohnen – (*es lohnt sich + zu + Inf*) что-либо, какое-либо действие приносит материальную или духовную выгоду, окупается, стоит того, чтобы его совершить:

Meint ihr nicht, dass es sich dafür zu kämpfen lohnt? (M. Ende). В русском языке аналогично: Над этим стоит подумать (В. Пелевин).

neigen dazu – быть склонным, придерживаться определённого направления в мыслях и поступках:

...es tritt mir in Plinius Denkart etwas entgegen, dem ich nicht einfach mit einem Nein antworten kann, er appelliert an eine Stimme in mir, die zuweilen sehr dazu neigt, ihm recht zu geben (H. Hesse). В русском языке: Вы не **склонны** уважать человеческую личность (Т. Толстая).

nützen – (*es nützt + zu + Inf*) годиться, быть полезным, приносить пользу:

«*Das versteh ich nicht*», meinte Momo etwas enttäuscht, «dann **nützt** es doch gar nichts etwas vorher zu wissen» (M. Ende). – «Я этого не понимаю», сказала Момо немного разочарованно, «ведь тогда нет никакой пользы от того, чтобы знать что-либо заранее».

pflügen – (книжн.) иметь обыкновение, привычку делать что-либо, делать что-либо всегда:

Da Schwestern nicht anzuklopfen pflügen, war mein erster Gedanke, Johanna würde mich besuchen (H. Ziergiebel). – Так как медсестры обычно не стучат, моей первой мыслью было, что Йоханна пришла меня навестить.

***planen** – намечать, задумывать, иметь намерение сделать что-либо, планировать:

Bekannte aus der Stadt planten seit langem, mich unverhofft zu überraschen (H. Ziergiebel). – Знакомые из города давно задумали удивить меня неожиданным визитом.

säumen – (высок.) медлить, не решаться сделать что-либо:

Er übernachtete auch bei Don Alonzo, und säumte lange, unter falschen Vorspiegelungen, seine Gemahlin von dem ganzen Umfang des Unglücks zu unterrichten; einmal, weil sie krank war, und dann, weil er auch nicht wusste, wie sie sein Verhalten bei dieser Begebenheit beurteilen würde... (H. v. Kleist). – Он тоже переночевал у донна Алонзо и долго не решался, выдумывая ложные объяснения, сообщить своей супруге о полном масштабе несчастья; во-первых, потому что она была больна, а во-вторых, потому что он не знал, как она оценит его поведение в этой истории...

***schaffen** – успешно довести до завершения, справиться с чем-либо трудным, смочь сделать что-либо:

Zu Hanna zu gehen schaffte ich nicht (B. Schlink). В русском языке соответствием является модальный глагол совершенного вида: Он сказал, что прочесть я её смогу только тогда, когда у меня будет ключ (В. Пелевин). Близкими по значению в русском языке являются разговорные ухитриться,

умудряться: Как это Минотавр **ухитряется** подменить сразу обоих партнёров? (В. Пелевин)

sich schämen – 1) стыдиться, бояться что-либо сделать, из чувства стыда не мочь заставить себя делать что-либо:

*Wir lesen und erläutern, sagt er, den Pindar oder den Goethe und **schämen uns**, selber Verse zu machen (H. Hesse). – Мы читаем и толкуем – говорит он – Пиндара или Гёте и **стыдимся** сами писать стихи.*

*2) испытывать очень неприятное чувство из-за поступка, не соответствующего морали, обычаям; стыдиться своего поступка, состояния:

*Daß sie **sich schämte**, nicht lesen und schreiben zu können, und lieber mich befremdet als sich bloßgestellt hatte, verstand ich (B. Schlink). – То, что ей **было стыдно** не уметь читать и писать, и она охотнее неприятно поразила меня, чем оскрамила себя, было мне понятно.*

sich scheuen – бояться, стесняться, не делать чего-либо из сомнения, страха или стеснения:

*Ich **scheute mich**, sie danach zu fragen, rückte sacht von ihr fort und sagte tröstend: «Vorerst bin ich ja noch ein Weilchen hier, Aul» (H. Ziergiebel). – Я **постеснялся** спросить её об этом, слегка отодвинулся от неё и попытался утешить: «Ведь пока я ещё ненадолго здесь, Ауль».*

schwer fallen – (*es fällt j-m schwer + zu + Inf*) какое-либо действие доставляет деятелю много трудностей, требует много усилий, трудно даётся:

*Es **fiel nicht schwer**, mich ihm zu nähern, und wir spazierten öfters miteinander (J. W. Goethe). – Мне не составило труда приблизиться к нему, и мы часто гуляли вместе.*

sein – 1) соответствует пассиву в сочетании с *müssen*, что-либо должно быть сделано (используется при дистанцированном общении, в официальном либо научном стиле):

*Sie ist die akribische Anweisung, in welchem Verhältnis die einzelnen Ingredienzen zu mischen **sind**, damit der eine gewünschte, unverwechselbare Duft entstehe; das ist die Formel (P. Süskind). – Она есть тщательное предписание,*

в каком соотношении **следует** смешивать ингредиенты, дабы возник желаемый единственный и неповторимый аромат; вот что есть формула.

2) соответствует пассиву в сочетании с *können*, что-либо может быть сделано (есть духовные, физические, либо материальные предпосылки для этого). Очень часто в качестве инфинитива выступают глаголы восприятия:

Die einfache Melodie und die Worte waren leicht zu behalten (M. Ende). – Простая мелодия и слова легко запоминались (их можно было легко запомнить).

streben (danach) – стремиться, добиваться, с большой энергией стараться сделать что-либо:

Das formale Spiel strebte danach, aus den sachlichen Inhalten jedes Spieles, den mathematischen, sprachlichen, musikalischen und so weiter, eine möglichst dichte, lückenlose, formal vollkommene Einheit und Harmonie zu bilden (H. Hesse). – Формальная игра **стремилась** создать из фактического содержания каждой игры, математического, языкового, музыкального и так далее, как можно более тесное, цельное, формально совершенное единство и гармонию.

suchen – (высок.) пытаться, стараться что-либо сделать:

Er schrieb ihm einen langen Brief, suchte sein Schweigen zu erklären und erzählte, um dem Brief doch einige Substanz zu geben, ein wenig von seinem Verkehr mit Pater Jakobus (H. Hesse). – Он написал ему длинное письмо, **попытался** объяснить своё молчание и, чтобы всё же придать письму хоть какую-то содержательность, рассказал немного о своём общении с отцом Якобусом.

sich trauen – осмелиться, решиться, рискнуть, иметь мужество что-либо сделать (обычно с отрицанием или в вопросе):

Sie waren alle ein bißchen verlegen und trauten sich nicht, einander anzusehen (P. Süskind). В русском языке аналогично: – Я очень переживаю, Арсен, но сказать об этом никому **не смею** (Ч. Айтматов).

tun – *1) (*es tut leid + zu + Inf*) – кто-либо сожалеет о своём действии:

Es tut mir leid, euer Forschungsprogramm gestört zu haben (H. Ziergiebel). – Мне жаль, что я помешал вашей исследовательской работе.

*2) (*es tut weh + zu + Inf*) – какое-либо действие доставляет деятелю душевную боль:

Es tut weh, seine Mutter weinen zu sehen (B. Lebert). – **Больно** смотреть, как его мать плачет.

sich unterstehen – осмеливаться, сметь, иметь наглость что-либо делать:

LUISE. Erlauben Sie, gnädige Frau, daß ich mich unterstehe, daran zu zweifeln (F. Schiller). В русском языке: А Никита Иванович кручинился и vybrать не мог, бегал кругами и волосья на себе рвал – волосьев у него до ужастии много, – как же он, дескать, своевольно и кощунственно, по собственной прихоти, **дерзнёт** обрубить поэту руки? (Т. Толстая).

*verdienen – быть достойным, заслуживать (благодаря своему поведению) какого-либо либо действия, состояния:

Dann zum Zinnober: «Solche Jünglinge, wie Sie, werter Zinnober, sind eine Zierde des Staats und verdienen ehrenvoll ausgezeichnet zu werden! - Sie sind Geheimer Spezialrat, mein Bester!» (E. T. A. Hoffmann). – Затем Цинноберу: «Такие молодые люди, как Вы, дорогой Циннобер, являются украшением государства и заслуживают быть почетно награжденными. – Вы особый тайный советник, мой прекраснейший!»

verfehlen – (высок.) преминуть, упустить, забыть (чаще с отрицанием):

Wir werden Sie vermissen, mein Lieber, und werden, falls Sie gar zu lange ausbleiben sollten, nicht verfehlen, Sie wieder bei Ihrer Behörde zu reklamieren (H. Hesse). В русском языке аналогично: Продолжал он думать об этом и тогда, когда Бектур Саманчин, очень довольный разговором, который располагал его к спокойному и рассудительному высказыванию своего близкородственного мнения, **не преминул** затронуть тему холостяцкой жизни племянника (Ч. Айтматов).

vermeiden – не дать чему-либо произойти, избегать, уклоняться:

... denn wenn er kein Enthusiast war und es in den großen öffentlichen Spielen eher vermied, große und erregende Themen anzurühren, so zeigen seine glänzend aufgebauten, formal unübertrefflichen Spiele doch für die Kenner eine nahe

Vertrautheit mit den hintergründigen Problemen der Spielwelt (H. Hesse). – ... так как если он и не был энтузиастом и на больших официальных играх скорее **избегал** затрагивать большие и волнующие темы, то его блестяще выстроенные, непревзойдённые по форме игры показывают знатокам его основательное знание скрытых проблем мира игры.

vermögen – (высок., книжн.) быть в состоянии, быть способным, мочь что-либо сделать (обычно с отрицанием):

Sie bewegte die Lippen, vermochte aber nichts zu sagen (M. Ende). – Она пошевелила губами, но **не смогла** ничего сказать.

*versprechen – сказать кому-либо, что совершенно точно сделаешь что-либо, обещать сделать что-либо:

Er hat versprochen, bald wiederzukommen (B. Lebert). Аналогично в русском языке: Он **обещает** справиться с Минотавром и вывести всех из лабиринта (В. Пелевин).

verstehen – знать толк, хорошо уметь делать что-либо:

Es war ein so vergnügtes Fest, wie nur arme Leute es zu feiern verstehen (M. Ende). – Это был такой весёлый праздник, как умеют праздновать только бедняки.

versuchen – прилагать усилия, чтобы выполнить что-либо (сложное) с успехом; начать делать что-либо трудное, в успешном исходе чего не уверен, и насколько можно выполнить данное действие; пытаться, пробовать:

Der Vater versuchte vergebens, eine neue Weinflasche zu öffnen (P. Handke). В русском языке соответствуют два глагола (также совершенного вида): Ты **не пробовала** открыть дверь? (В. Пелевин). В какой-то момент я решил, что с меня хватит, и **попытался** пролезть сквозь изгородь (В. Пелевин).

vorhaben – намереваться, иметь замысел сделать что-либо:

Insgeheim ärgerte er sich allerdings fürchterlich, denn er hatte vorgehabt, mit Grenouille eine Tournee durch das ganze Königreich zu unternehmen, um Anhänger für seine Fluidaltheorie zu werben (P. Süskind). В русском языке: Матушка, та тоже помирать **не собиралась**, да огнецы, проклятые, подвели (Т. Толстая).

sich vornehmen – решить, наметить сделать что-либо, иметь что-либо в планах:

Er nahm sich fest vor, nicht zu wanken, wenn auch jetzt die Eichen entwurzelt werden und ihre Wipfel über ihn zusammenstürzen sollten (H. v. Kleist). – Он твёрдо **решил** не дрогнуть, даже если дубы вырвет с корнем и их верхушки сомкнутся у него над головой.

vorziehen – предпочесть, выбрать, решиться на что-либо:

Auf dem Tische stand mit Kreide geschrieben, wo ich zu essen finden würde, im Falle ich Lust hätte, nebst allerlei beigefügten Witzen des jungen Volkes; aber ich zog vor, mir das Geburtshaus meiner Mutter nun gemächlich anzusehen (G. Keller). – На столе мелом было написано, где я мог найти себе поесть, в случае если проголодаюсь, рядом со всевозможными сопровождающими шутками юного народца; но я **предпочёл**, наконец, спокойно осмотреть родной дом моей матери.

wagen – отважиться, осмелиться что-либо сделать, несмотря на неуверенность в благополучном исходе (обычно с отрицанием):

Seit Menschengedenken hatte kein Schiff es mehr gewagt diese gefährlichen Gewässer zu befahren, denn es wimmelte hier von Untiefen, von Korallenriffen und von unbekanntem Seeungeheuern (M. Ende). – С незапамятных времён ни один корабль не **отважился** заплывать в эти опасные воды, так как здесь было полно гигантских впадин, коралловых рифов и неведомых морских чудовищ.

sich weigern – заявить, что не готов что-либо делать, не согласиться делать что-либо, отказываться, сопротивляться, уклоняться:

Mein Verstand weigerte sich, das dubiose Bild als Realität zu begreifen (H. Ziergiebel). – Мой разум **отказывался** принять эту сомнительную картину за реальность.

wissen – уметь, быть в состоянии что-либо сделать, понимать, как нужно делать что-либо:

Allein nach seinen Motiven befragt, wußte er keine befriedigende Antwort zu geben (P. Süskind). – Только на вопрос о его мотивах он не сумел дать удовлетворительного ответа.

*sich wundern – удивляться, не ожидать чего-либо от себя:

Bruno antwortete, fast heiter: «Ich wundere mich auch an manchen Nachmittagen plötzlich, noch vorhanden zu sein» (P. Handke). – Бруно ответил, почти радостно: «Иногда вечерами я вдруг с удивлением замечаю, что всё ещё существую».

*wünschen – хотеть, желать сделать что-либо:

Ich wünschte einen Gesprächspartner bei mir zu haben, jemanden, dem ich mich anvertrauen konnte, der mir glaubte (H. Ziergiebel). – Я хотел иметь рядом с собой собеседника, кого-то, кому я мог довериться, кто мне верил.

zögern – медлить, колебаться, не решаться сделать что-либо, долго раздумывать, прежде чем сделать что-либо:

Und sogar der Herd, den sie seit Jahren drinnen nicht geputzt hatte, war so blitzblank, dass sie noch ein Jahr später zögerte, den ersten Braten hineinzuschieben (U. Timm). – И даже духовка, которую она не чистила уже несколько лет, блестела так, что даже год спустя она не решалась засунуть туда первое жаркое.

zweifeln – не быть уверенным, сомневаться в целесообразности, необходимости, возможности какого-либо действия:

Ich zweifelte keinen Augenblick, dem regelmäßigen Theater zu entsagen (J. W. Goethe). – Я ни мгновения не сомневался в необходимости отказаться от традиционного театра.

2.2. Семантика предикативов, выражающих субъектную модальность в конструкции **cop + Adj / Part + zu + Inf**

*angenehm – (*es ist angenehm + zu + Inf*) действие / состояние вызывает у субъекта этого действия / состояния приятные, положительные эмоции, радуется:

Ach, es war angenehm, heimzukehren! (P. Süskind) В русском языке аналогично: *Ну это такой, на которого приятно смотреть* (В. Пелевин).

befähigt – (книжн.) быть способным, квалифицированным, мочь:

Da er Gemälde hatte, da er sich seit Jahren mit denselben beschäftigt hatte, so durfte ihm wohl ein Urteil in dieser Hinsicht zugewachsen sein, und ich erkannte das, was er sagte, als vollkommen richtig an, und glaubte mich aber auch befähigt zu fühlen, es in Zukunft besser zu machen (A. Stifter). – Поскольку у него были картины, поскольку он занимался ими уже много лет, то, вероятно, он мог высказывать суждения в этом отношении, и то, что он говорил, я признавал совершенно правильным, и в то же время я, казалось, чувствовал себя **способным** исправить в будущем.

befugt – (книжн., канц.) быть уполномоченным, наделённым правом и властью делать что-либо:

Ich bin nicht befugt, dir über die Art, wie man dich späterhin verwenden wird, Auskunft zu geben oder Versprechungen zu machen (H. Hesse). – Я не **уполномочен** предоставлять тебе информацию о том, к какому роду деятельности тебя привлекут в дальнейшем, или давать обещания.

begierig – жаждать, ощущать необходимость в каком-либо действии:

Als die Katze das hörte, war sie so begierig, die Hühnchen zu sehen, daß ihr die Augen funkelten (C. Brentano). – Когда кошка услышала об этом, ей так **захотелось** увидеть курочек, что от нетерпения у неё засверкали глаза.

*bemüht – напряжённо, усердно стараться достичь чего-либо, прилагать все силы:

Auch wenn ich etwa Schüler in den Homer oder die griechischen Tragiker einzuführen hätte, würde ich nicht versuchen, ihnen die Dichtung als eine Erscheinungsform des Göttlichen zu suggerieren, sondern bemüht sein, ihnen die Dichtung durch die genaue Kenntnis ihrer sprachlichen und metrischen Mittel zugänglich zu machen (H. Hesse). – Даже если бы мне пришлось рассказывать ученикам о Гомере или древнегреческих трагиках, я бы не пытался внушить им, что поэзия это форма проявления Божественного, а я **постарался** бы

через точное знание языковых и метрических средств поэзии сделать её доступной для них.

bereit – быть готовым, полным желания и решимости выполнить определённые требования / просьбы, быть согласным (нередко с наречиями *gern, mit Vergnügen*):

Der Vorsitzende Richter kannte unsere Seminargruppe und war gerne bereit, mich nach einer Sitzung zu einem Gespräch zu empfangen (B. Schlink). Аналогично в русском языке: *Это для тех, кто готов потратить на свою душу лишь очень немного времени (В. Пелевин).*

berufen – быть призванным, иметь призвание к чему-либо, уметь хорошо делать что-либо:

Ihr Frauen seid nicht berufen, über solche Dinge zu urteilen (F. Wedekind). – *Вы, женщины, не призваны судить о таких вещах.*

beschieden – (*j-m ist beschieden + zu + Inf*) (книжн.) кому-либо дано, даровано сверхъестественной силой выполнить желаемое действие; суждено, пришлось, выпало на долю:

Und ich kann mir namentlich nicht denken, daß es gerade Ihnen, liebe Freundin, beschieden gewesen sein sollte, solche Sorgen und Befürchtungen durchzumachen (T. Fontane). – *Я собственно не могу себе представить, что именно Вам, дорогая подруга, суждено было пережить такие тревоги и волнения.*

bestimmt – быть определённым, предназначенным для какого-либо действия:

Sie hatte schon so vieles in ihrem Leben gehört und war wohl dazu bestimmt, noch viel, viel andres zu hören (T. Fontane). Похожее в русском языке: *Такие лабиринты полагалось проходить на коленях (В. Пелевин).*

bestrebt – стараться, прилагать усилия, чтобы достичь цели:

Deshalb seien alle Lebewesen bestrebt, sich durch Wachstum von der Erde zu entfernen, wüchsen also von ihr weg und nicht etwa in sie hinein... (P. Süskind). –

Поэтому все живые существа **стремятся** путем роста удалиться от земли, то есть как бы растут от нее прочь, а не врастают в неё...

dankbar – быть благодарным, радоваться чему-либо (очень необходимому):

Ich wäre dankbar, sie sprechen zu können (B. Schlink). – Я был бы очень благодарен, если бы мог с ней поговорить.

*ehrenvoll – (*es ist ehrenvoll + zu + Inf*) действие / состояние приносит субъекту признание, почтение, уважение:

Ehrenvoll wäre es, den großen Mann zu sehen (H. Hesse). – **Почетно было бы** увидеть этого великого человека.

einfach – (*es ist einfach + zu + Inf*) действие не доставляет проблем, сложностей, может быть быстро и просто выполнено:

Die Decke abzuwerfen war ganz einfach; er brauchte sich nur ein wenig aufzublasen und sie fiel von selbst (F. Kafka). – Сбросить одеяло оказалось **просто**; достаточно было немного надуть живот, и оно упало само.

entschlossen – иметь твердое намерение, твердо решить сделать что-либо:

Ich war entschlossen, sie zu sehen und zu warten, bis sie käme (B. Schlink). – Я твердо **решил** увидеть её и был готов ждать, пока она не придёт.

*erlaubt – (*j-m ist (es) erlaubt + zu + Inf*) субъекту разрешено, дана возможность, свобода, право что-либо сделать:

Es war ihm erlaubt, Designoris Freundschaft anzunehmen, sich seinem Einfluß und seinem Angriff zu stellen, ohne Einmischung oder Überwachung von seiten der Lehrer (H. Hesse). – Ему **было разрешено** принять дружбу Дезиньори, открыть себя его влиянию и его атакам без вмешательства или опеки со стороны учителей.

*erleichtert – действие / состояние приносит субъекту облегчение, радость оттого, что не произошло что-то плохое:

Ich floh und war erleichtert, fliehen zu können (B. Schlink). – Я бежал и чувствовал облегчение от того, что мог бежать.

fähig – быть способным (на основании физических или интеллектуальных способностей) сделать что-либо:

*Ihr seid, wenn auch älter als Mathilde, doch als Mann noch so jung, daß Ihr die Lage, in der Ihr seid, kaum zu beurteilen **fähig sein** dürftet (A. Stifter).* В русском языке аналогично: – Я не знаю, **способны** ли вы оценить... (Т. Толстая).

*froh – радоваться, получать удовольствие, чувствовать облегчение от действия / состояния:

*Ich **war froh**, das alles noch einmal sehen zu können, zum letzten Male (H. Ziergiebel).* То же и в русском языке: – **Рады** встретиться, Фёдор Кузьмич! (Т. Толстая).

gefährlich – (*es ist gefährlich + zu + Inf*) действие субъекта подвергает его опасности:

*Wenn es **gefährlich ist**, einen Freund mit den Vorzügen seiner Geliebten bekannt zu machen, weil er sie wohl auch reizend und begehrenswürdig finden möchte; so ist die umgekehrte Gefahr nicht geringer, daß er uns durch seine Abstimmung irre machen kann (J. W. Goethe).* – Если **опасно** знакомить друга с достоинствами своей возлюбленной, потому что он тоже может найти её привлекательной и желанной, то ничуть не меньше и противоположная опасность, что он может смутить нас своим расположением.

gegeben – (*j-m ist gegeben + zu + Inf*) субъекту дано, суждено, он имеет возможность сделать что-то (часто с отрицанием):

*Diese schöne Kunst ist eine von denen, in welchen nur den Hofleuten **gegeben ist**, Meister zu sein (C. M. Wieland).* В русском языке аналогично: Вот зазвучит музыка, и для каждого раздвинется незримый занавес в иной, желанный мир, вхождение в который **дано** человеку испытать только через музыку, и всё суетное отступит, останется лишь поющий дух (Ч. Айтматов).

geneigt – (книжн.) быть склонным, расположенным, готовым, хотеть что-либо сделать (чего ожидают другие):

*Es freute ihn herzlich, und er **war geneigt**, seine guten Dienste den Damen anzubieten (J. W. Goethe).* – Это искренне его обрадовало, и он был **расположен** предложить дамам свои услуги.

genötigt – быть вынужденным (обстоятельствами) (часто со связочными глаголами *sich sehen, sich finden*):

*So kam es, dass er zur gleichen Zeit, da seine Studiengebiete sich so erweiterten, die eigene geistige und geschichtliche Basis neu zu betrachten, zu erfassen und zu stärken **genötigt war** (H. Hesse). Аналогично в русском языке: Вот и теперь он **вынужден** был остановиться и вступить в разговор (Ч. Айтматов).*

gesonnen – (книжн.) намереваться, хотеть, быть готовым сделать что-либо (в большинстве случаев с отрицанием):

*Man hörte Vorträge über Dichter, deren Werke man niemals gelesen hatte oder zu lesen **gesonnen war**, ließ sich etwa dazu auch mit Lichtbildapparaten Abbildungen vorführen und kämpfte sich, genau wie im Feuilleton der Zeitungen, durch eine Sintflut von vereinzelt, ihres Sinnes beraubten Bildungswerten und Wissensbruchstücken (H. Hesse). В русском языке применяется подобное краткое прилагательное: И живу, говорил, и помирать, голубчики, решительно не **намерен** (Т. Толстая).*

gespannt – с нетерпением, любопытством ожидать возможности сделать что-то:

*«Na Benjamin, schon **gespannt**, dein Zimmer zu sehen?» fragt Herr Richter und hebt seine Stimme (B. Lebert). – «Ну, Бенжамин, уже **не терпится** увидеть свою комнату?» – спрашивает господин Рихтер и повышает голос.*

gestattet – (книжн.) (*j-m ist (es) gestattet + zu + Inf*) разрешено, можно что-либо делать:

*Bruno: «**Ist es gestattet**, hier zu rauchen?» (P. Handke). Близкое по значению в русском языке, например: А когда **дозволено** читать, так небось и корешок перегибать будут, а то листы вырывать! (Т. Толстая).*

gewillt – (высок.) быть готовым, соглашаться сделать что-то:

*Er möchte dich sehen und läßt fragen, ob du **gewillt wärst**, ihn aufzusuchen (H. Ziergiebel). В русском языке близко стилистически нейтральное соглашаться: Вот и сейчас: Никита Иванович **соглашался** гореть на столбе «Никитские ворота», но семья даже слушать не захотела (Т. Толстая).*

*gewöhnht (daran / es) – воспринимать действие / состояние как само собой разумеющееся, привыкнуть делать что-либо:

Momo war zwar daran gewöhnht barfuß zu laufen, aber als sie endlich auf dem Grünen Hügel ankam, taten ihr doch die Füße weh (M. Ende). – И хотя Момо **привыкла** ходить босиком, когда, наконец, она добралась до Зелёного Холма, у неё заныли ноги.

gezwungen – быть вынужденным (часто со связочным глаголом *sich sehen*):

Aber die Post ging erst am folgenden Morgen ab, und Hans Unwirrsch war gezwungen, einen unruhigen Schlaf in einem zu kurzen Wirtshausbett zu schlafen (W. Raabe). В русском языке соответствует, например, глагол *приходиться*: *Правда, ещё морозы по ночам знатные, ещё жди метелей, ещё не раз придётся разгрести снег...* (Т. Толстая).

*glücklich (darüber) – быть счастливым сделать что-то (часто со связочными глаголами *sich schätzen, sich fühlen, sich preisen, sich finden*):

Er war glücklich darüber, so früh ins Büro gekommen zu sein und sofort zur Verfügung stehen zu können, was wohl niemand ernstlich erwartet hatte (F. Kafka). – Он был счастлив, что пришёл в бюро так рано и мог сейчас же приступить к своим обязанностям, чего наверняка никто всерьёз не ожидал.

*gut – (*es ist gut + (zu) + Inf*) действие / состояние оценивается как положительное (с моральной, эмоциональной точки зрения), полезное, важное, стоящее, правильное:

...Andererseits ist es nicht gut, ein Kind so herumzuschubsen. Wer weiß, ob er mit anderer Milch so gut gedeiht wie mit deiner (P. Süskind). – ...Но, с другой стороны, **нехорошо** так швыряться ребёнком. Кто знает, пойдёт ли ему на пользу другое молоко.

imstande – быть в состоянии, быть способным (физически, интеллектуально), мочь что-либо сделать:

«Wie sind wir eigentlich imstande zu leben, ohne dass wir wissen, wofür?» fragt er (B. Lebert). – «Как, собственно, мы **можем** жить, не зная, для чего?» спрашивает он.

klug – (*es ist klug + zu + Inf*) действие обдуманно, разумно, имеет смысл
Es ist klug und kühn, dem unvermeidlichen Übel entgegenzugehen
(J. W. Goethe). – **Умно** и смело идти навстречу неизбежному злу.

kühn – (*es ist kühn + zu + Inf*) 1) действие / состояние смело, отчаянно, бесстрашно:

Es ist klug und kühn, dem unvermeidlichen Übel entgegenzugehen
(J. W. Goethe). – Умно и **смело** идти навстречу неизбежному злу.

2) действие / состояние смело, рискованно, вызывающе, выходит за рамки привычного:

Ein wenig kühn, scheint mir, gerade Bengel für Ihre Ahnentafel zu annectieren. Und wie rechtfertigen Sie das? (H. Hesse). – Мне кажется, это немного **смело** – притягивать для вашей родословной именно Бенгеля. Как же вы это докажете?

*lächerlich – (*es ist lächerlich + zu + Inf*) действие / состояние смешно, глупо, бессмысленно, странно, не соответствует ситуации:

Die gute Dame war bereits in demjenigen Alter, worin es lächerlich wäre, das Herz eines Mannes von einiger Erfahrung einer jungen Nebenbuhlerin streitig machen zu wollen (C. M. Wieland). – Почтенная дама была как раз в том возрасте, в котором **было бы смешно** желать оспаривать сердце опытного мужчины у молодой соперницы.

langweilig – (*es ist langweilig + zu + Inf*) действие / состояние неинтересно, скучно:

So schlepp' ich mich hin und her; es ist mir langweilig, aufzustehen, und verdrießlich, zu Bette zu gehen (J. W. Goethe). В русском языке: А вот другое дело, что одному жить вроде как **скучно**, компания нужна. Семья. Баба (Т. Толстая).

leicht – (*es ist leicht + zu + Inf*) действие просто, несложно, не требует усилий, легко:

Es war nicht leicht, ruhig zu bleiben (F. Kafka). Нередко как в немецком, так и в русском языке в сравнительной степени: *Поэтому в сторону выбранной*

вазы двигаться **легче**, чем в любую другую, и при хаотических перемещениях Шлемиль окажется перед ней довольно быстро (В. Пелевин).

lieb – (*es ist j-m lieb + zu + Inf*) действие / состояние приятно субъекту:

«*Ich danke dir*», sagte Knecht, «*es ist mir lieb, einen so ergeblichen und dankbaren Schüler bei dem Ehrwürdigen zu wissen*» (Н. Hesse). В русском языке подобный предикатив имеет просторечную окраску: **Любо** было смотреть и восхищаться, как ладно красовалась в седле невеста, точно рождённая для этого, – ростом вышла, и фигурой, и ликом, и осанкой, и одеянием девичьим (Ч. Айтматов).

*möglich – (*es ist (j-m) möglich + zu + Inf*) действие / состояние достижимо, реализуемо, выполнимо, возможно:

«*Ach, meine Herren und Gefährten im Unglück*», rief er aus, «*wie ist es Ihnen denn möglich, so gelassen, ja so vergnügt zu sein, wie ich es an Ihren heitern Mienen bemerke?*» (Е. Т. А. Hoffmann) Часто также с отрицанием: **Хоть лабиринт и запутанный, заблудиться в нём невозможно** (В. Пелевин).

müßig – (*es ist müßig + zu + Inf*) (книжн.) действие излишне, ненужно, бессмысленно:

Es ist müßig, weitere Vermutungen hierüber aufzustellen; wir glaubten nur andeuten zu müssen, dass jener Bertram nicht so unbedingt ein Versager oder gar ein Unwürdiger war, wie die öffentliche Meinung Waldzells damals ihn sah (Н. Hesse). – Праздное занятие строить еще какие-либо предположения на этот счет; мы лишь сочли нужным намекнуть, что этот Бертрам вовсе не был таким бездарным или, того хуже, недостойным руководителем, каким представал тогда в общественном мнении Вальдцеля.

*notwendig – (*es ist notwendig + zu + Inf*) обязательно, необходимо при любых обстоятельствах сделать что-либо:

Es war notwendig, nachzuweisen, wo man sich wann, wie und wohin bewegte, um nicht vor irgendein Fliegendes Standgericht zu kommen (U. Timm). – **Было необходимо** отчитываться, где, когда, как и куда ты передвигаешься, чтобы не предстать перед каким-нибудь передвижным военно-полевым судом.

***nützlich** – (*es ist nützlich + zu + Inf*) полезно, необходимо для определённой цели сделать что-либо:

*Das Murren des Arbeitervolkes wurde zur Meuterei; man demolierte ein wenig und warf sehr viele Fenster ein, man sprach davon, daß es **nützlich sein** würde, verschiedene Leute lebendig zu braten (W. Raabe). – Поном рабочего люда перешёл в мятеж; было устроено несколько погромов и разбито очень много окон, говорили о том, что **было бы полезно** поджарить некоторых людей заживо.*

***richtig** – (*es ist richtig + zu + Inf*) действие / состояние правильно, подходяще, соответствует ситуации, правилам морали:

*Endlich hatte sich K. doch entschlossen, dem Advokaten seine Vertretung zu entziehen. Zweifel daran, ob es **richtig war**, so zu handeln, waren zwar nicht auszurotten, aber die Überzeugung von der Notwendigkeit dessen überwog (F. Kafka).*
В русском языке: Словом, продолжал он прежним лекторским тоном, с технической точки зрения **правильно** сказать, что это пузыри прошлого (В. Пелевин).

***schicklich** – (*es ist schicklich + zu + Inf*) (книжн.) действие / состояние соразмерно определённой человеческой, общественной ситуации, уместно, отвечает обычаям, принято, прилично, пристойно:

*Als ich es bejahte, ersuchte sie mich, etwas vorzutragen; aber der Vater ließ mich nicht dazu kommen: denn er behauptete es **sei schicklich**, dem Gaste zuerst mit irgend einem Musikstück oder einem Liede zu dienen (J. W. Goethe). – Когда я ответил утвердительно, она попросила меня сыграть что-нибудь, но её отец не позволил мне этого сделать: он утверждал, что принято сначала услужить гостю какой-нибудь музыкальной пьесой или песней. Антонимом в русском языке, например, может служить предикатив *стыдно*: Да, **стыдно** иметь хвост, когда у других его нету, но сам по себе он был хороший (Т. Толстая).*

***schmerzlich** – (*es ist (j-m) schmerzlich + zu + Inf*) действие / состояние мучительно, болезненно для его субъекта:

*Eine Wohnung außer dem Hause zu beziehen, solange ich in unserer Stadt lebe, **wäre mir sehr schmerzlich**, und ich bitte in dem Hause meiner Eltern und an*

*ihrem Tische bleiben zu dürfen, solange Gott nicht selber durch irgend eine Schickung eine Änderung herbei führe (A. Stifter). – Переехать в какую-либо другую квартиру, кроме дома, пока я живу в нашем городе, **было бы** очень **болезненно** для меня, и я прошу разрешения остаться в доме моих родителей и за их столом, до тех пор пока Господь сам волей какого-нибудь случая не внесет изменения.*

*schön – (*es ist schön + zu + Inf*) действие / состояние нравится, приятно субъекту:

*War einfach schön zu wissen, dass wenn man nach Hause kommt, jemand auf einen wartet und dann noch alles aufgeräumt ist (U. Timm). – **Было** просто **приятно** знать, что когда приходишь домой, кто-то тебя ждёт и к тому же всё прибрано.*

schwer – (*es ist schwer + zu + Inf*) действие тяжело, трудновыполнимо, требует усилий, сложно:

*Aber das zu sagen, war so schwer, weil einem die richtigen Worte fehlten (U. Timm). В русском языке: Так можно стоять очень недолго, теряешь равновесие, и приходится прыгать вниз. Поэтому детали разобрать **сложно** (В. Пелевин).*

schwierig – (*es ist schwierig + zu + Inf*) действие / состояние требует много силы, усердия, напряжения и способностей, трудно:

*Schwierig war, gegen die Erinnerung an den klaustrophobischen Traum anzukämpfen, die wie eine Flutwelle in ihm hoch und höher schwappte, je weiter er voranschritt (P. Süskind). Аналогично в русском языке: Кроме Астерия и Астериска, есть ещё одно совпадение, которое **трудно** не заметить (В. Пелевин).*

*seltsam – (*es ist seltsam + zu + Inf*) действие / состояние необычно, странно, непонятно:

*Ist es seltsam, nachts auf dem Rücken eines Freundes zu den Mädchen zu pilgern? (B. Lebert). – **Странно** ли тащиться среди ночи на спине товарища к девчонкам?*

*sinnlos – (*es ist sinnlos + zu Inf*) действие / состояние бессмысленно, бесполезно, безрассудно:

Es wäre so sinnlos gewesen, sich umzubringen, daß er, selbst wenn er es hätte tun wollen, infolge der Sinnlosigkeit dazu nicht imstande gewesen wäre (F. Kafka). – *Покончить с собой было бы настолько бессмысленно, что при всем желании он не мог бы совершить такой бессмысленный поступок.*

*toll – (*es ist toll + zu + Inf*) (разг.) субъект оценивает своё действие / состояние как отличное, блестящее:

Und er redet davon, dass es toll wäre, aus dem Internat zu fliehen (B. Lebert). – *И он говорит о том, что было бы здорово сбежать из интерната.*

*törricht – (*es ist törricht + zu + Inf*) (книжн.) действие / состояние глупо, неразумно, безрассудно:

Du erfährst nun, wie törricht es ist, in späten Jahren eine alte Lebensweise gegen eine neue zu vertauschen (J. W. Goethe). – *Теперь ты узнаешь, как безрассудно в пожилом возрасте менять старый образ жизни на новый.*

*unerträglich – (*es ist unerträglich + zu + Inf*) действие / состояние невыносимо, настолько неприятно, что этого нельзя терпеть:

Es ist mir unerträglich, ihn zu sehn (F. Schiller). – *Мне невыносимо видеть его.*

unhöflich – действие невежливо, оскорбляет чувства других людей, не соответствует социальным нормам:

Meinst du nicht, dass es da unhöflich wäre, gleich ein Autogramm von ihm zu verlangen (B. Lebert). – *Тебе не кажется, что было бы невежливо сразу требовать у него автограф.*

*unnütz – (*es ist unnütz + zu + Inf*) действие / состояние бесполезно, тщетно, ненужно, излишне:

Es wäre unnütz, hier viel davon zu reden, diese Dinge sind jedem bekannt (H. Hesse). – *Нет нужды говорить здесь об этом много, эти вещи известны каждому.*

*vergönnt – (*es ist j-m vergönnt + zu + Inf*) (книжн.) субъекту дано, суждено, посчастливилось сделать что-либо:

*Ich begriff, was mir hier anzuschauen **vergönnt war**, und begriff nun auch erst dieses Lächeln, dieses Strahlen; es war ein Heiliger und Vollendeter, der mir hier für eine Stunde in seinem Glanz mitzuwohnen erlaubte und den ich Stümper hatte unterhalten, ausfragen und zu einer Konversation verführen wollen (H. Hesse). – Я понял, что мне **посчастливилось** тут увидеть, и только теперь понял эту улыбку, это сияние; святой и совершенный человек позволил мне побыть часок в своем сиянии, а я-то, болван, хотел развлечь его, расспросить и вызвать на разговор.*

*vernünftig – (*es ist vernünftig + zu + Inf*) действие / состояние разумно, хорошо обдуманно, правильно, целесообразно:

*Natürlich hatte ich einen Studienberater, wie es Vorschrift ist, und natürlich **wäre es vernünftig und richtig und meine Pflicht gewesen**, mir bei ihm Rat zu holen (H. Hesse). – Конечно, у меня был ученый наставник, как полагается, и, конечно, **было бы разумно** и правильно с ним посоветоваться, это была просто моя обязанность.*

verpflichtet – в силу обстоятельств, по моральным причинам, или потому что кому-либо что-либо должен, быть более или менее вынужденным, обязанным что-либо сделать (чаще со связочными глаголами *sich fühlen, sich sehen, sich finden*):

*Das sei weit mehr, als er zu geben **verpflichtet sei**, sagte Baldini, zumal Grenouille für die profunde Ausbildung, die er genossen, keinen Sol Lehrgeld bezahlt habe (P. Süskind). В русском языке: С момента их прибытия Арсен **обязан** был постоянно и круглосуточно находиться при них (Ч. Айтматов).*

*verrückt – (*es ist verrückt + zu + Inf*) (разг.) действие / состояние вызывающе необычно, неразумно, ненормально, безумно:

*Es **war verrückt**, daran zu denken, doch wie ließe sich dieser nächtliche Spuk anders deuten (H. Ziergiebel). – Было безумием думать об этом, но как иначе можно было объяснить это ночное видение.*

versucht – (книжн.) чувствовать сильную склонность, подвергаться искушению, сильно хотеть сделать что-либо:

Die Fahrt in der Bahn war wie ein böser Traum gewesen. Wenn ich das Nachspiel nicht in so deutlicher Erinnerung hätte, wäre ich versucht, sie tatsächlich für einen bösen Traum zu halten (B. Schlink). В русском языке близкое: *И в этот раз ближе к полудню Жаабарса потянуло поохотиться где-нибудь у источника (Ч. Айтматов).*

*wertvoll – (*es ist wertvoll + zu + Inf*) действие / состояние очень полезно, ценно:

Es wäre uns überaus wertvoll, die Antwort des Meisters auf diesen Hilferuf ebenfalls schwarz auf weiß zu besitzen (H. Hesse). – Для нас **было бы** чрезвычайно **ценно** располагать и письменным, черным по белому, ответом мастера на этот призыв о помощи.

*wichtig – (*es ist wichtig + zu + Inf*) действие / состояние имеет существенное значение, важно, от этого многое зависит:

Es ist auch wichtig, bestimmte Schuhe zu tragen, solche mit Kreppsohlen wie die hier zum Beispiel: das sind Machtschuhe. Und ganz strahlend geputzt müssen sie sein! (P. Handke). – А ещё **важно** носить определённые ботинки, такие с подошвой из микропористой резины как вот эти, например: это ботинки силы. И они должны быть начищены до блеска!

willens – (высок.) быть готовым, полным решимости, намереваться, хотеть сделать что-либо:

Ja, sie kämpfte darum, war aber nicht willens, für den Erfolg den Preis ihrer Bloßstellung als Analphabetin zu zahlen (B. Schlink). – Да, она боролась за это, но не **была готова** платить за удачный исход дела ценой разоблачения своей неграмотности.

*wunderlich – (*es ist wunderlich + zu + Inf*) действие / состояние необычно, странно, удивительно:

Es war so wunderlich, so über alle Maßen wunderlich, hier zu stehen nach der langen, kalten Fahrt und an das veränderte Leben und an das Fränzchen zu

denken; es war so wunderbar, so über alle Maßen wunderbar, hier in dem kläglichen Raume wach und vollständig bei klaren Sinnen zu stehen und doch nicht zu wissen, ob die Ostsee da vor dem Fenster sich bewege oder die große Stadt! (W. Raabe) – Это было так странно, так чрезвычайно странно стоять здесь после долгой холодной поездки и думать об изменившейся жизни и о Фрэнцхене; это было так странно, так чрезвычайно странно стоять здесь в этой жалкой комнате бодро и совершенно в ясном уме и все-таки не знать, Балтийское ли море колыхается там за окном, или большой город!

*zufrieden – быть довольным, радоваться своему действию / состоянию, так как именно этого и хотел:

Alle vier waren zufrieden, sich wieder im großen Saale allein zu finden; doch ward dieses häusliche Gefühl einigermaßen gestört, indem ein Brief, der Eduarden überreicht wurde, neue Gäste auf morgen ankündigte (J. W. Goethe). – Все четверо были довольны, что снова остались одни в большом зале, но это семейное чувство было в некоторой степени нарушено, поскольку Эдуарде передали письмо, которое сообщало о прибытии завтра новых гостей.

Выводы по второй главе

Наиболее прототипическим средством выражения субъектной модальности являются собственно модальные глаголы.

Субъектные модальные значения в немецком и русском языках могут выражаться общими непрототипическими средствами: модализованные глаголы и предикативные сочетания, а также специфическими средствами: в немецком языке особыми конструкциями с презентными формами конъюнктива, в русском языке инфинитивными предложениями и видовыми формами глагола.

Модализованные глаголы и предикативные сочетания выражают субъектные модальные значения дискретно и располагаются непосредственно вблизи ядра ФСП субъектной модальности.

На материале немецкого языка выявлено 80 глаголов и 64 предикатива, являющихся непрототипическими средствами выражения субъектных

модальных значений. В большинстве случаев русские соответствия немецких модализованных глаголов и предикативов также являются модализованными глаголами или предикативами.

При довольно большом количестве выявленных модализованных глаголов и предикативов выражаемые ими значения ограничены различными оттенками значений желания, возможности, необходимости, привычности действия и различного рода оценки, что свидетельствует о возможности семантической классификации рассматриваемых непрототипических средств выражения субъектной модальности.

Глава III. СИСТЕМА НЕПРОТОТИПИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТНЫХ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Семантическая общность обнаруженных глаголов и предикативных сочетаний позволяет объединить их в семантические группы и выстроить систему непрототипических средств выражения субъектной модальности. Для определения общих сем в значении глаголов, прилагательных и причастий был применён метод семантического развёртывания. Исследование показало, что все выделенные лексемы объединяются в семантические группы со следующими значениями: желания, возможности, необходимости, привычности действия, оценки. При этом рассматривалось значение глаголов в их модальном (не модусном) употреблении. Очевидным становится тот факт, что все обнаруженные непрототипические средства, как и собственно модальные глаголы в целом, выражают основные, признанные в грамматике модальные значения. Внутри каждой группы возможно деление на пересекающиеся семантические подгруппы, поскольку в семантике большинства лексем, кроме основного значения, присутствуют дополнительные семы как модального, так и немодального характера. Каждую группу можно представить в виде функционально-семантического поля.

Для каждой из подгрупп были составлены матрицы перекрещивающихся значений, с помощью которых выявляется объём значения слова, устанавливаются смысловые связи между лексическими единицами, а также наглядно демонстрируется возможность взаимозамещения лексем. Закономерно, что во многих случаях одни лексемы толкуются через другие, так как для системы языка не существует надсистемного знакового кода для определения значения лексических единиц. На основе функционального единства глаголы и предикативы представлены в матрицах вместе и расположены сверху вниз в порядке убывания частотности. Наряду с непрототипическими средствами выражения субъектной модальности в матрицы включены собственно модальные глаголы как прототипические и наиболее

частотные средства, образующие ядро поля. Знаком [+] в матрицах обозначена возможность истолкования лексемы через сему в верхней строке. Знак [-] означает, что лексема может быть истолкована через соответствующую сему при участии отрицания. Знаками (+) / (-) обозначены дедуктивно выводимые семантические связи: если одна лексема толкуется в словарях через другую, то есть основание считать, что существует и обратная семантическая связь. Знаки «+» / «-» указывают на то, что две лексемы связаны общим компонентом, присутствующим в толковании и той, и другой.

3.1. Средства выражения субъектной модальности желания

С антропологической точки зрения основным модальным значением является значение желания как отправного пункта любого целевого акта [Лопатина 2006: 9]. Только имея желание, субъект ищет возможность его осуществления и прилагает к этому усилия.

Согласно «Толковому словарю русского языка», желание есть «влечение, стремление к осуществлению чего-нибудь» [Ожегов 2004: 191]. Хотеть – значит «иметь желание, намерение», а также «стремиться к чему-нибудь, добиваться осуществления чего-нибудь» [Ожегов 2004: 868]. То есть в семантике желания тесным образом сплетены три значения, представляющие по сути своей фазы перехода от ирреального, желаемого мира к миру реальному:

- 1) значение желания – субъект пассивен, мечтателен, не ищет путей осуществления желания, не прилагает усилий;
- 2) значение намерения – субъект становится активным, вынашивает замысел, выстраивает план своих действий, нацелен на действие;
- 3) значение попытки – субъект предпринимает конкретные действия по осуществлению своего желания, нацелен на результат действия.

Названные три значения образуют сложную систему отношений: «желание – намерение – попытка», элементы которой тесно связаны друг с другом. «Не случайно поэтому контекстуальная, лексическая актуализация одного из этих смыслов с неизбежностью сигнализирует и о наличии остальных, про-

являющихся в большей или меньшей степени, представленных в скрытой или явной форме» [Милютин 2005: 16]. Это делает довольно сложным разделение глаголов субъектной модальности желания на обозначенные группы, тем не менее это возможно с оговоркой, что в языке не существует чётких границ.

Анализ карт семантического развёртывания лексем показал, что в семантике по меньшей мере 42-х глаголов и предикативов на разных ступенях развёртывания проявляются семы [желание – Wunsch], [желаемое – Erwünschtes], что позволяет объединить их в одно функционально-семантическое поле желания. Сема [желание] входит в импликационал значения многих лексем, в то время как интенционал значения представляют семы [намерение – Absicht], либо [старание – Mühe]. Данные результаты подтверждают правомерность выделения в семантическом поле желания трёх подгрупп, образующих ядро, ближнюю и дальнюю периферию поля:

- 1) подгруппа с семантикой собственно желания;
- 2) подгруппа с семантикой намерения;
- 3) подгруппа с семантикой попытки.

Результаты лексикографического исследования показали, что 6 из 13-и единиц первой подгруппы определяются через компонент [Wunsch]. В остальных случаях данная сема имплицитруется на 2–3-й ступени семантического развёртывания. Глагол *wollen*, согласно полученным результатам, чаще других используется для толкования остальных лексем подгруппы. Среди непрототипических средств, согласно вертикальному срезу матрицы, наибольшей объяснительной силой обладает глагол *wünschen*. Развёрнутое словарное толкование получает также глагол *hoffen*, потеснивший по частотности даже наиболее близкий к ядру глагол *wünschen*. В интенциональном значении данной лексемы заложен компонент [ожидание – Erwartung], что подчёркивает пассивный, выжидающий характер желания, выражаемого лексемами данной подгруппы. Принимая во внимание наличие в семантике глагола *hoffen* семы [возможность], правомерно отнести данный глагол к периферии семантического поля желания. То же относится и к глаголу *erwarten* «ожидать», импли-

цирующему возможность осуществления желания. Глаголы *belieben* и *geneigt sein* имплицитно передают оценочное значение предпочтений и симпатий субъекта, его склонностей, что антропологически вполне закономерно, так как человек хочет делать то, что ему нравится делать (матрица 1):

Матрица 1

Семы \ Лексемы	Wunsch	wollen	mögen	hoffen	wünschen	begehren	begierig sein	brennen	erwarten	gespannt sein	geneigt sein	versucht sein	belieben	vermeiden
wollen	[+]		(+)	«+»	(+)	(+)					«+»	«+»	«+»	«-»
mögen	[+]	[+]			[+]	«+»					[+]	«+»	«+»	
hoffen	[+]	«+»			[+]	«+»			[+]	«+»		«+»	«+»	
wünschen	[+]	[+]	(+)	(+)		(+)						«+»	«+»	
begehren		[+]	«+»	«+»	[+]		«+»							
begierig sein						«+»								
brennen									«+»					
erwarten				(+)				«+»		[+]				
gespannt sein				«+»					[+]					
geneigt sein		«+»	(+)									«+»		
versucht sein	[+]	«+»	«+»	«+»	«+»						«+»		«+»	
belieben	[+]	«+»	«+»	«+»	«+»							«+»		
vermeiden		«-»												

Широко представлена в системе непрототипических средств выражения модальности желания подгруппа глаголов и предикативов с семантикой **намерения** (матрица 2). Из 22-х представленных лексических единиц 7 истолковываются непосредственно через компонент [намерение – Absicht]. В структуре остальных данная сема проявляется на второй, третьей либо четвёртой ступени семантического развёртывания. Намерение, в свою очередь, всегда имплицитно передает желание: Absicht – Bestreben, Wollen [DDU 2001]. Таким образом,

средства выражения семантики намерения входят в поле модальности желания, образуя его ближнюю периферию. Наиболее частотными в данном ряду являются глаголы *beschließen* и стилистически окрашенный *gedenken* (в словаре с пометой *geschr.* – книжное). Данная пара отражает общую тенденцию группы к разделению на лексические единицы, отражающие момент принятия решения, формирования намерения, и лексические единицы, выражающие уже сформированное намерение. Дифференцирующим признаком данных оттенков значения является наличие в семантической структуре глаголов *beschließen*, *sich entschließen*, *sich vornehmen*, *sich entscheiden*, *vorziehen*, *einfallen*, *zweifeln*, *erwägen* компонента [принимать решение – *Entschluss fassen*], сема [намерение – *Absicht*] эксплицируется на следующей ступени развёртывания:

Entschluss – durch Überlegung gewonnene Absicht etw. zu tun [DDU 2001].

Глагол *vorziehen* дополнительно свидетельствует о наличии у субъекта действия альтернативы в принятии решения, содержит компонент [выбор – *Wahl*], кроме того, данный глагол может выражать вкусы и пристрастия субъекта. Глагол *einfallen* отображает момент становления намерения, происходящего неконтролируемо, нецеленаправленно, спонтанно, на синтаксическом уровне это выражается в том, что предложения с модализованным глаголом *einfallen* строятся по правилам ролевой грамматики:

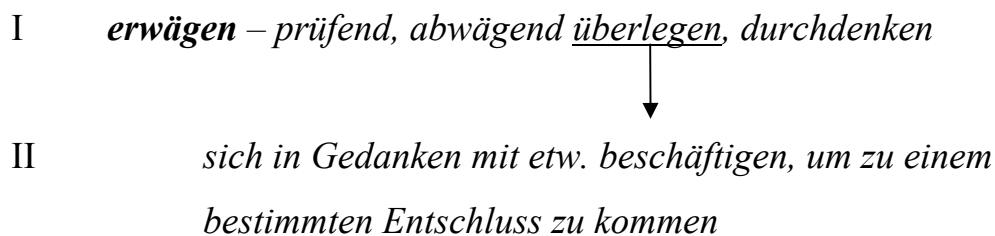
*Nie ist's **mir** eingefallen, eine Mißgeburt auszulachen* (E. T. A. Hoffmann).

В корпусе примеров единичными случаями представлен также глагол *zweifeln*, выражающий значение принятия решения со знаком минус, то есть решение не принято, субъект сомневается в целесообразности действия. Употребление данного глагола как средства выражения субъектной модальности лексикографически не зафиксировано, однако анализ контекста и словарных толкований самого глагола и однокоренных слов позволил дать следующую дефиницию:

*zweifeln + zu + **Inf** – im Zweifel sein, sich noch nicht entschieden haben etw. Bestimmtes zu tun.*

Употребление глагола *erwägen* в качестве модализованного также не зафиксировано словарями, но обнаружено при анализе материала исследования. По-видимому, возможность такого употребления обусловлена семантической структурой глагола, отражённой в схеме развёртывания:

К глаголам, выражающим сформированное намерение, наряду с *gedenken* относятся лексемы: *vorhaben, bereit, planen, entschlossen sein, denken, beabsichtigen, sich weigern, sich anschicken, willens sein, gesonnen sein, gewillt sein, versprechen, drohen*. Согласно матрице, наибольшей объяснительной силой обладает глагол *vorhaben*. Развёрнутое толкование получают также глагол *gedenken* и предикативы *willens, gesonnen, gewillt*, однако их принадлежность к стилю письменной речи не позволяет считать данные лексемы центральными в группе намерения. Особое место занимают глаголы *versprechen* и *drohen* в своём основном значении. Семантическим свойством, объединяющим данные глаголы с прочими, входящими в подгруппу, является выражение намерения. Анализ карт семантического развёртывания данных перформативных глаголов не выявил компонента [намерение – Absicht], однако некоторые исследователи указывают на его наличие [Остин 1986: 29–30, Сёрль 1986]. Специфическими же являются семы [высказанность] и [позитивная / негативная оценка предполагаемого действия со стороны адресата]. Между собой глаголы *versprechen* и *drohen* отличаются тем, что в первом случае футуральное действие должно быть совершено с необходимостью, иначе обещание будет нарушено, во втором случае оно будет произведено лишь при определённых неблагоприятных для субъекта условиях.

Следующей стадией на пути реализации задуманного является попытка (матрица 3):

Матрица 3

Сема \ Лексема	Mühe	versuchen	suchen	sich bemühen	bemüht	sich beeilen	streben	bestrebt	sich anstrengen	sich abmühen
versuchen	[+]		(+)	«+»	«+»		(+)	«+»	«+»	«+»
suchen		[+]			[+]		«+»			
sich bemühen	[+]	«+»			(+)	(+)	(+)	(+)	[+]	(+)
bemüht	[+]	«+»	(+)	[+]		«+»	«+»	«+»	«+»	«+»
sich beeilen				[+]	«+»		«+»	«+»		«+»
streben		[+]	«+»	[+]	«+»	«+»		«+»		«+»
bestrebt	[+]	«+»		[+]	«+»	«+»	«+»		[+]	«+»
sich anstrengen	[+]	«+»		(+)	«+»			(+)		«+»
sich abmühen	[+]	«+»		[+]	«+»	«+»	«+»	«+»	«+»	

В наиболее чистом, без примеси иных значений, виде значение попытки передает глагол *versuchen*, представленный в наибольшем количестве примеров всей группы непрототипических средств выражения субъектной модальности желания. Его частотность многократно превышает частотность всех прочих глаголов. Вероятно, это следует объяснить тем, что центральное значение желания как такового чаще всего выражается прототипическим *wollen*. Данный глагол способен также выразить и значение намерения, однако его семантического наполнения не всегда достаточно, чтобы отобразить конкретные действия субъекта по осуществлению желания, по достижению результата. Таким образом, отношения «желание – намерение – попытка» в их лексической актуализации можно представить следующими лексемами: *wollen – beschließen – versuchen*. Наряду с глаголом *versuchen* значение попытки выражают глаголы и предикативы *suchen, sich bemühen, bemüht sein, sich beeilen, streben, bestrebt sein, sich anstrengen, sich abmühen*. Объединяющим данные лексемы компонентом является сема [усилие – Mühe], актуализирую-

щая значение прикладываемого физического, интеллектуального, душевного или психологического усилия. Таким образом, в семантической структуре средств выражения модальности попытки соединяются значения намерения и действия по его осуществлению.

Согласно вертикальному срезу матрицы, рефлексивный глагол *sich bemühen* обладает наибольшей объяснительной силой. Горизонтальный срез матрицы выявляет глаголы *sich bemühen, versuchen, streben, sich abmühen* и причастия *bestrebt, bemüht* как получающие наиболее распространённое толкование. Глагол *suchen* в рассматриваемом значении относится к книжной лексике, следовательно, занимает в подгруппе периферийное положение. Наличие в семантической структуре глагола *versuchen* компонента [успех – Erfolg] позволяет говорить о бенефактивности как о необходимом параметре ситуации попытки. В то же время особенностью данных ситуаций является неуверенность субъекта действия в его успешном исходе (таблица 3):

Таблица 3

Импликация успеха в семантике лексемы *versuchen*

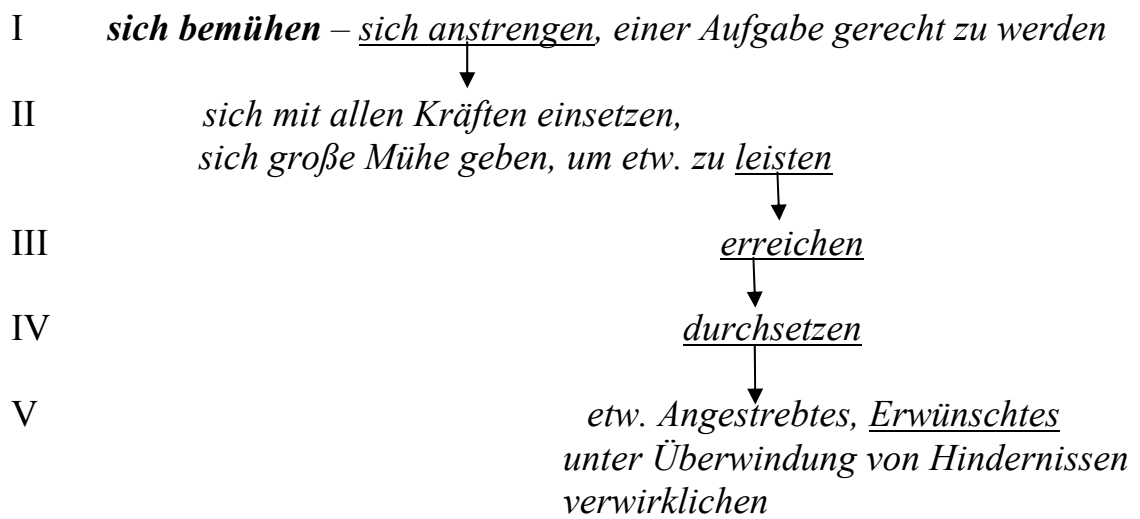
	Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache, 1998	Duden Deutsches Universal- wörterbuch, 2001
versuchen	sich Mühe geben etw. mit <u>Erfolg</u> zu tun	(etw. Schwieriges, etw. wovon j-d <u>nicht sicher</u> sein kann, <u>ob es gelingen wird</u>) zu tun beginnen und so weit wie möglich ausführen

Базовая сема [желание] проявляется в семантической структуре лексем подгруппы попытки на разных ступенях семантического развёртывания. Раньше всего данная сема обнаруживается в семантике причастия *bestrebt*:

bestrebt – (*entsprechend seinem Wesen oder seinen Wünschen*)

sich bemühen, anstrengen, etw. zu tun

В семантической структуре глагола *sich bemühen*, через который истолковываются большинство остальных лексем, желание имплицуется лишь на пятой ступени:

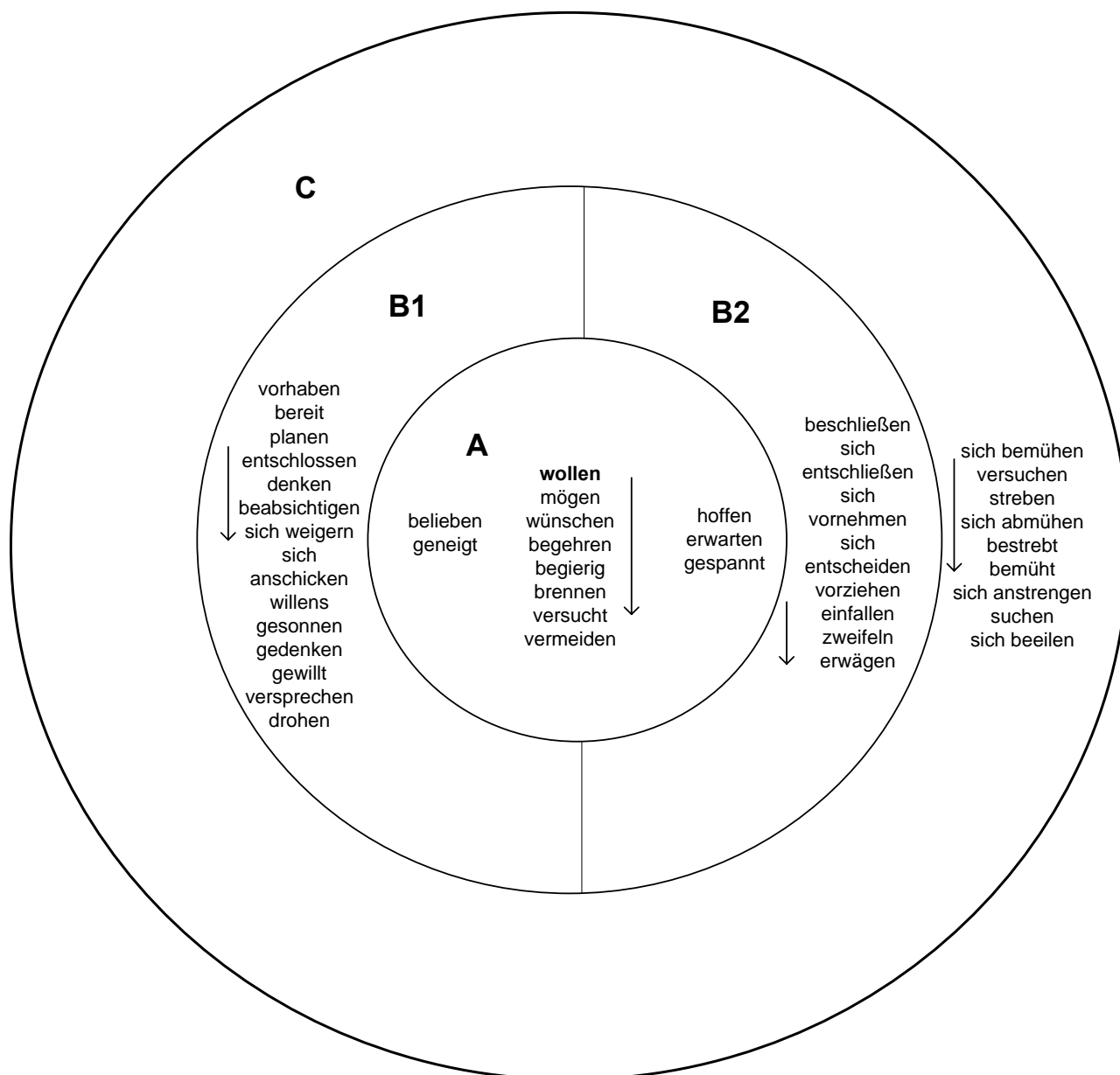

Глагол *sich beeilen* соединяет значения фазисного и модального признака: желательность действия, прилагаемые усилия выражаются в убыстренности темпа действия. В данном случае субъекту важен не только результат, но и его скорейшее достижение. Возможны ситуации, когда результативность действия не будет полезной для субъекта, если будет достигнута позже определенного срока.

В русском языке общее значение желания в составном глагольном сказуемом проявляется в виде тех же частных значений. П. А. Лекант выделяет следующие наиболее существенные значения: 1) волеизъявление с оттенком желательности (*хотеть, желать, мечтать, изволить* и др.); 2) волеизъявление с оттенком готовности, решимости совершить действие (*решить, намереваться, решиться, надумать, готовиться, собраться* и др.); 3) волеизъявление с оттенком приступа к действию, попытки совершить действие (*пробовать, пытаться, стараться* и др.) [Лекант 1976: 72–73]. В работе Е. Е. Корди поле волюнтаривности также представлено лексико-семантическими группами намерения, попытки и желания, при этом доминантный глагол *vouloir* может выражать каждое из этих значений [Корди 1988: 99].

Таким образом, структура семантического поля желания может быть представлена в виде следующей схемы:

**Семантическое поле
субъектной модальности желания**

- A – собственно желание
- B1 – намерение
- B2 – формирование намерения
- C – попытка

3.2. Средства выражения субъектной модальности возможности

Со значением желания неразрывно связано модальное значение возможности. Для осуществления желания и перехода из ирреального желаемого мира в мир реальный необходима соответствующая возможность, заключённая в собственных силах субъекта, возникшая по воле обстоятельств или предоставленная третьим лицом. Не случайно поэтому значение возможности присутствует в семантике глаголов попытки: субъект осуществляет активную возможность по достижению результата действия. Иллюстрацией может служить словарная дефиниция наиболее частотного и специализированного глагола попытки *versuchen*:

versuchen – (*etw. Schwieriges, etw. wovon j-d nicht sicher sein kann, ob es gelingen wird*) zu tun beginnen und so weit wie **möglich** ausführen [DDU 2001].

При этом успешность предпринятой попытки зависит от возможности реализации желания.

Отношение субъекта к предикативному признаку может быть охарактеризовано как онтологически или деонтически возможное. Онтологически возможно то, что не вступает в противоречие с законами природы и общественной жизни; деонтически возможно то, что разрешено нормами, устанавливаемыми государством или обществом. Оба значения могут быть выражены модальным глаголом *können*, образующим ядро семантического поля возможности. Основным значением глагола *können* «мочь» является онтологическое значение. Большинство входящих в данную группу непрототипических модальных средств в составе сказуемого так же передают различные оттенки онтологической возможности. В зависимости от источника возможности различаются субъективная (я способен, я в состоянии) и объективная (сложились благоприятные обстоятельства) онтологическая возможность.

Для лексем, выражающих значение **субъективной онтологической возможности**, ведущей является сема [способность – Fähigkeit]. Данная сема обнаруживается в интенционале четырёх из девяти выявленных непрототипических средств (матрица 4):

Сема \ Лексема	Fähigkeit	können	vermögen	wissen	verstehen	imstande	fähig	aushalten	gegeben	befähigt	berufen
können	[+]		[+]	«+»	(+)	[+]	[+]	(+)	«+»	«+»	
vermögen	[+]	(+)		«+»		[+]	«+»		«+»	«+»	«+»
wissen		«+»	«+»		[+]	«+»	«+»			«+»	
verstehen		[+]		(+)			«+»	«+»			«+»
imstande		(+)	(+)	«+»			[+]			«+»	
fähig		[+]	«+»	«+»	«+»	[+]		«+»	«+»	(+)	«+»
aushalten		[+]			«+»		«+»				«+»
gegeben	[+]	«+»	«+»				«+»			«+»	«+»
befähigt	[+]	«+»	«+»	«+»		«+»	[+]		«+»		(+)
berufen	[+]	[+]	«+»		«+»		«+»	«+»	«+»	[+]	

Согласно вертикальному срезу матрицы, наибольшей объяснительной силой наряду с *können* обладает прилагательное *fähig*, оно же получает самое распространённое толкование и может быть, следовательно, отнесено к ядру сегмента субъективной онтологической модальности. Ближе к нему располагается предикатив *imstande*, обладающий большой объяснительной силой. Наиболее частотный среди лексем данной группы в собранном корпусе примеров глагол *vermögen* и предикатив *befähigt*, несмотря на распространённое толкование, находятся на периферии рассматриваемого сегмента, поскольку являются характерными в основном для письменной речи (в словаре с пометой *geschr.* – книжное). Согласно данным словарей и проанализированным примерам, глагол *vermögen* в большинстве случаев выступает с отрицанием.

Общая сема [способность] в семантической структуре лексем может быть дифференцирована как сила (например, *vermögen*, *imstande*) или талант (*berufen*).

Глагол *aushalten* выражает способность субъекта выносить нечто неприятное, трудное, сочетая, таким образом, модальные значения возможности и субъективно-эмоциональной оценки.

Значение **объективной онтологической возможности**, т. е. возможности внешней, предоставленной обстоятельствами, сложившейся ситуацией, находит свою лексическую актуализацию в довольно небольшом количестве глаголов (матрица 5):

Матрица 5

Сема \ Лексема	Möglichkeit	günstige Umstände	können	sein	haben	es gibt	möglich	(übrig) bleiben
können	[+]	[+]		(+)			(+)	(+)
sein		[+]	[+]				(+)	«+»
haben						«+»		
es gibt					«+»		[+]	
möglich		[+]	[+]	[+]		(+)		«+»
(übrig) bleiben	[+]		[+]	«+»			«+»	

Основным средством выражения данного значения является собственно модальный глагол *können*, содержащий в своей семантике две базовые семы [возможность – Möglichkeit] и [благоприятные обстоятельства – günstige Umstände]. Наиболее частотным непрототипическим средством выражения данного значения является глагол *sein*, соответствующий пассивным конструкциям с глаголом *können*:

Im Osten war schon ein heller Streif zu sehen, vor dem sich deutlich die Krümmung des Horizonts abzeichnete (U. Timm). = Im Osten konnte schon ein heller Streif gesehen werden, vor dem sich deutlich die Krümmung des Horizonts abzeichnete.

Так же пассивно, но значительно менее частотно сочетание *es gibt*, выражающее в функции модального модификатора сказуемого наличие / отсутствие условий для определенного действия. Активными конструкциям с *können* соответствуют инфинитивные конструкции с глаголом *haben*:

Oder wie jener Zeck auf dem Baum, dem doch das Leben nichts anderes zu bieten hat als ein immerwährendes überwintern (P. Süskind). = Oder wie jener Zeck auf dem Baum, dem doch das Leben nichts anderes bieten kann als ein immerwährendes überwintern.

Употребление данной конструкции для выражения семантики возможности не зафиксировано словарями, но явствует из примеров. Конструкция с глаголом *haben* употребляется в таких случаях, как правило, с отрицательным местоимением *nichts*, либо с местоимением *was*. В русском языке существуют подобные сочетания инфинитива с предикативными отрицательными местоименными наречиями *не с кем, некуда, негде* и т. д. [Виноградов 1981а: 313]: *Красть в избе нечего, но он уж так привык (Т. Толстая)*. Антонимичными являются конструкции с безличным глаголом *es* и местоимениями *где, куда, что* и т. д.: *А и тут есть об чём подумать (Т. Толстая)*. В обоих языках эти конструкции выражают отрицание или утверждение условий для какого-либо действия, т. е. выражают модальное значение объективной онтологической возможности.

Активным конструкциям с *können* соответствует также сочетание *möglich sein*. Несмотря на свою низкую частотность, данное сочетание может быть отнесено к ядру микрополя, так как оно получает наиболее полное толкование, чаще других используется для толкования других единиц сегмента и является наиболее универсальным средством выражения объективной онтологической возможности.

Глагол (*übrig*) *bleiben* передает значение конкретной объективной возможности как единственной для субъекта, актуализирует сему [отсутствие альтернативы].

Значение реализованной онтологической возможности также вербализуется модальными средствами в составе сказуемого (матрица 6). Прототипическим средством выражения данного значения является модальный глагол *können* в соответствующей временной форме (в русском языке глаголы совершенного вида *смочь, суметь*). Всем непрототипическим средствам выражения реализованной

ванной возможности присуще значение предельности, они выражают завершенность действия, названного основным глаголом. Таким образом проявляются межкатегориальные модально-аспектуальные связи. Модальный модификатор в таких случаях может даже не переводиться: *zu sehen bekommen* = *увидеть*.

Матрица 6

Сема Лексема	Wunsch	Bemühung	günstige Umstände	positives Ergebnis	können	bekommen	gelingen	schaffen	beschieden	verfehlen	es dazu bringen	kriegen	glücken	vergönnt	aufgeben
bekommen			[+]	[+]	«+»		«+»	«+»	(+)	«-»	«+»	«+»	«+»	«+»	«-»
gelingen	[+]	[+]		[+]	[+]	«+»		(+)	«+»	«-»	«+»	«+»	[+]	«+»	«-»
schaffen		[+]		[+]		«+»	[+]			«-»	[+]	«+»	«+»		«-»
beschieden	[+]		[+]			[+]	«+»			«-»	«+»	«+»	«+»	[+]	«-»
verfehlen		[-]	[+]	[-]		«-»	«-»	«-»	«-»		«-»	«-»		«-»	«+»
es dazu bringen	[+]	[+]		[+]		«+»	«+»	(+)	«+»	«-»		«+»	«+»	«+»	«-»
kriegen			[+]	[+]	«+»	«+»	«+»	«+»	«+»	«-»	«+»		«+»	«+»	«-»
glücken	[+]		[+]	[+]		«+»	[+]	«+»	«+»	«-»	«+»	«+»		«+»	«-»
vergönnt	[+]		[+]			«+»	«+»		(+)	«-»	«+»	«+»	«+»		«-»
aufgeben		[+]	[-]	[-]	[-]	«-»	«-»	«-»	«-»	«+»	«-»	«-»	«-»	«-»	

В большинстве случаев в семантике глаголов и предикативов данной подгруппы дифференцируются субъективный (субъект справился сам) и объективный (сложилась благоприятные обстоятельства) характер реализованной онтологической возможности. Реализованная субъективная возможность выражается в большинстве случаев глаголом *gelingen*, в семантике которого присутствуют компоненты [желание], [старание]. Наличие компонента [желание] даёт, казалось бы, основание для определения передаваемого значения как «реализованного желания», однако базовой семой для лексических единиц данной группы является сема [возможность], так как без неё реализация желания невозможна. Согласно матрице, глагол *gelingen* получает одно из наиболее полных толкований и часто используется в толковании других лексем. Ещё более интенсивно значение приложения усилий выражается

глаголами *schaffen* и *es dazu bringen*, также обладающими большой объяснительной силой. Значение реализованной объективной возможности в большинстве проанализированного материала выражает глагол *bekommen*, сопоставимый по частотности и объяснительной силе с глаголом *gelingen*. Ту же функцию выполняет употребляемый преимущественно в устной речи синоним данного глагола: *kriegen*. Дифференцирующая сема [удачное стечение обстоятельств] наиболее ярко выражена в интенционале глагола *glücken*. Сочетания *vergönnt sein* и *beschieden sein*, свойственные письменной речи, подчеркивают провиденческий характер данной возможности, а также выражают оценку: ставшее возможным действие оценивается как нечто положительное, полезное. Сочетание *beschieden sein* чаще употребляется с отрицанием.

Особо выделяются два глагола, в семантике которых сочетаются субъективный и объективный элементы. Так, употребляющийся преимущественно в письменной речи глагол *verfehlen* – «*преминуть*» имеет значение нереализованной, упущенной по вине субъекта (субъективный компонент) возможности, шанса (объективный компонент). В большинстве случаев данный глагол употребляется с отрицанием. В отличие от глагола *verfehlen*, в семантической структуре глагола *aufgeben* – «*отчаяться*» содержится компонент [сложная ситуация], следовательно, нереализованная возможность обусловлена объективным компонентом. Этим, по-видимому, обусловлено и появление в семантике глагола дополнительного аспектуального – [прекращение действия] и эмоционально-оценочного – [отчаяние] компонентов.

Особый субъективно-объективный характер имеет также возможность, выражаемая глаголами и сочетаниями со значением **решимости**. Решимость – «смелость, готовность принять и осуществить своё решение» [Ожегов 2004: 679]. Правомерность отнесения рассматриваемых лексем к полю возможности подтверждается словарными дефинициями лексемы *Mut*. В представленных дефинициях раскрывается и субъективно-объективная природа решимости (таблица 4):

Импликация возможности в семантике лексемы *Mut*

	Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache, 1998	Duden Deutsches Universalwörterbuch, 2001
Mut	<u>Eigenschaft</u> oder Bereitschaft, etw. zu tun, das gefährlich ist oder sein kann	<u>Fähigkeit</u> , in einer gefährlichen, riskanten Situation seine Angst zu überwinden

С одной стороны, смелость как способность субъекта действовать на свой страх и риск является субъективной характеристикой. С другой стороны, данное качество проявляется или не проявляется в зависимости от внешних обстоятельств. То, что в одних условиях действительно требует смелости, в других является обычным делом. Точно так же нерешительность в совершении определенного поступка может быть как постоянной личностной характеристикой субъекта, так и результатом сложившейся объективно сложной ситуации. Рассматриваемые лексические единицы, соответственно, делятся на выражающие решимость и нерешимость в различных обстоятельствах (матрица 7). Из 12-и лексем лишь 5 актуализуют значение решимости, однако и они чаще употребляются с отрицанием. Таким образом, можно утверждать, что в языке чаще актуализуется значение нерешимости, которое в наиболее обобщённом виде может быть выражено прототипическим «не могу»:

Ich wagte nicht, sie zu fragen (U. Timm). = Ich konnte sie (vor Angst) nichts fragen.

В числе глаголов, выражающих решимость, находятся *wagen*, *sich trauen*, *sich getrauen*, *sich beeilen*, *sich unterstehen*. Первые три глагола синонимичны, содержат в своей семантической структуре субъективный компонент [смелость – *Mut*] и объективные компоненты [опасность], [риск], [возможность неудачи].

В случае с глаголом *sich unterstehen* сложность ситуации состоит в том, что совершаемое действие является запрещённым или не нравится окружающим.

Соответственно подобная смелость в большинстве случаев расценивается как наглость, глагол приобретает дополнительное негативное оценочное значение.

Матрица 7

Сема \ Лексема	Mut	Angst	Hemmungen	Bedenken	können	wagen	sich trauen	zögern	sich scheuen	sich schämen	sich davor fürchten	sich genießen	sich hüten	sich beeilen	sich getrauen	sich unterstehen	säumen
wagen	[+]						(+)	«-»	[-]	«-»	«-»				«+»	«+»	
sich trauen	[+]					[+]		«-»	«-»	«-»	«-»				[+]	«+»	
zögern		[+]		[+]		«-»	«-»		«+»	«+»	«+»		«+»	(-)	«-»	«-»	(+)
sich scheuen		[+]	[+]	[+]		(-)	«-»	«+»		(+)	«+»	«+»	«+»		«-»	«-»	
sich schämen		[+]	[+]		[-]	«-»	«-»	«+»	[+]		«+»	(+)	«+»		«-»	(-)	
sich davor fürchten		[+]				«-»	«-»	«+»	«+»	«+»					«-»	«-»	
sich genießen			[+]						«+»	[+]						«-»	
sich hüten				[+]	[-]			«+»	«+»	«+»							
sich beeilen								[-]									(-)
sich getrauen	[+]					«+»	[+]	«-»	«-»	«-»	«-»					«+»	
sich unterstehen	[+]		[-]			«+»	«+»	«-»	«-»	[-]	«-»	«-»			«+»		
säumen								[+]						(-)			

В семантической структуре глагола *sich beeilen* сочетаются модальное и фазовое значения: решимость субъекта проявляется в убыстрении темпа действия. Среди глаголов с семантикой нерешимости наиболее употребителен глагол *zögern*, выражающий данное значение в унифицированном, инвариантном виде. В его семантической структуре не содержится компонентов, указывающих на субъективные или объективные причины невыполнимости действия. Все остальные глаголы этого ряда подобное указание содержат. Так, следующий по частотности глагол *sich scheuen* выражает невозможность действия вследствие страха, стеснения или опасения.

Каждое из этих значений может быть выражено и абсолютно дифференцировано. Сему [страх – Angst] актуализует глагол *sich davor fürchten* (объективный фактор – опасность), сему [стыд] или [стеснение – Hemmungen] – глаголы *sich schämen*, *sich genieren* (объективный фактор – действие не соответствует моральным нормам), сему [опасение – Bedenken] содержит в своей структуре глагол *sich hüten* (объективный фактор – опасность, неизвестность исхода). Согласно матрице 7, ядро микрополя решимости образуют наиболее частотные, обладающие наибольшей объяснительной силой и передающие рассматриваемое значение в наиболее общем виде глаголы *wagen* и *zögern*. Чем конкретнее имплицуемая причина нерешимости, тем менее частотен глагол и тем реже он используется для объяснения других лексем. Стилистически окрашенные *sich getrauen* (устар.) и *säumen* (высок.) относятся к периферии. Наличие в семантической структуре глаголов *sich beeilen* и *sich unterstehen* сем других семантических областей также обуславливает их периферийную позицию.

Значительно уже представлена группа непрототипических средств, выражающих **деонтическую возможность** (матрица 8).

Матрица 8

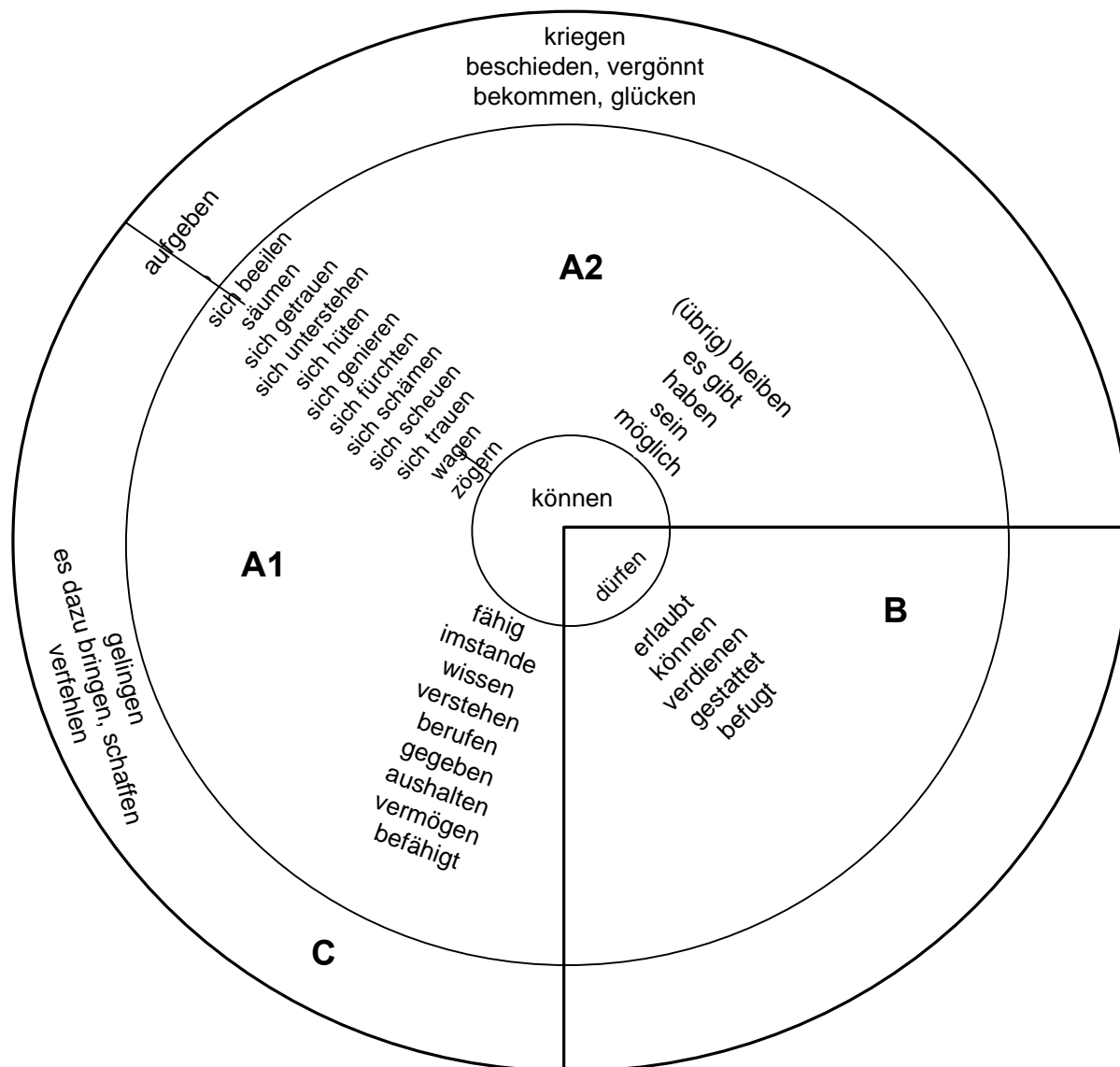
Сема \ Лексема	Berechtigung	Erlaubnis	Macht	dürfen	können	erlaubt	gestattet	befugt	verdienen
dürfen	[+]	[+]			(+)	(+)	«+»	«+»	«+»
können	[+]	[+]		[+]		«+»	«+»	«+»	«+»
erlaubt	[+]	[+]		[+]	«+»		[+]	«+»	«+»
gestattet	[+]			«+»	«+»	[+]		«+»	«+»
befugt	[+]	[+]	[+]	«+»	«+»	«+»	«+»		«+»
verdienen	[+]			«+»	«+»	«+»	«+»	«+»	

С одной стороны, это обусловлено характером исследуемого материала (художественная литература), с другой стороны, общеязыковой тенденцией. Деонтическая модальность связана с проявлением чужой воли, деонтически возможно то, что разрешено (государством, обществом, другим человеком). Волевое давление извне всегда вызывает негативные эмоции, поэтому соответствующее модальное значение находит выражение в ограниченном количестве лексем. Общая позитивная ориентация языковой нормы находит отражение и в качестве данных лексем (в нашем случае глаголов и предикативов), все обнаруженные нами на этапе сплошной выборки лексические единицы выражают деонтическую возможность со знаком плюс, т. е. обладают семантикой разрешения. Базовыми являются семы [разрешение – Erlaubnis] и [правомочие – Berechtigung]. Для выражения запрета применяются те же глаголы с отрицанием. Ядро сегмента деонтической возможности представлено собственно модальным глаголом *dürfen*, выражающим разрешение на какое-либо действие. Это же значение, но с меньшей категоричностью (носитель чужой воли не вполне вправе запрещать или разрешать) может передавать и глагол *können*. Среди непрототипических средств наиболее употребительно сочетание *erlaubt sein*, содержащее в своём интенционале обе базовые семы и обладающее наибольшей объяснительной силой. Менее употребителен его синоним *gestattet sein*, функционирующий в письменной речи. Оба сочетания передают смысл деонтической возможности как свободы, права, согласия, данного субъекту третьим лицом для выполнения желаемого действия. Функционирование сочетания *befugt sein* сконцентрировано в официальной сфере, в его семантической структуре, кроме базовых, содержится компонент [власть]. Глагол *verdienen* в сочетании с инфинитивом пассива особо подчеркивает роль субъекта в получении права на определенную реакцию, оценку окружающих.

Таким образом, поле возможности может быть представлено в виде схемы (схема 2):

**Семантическое поле субъективной
модальности возможности**

A1 – сегмент субъективной онтологической возможности

A2 – сегмент объективной онтологической возможности

B – сегмент деонтической возможности

C – область реализованной возможности

3.3. Средства выражения субъектной модальности необходимости

Инвариантное значение необходимости реализуется в двух модальных значениях:

- онтологическая необходимость (обусловленная обстоятельствами);
- деонтическая необходимость (обусловленная чужой волей).

Значение необходимости как чего-то, не всегда зависящего от желаний субъекта, находит довольно узкую лексическую актуализацию. Кроме того, большинство непрототипических средств данной группы малоупотребительны, категоричность значения часто смягчается за счёт использования при предикативах в качестве связочных глаголов *sich sehen, sich fühlen, sich finden*:

Ich sehe mich gezwungen, Sie alle unverzüglich mit den bitteren, aber unabänderlichen Tatsachen bekannt zu machen (вместо *Ich bin gezwungen...*) (M. Ende).

Большинство глаголов и предикативов данной группы выражают значение **онтологической необходимости**. Прототипическим средством выражения семантики онтологической необходимости является модальный глагол *müssen*, который используется для толкования 8-и из 12-и прочих лексем. Сема [необходимость], которую логично предположить как базовую для лексем данного микрополя, содержится в виде компонента [notwendig] в интенционале двух лексем. Поскольку одной из них является глагол *müssen*, обладающий, согласно вертикальному срезу матрицы 9, наибольшей объяснительной силой, то можно заключить, что все рассматриваемые глаголы и предикативы содержат в своей семантической структуре компонент [notwendig] как минимум на второй ступени развёртывания. Само прилагательное *notwendig*, таким образом, следует отнести к ядру сегмента онтологической необходимости, несмотря на довольно низкую частотность.

Наиболее употребительными являются глаголы *haben, sein, brauchen*. Конструкция с *haben* имеет активное значение, конструкция с *sein* – пассивное значение. Глагол *brauchen*, как правило, употребляется с отрицанием или частицами «только», «лишь», указывающими на ограниченный характер

необходимых действий. Наличие обстоятельств, обуславливающих необходимость определённого действия, выражает также конструкция *es gibt*.

Матрица 9

Сема \ Лексема	wert	müssen	haben	sein	brauchen	es gilt	es gibt	bekommen	wichtig	nicht erspart bleiben	notwendig	bedeuten	daran liegen	kriegen	beschieden
müssen	[+]		(+)	(+)	(+)	(+)		(+)	«+»	(+)	[+]			(+)	
haben		[+]		«+»	«+»	«+»		«+»		«+»	«+»			«+»	
sein		[+]	«+»		«+»	«+»		«+»		«+»	«+»			«+»	
brauchen		[+]	«+»	«+»		«+»		«+»		«+»	(+)			«+»	
es gilt		[+]	«+»	«+»	«+»			«+»		«+»	«+»			«+»	
es gibt											«+»				
bekommen	[-]	[+]	«+»	«+»	«+»	«+»				«+»	«+»			«+»	
wichtig	[+]	«+»									[+]	(+)	(+)		
nicht erspart bleiben	[-]	[+]	«+»	«+»	«+»	«+»		«+»			«+»			«+»	
notwendig		[+]	«+»	«+»	[+]	«+»	«+»	«+»	(+)	«+»		«+»		«+»	
viel bedeuten	[+]								[+]		«+»		«+»		
daran liegen	[+]								[+]			«+»			
kriegen	[-]	[+]	«+»	«+»	«+»	«+»		«+»		«+»	«+»				
beschieden															

В семантике лексем *wichtig*, *viel bedeuten*, *daran liegen* (в некоторых контекстах и *müssen*) заложена дополнительная сема [значимость], представленная в дефинициях единицами [Bedeutung], [Wert]. В данном случае необходимость действия обусловлена его значимостью, важностью для субъекта и для дальнейшего развития событий.

Глаголы *bekommen*, *kriegen* и сочетание *nicht erspart bleiben*, напротив, актуализуют значение неизбежности. Необходимое действие оценивается субъектом как нечто неприятное, нежелаемое и при этом неизбежное. Как явствует из примеров, то же значение неизбежности, детерминированной провидением, судьбой, в определённых контекстах способно выражать и свойственное письменной речи сочетание *beschieden sein*, что не зафиксировано исследованными словарями.

Употребление одних и тех же лексем, таких как *sein, haben, es gibt, bleiben, beschieden*, для выражения значений возможности и необходимости не случайно. Дело в том, что в обоих случаях производится сопоставление положительной (выполнение действия) и отрицательной (не выполнение действия) ситуаций. В первом случае положительная и отрицательная ситуация рассматриваются как равновозможные. Во втором случае положительная ситуация является абсолютно предпочтительной, отвечающей некоторой установке, единственно возможной. Между ситуациями необходимости и возможности, таким образом, не существует жёсткой границы, о чём и свидетельствует многозначность упомянутых лексем. Тем не менее контекст позволяет довольно однозначно определить, какое из значений актуализуется в конкретном предложении. Например:

*Momo hörte seine Schritte immer ferner und ferner und dann **waren** sie von dem Ticken der vielen Uhren nicht mehr zu unterscheiden (M. Ende)*

В данном контексте увеличивающееся расстояние и тиканье множества часов исключают возможность услышать шаги.

*Sie ist die akribische Anweisung, in welchem Verhältnis die einzelnen Ingredienzen zu mischen **sind**, damit der eine gewünschte, unverwechselbare Duft entstehe; das ist die Formel (P. Süskind).*

Слова «указание», «формула» в данном контексте однозначно сигнализируют о ситуации необходимости.

Конструкция *es gilt* относится к периферии микрополя необходимости, так как характерна для письменной речи и сочетает модальную и темпоральную семы: действие необходимо в актуальный момент времени, настала пора для его выполнения.

Деонтически необходимо то, чего требуют законы государства, общества, моральные нормы. Субъектом деонтической необходимости всегда является человек. Базовыми семами соответственно являются [обязанность – *Auftrag*], [долг – *Pflicht*]. Прототипическим средством выражения деонтической необходимости служит модальный глагол *sollen* (матрица 10). Глагол *müssen* также способен выражать данную семантику, актуализуя сему [Pflicht].

Сема \ Лексема	Auftrag, Pflicht	Moralische Gründe	Wille	sollen	müssen	haben	sein	notwendig	genötigt	gezwungen	verpflichtet	bestimmt
sollen	[+]				«+»						«+»	«+»
müssen	[+]			«+»		(+)	(+)	(+)	«+»	[+]	[+]	«+»
haben					[+]			«+»				
sein					[+]			«+»				
notwendig					[+]	«+»	«+»			(+)	«+»	
genötigt			[-]		«+»					[+]	«+»	
gezwungen			[-]		(+)			[+]	[+]		(+)	
verpflichtet	[+]	[+]		«+»	(+)			«+»	«+»	[+]		«+»
bestimmt	[+]			«+»	«+»						«+»	

Входящие в группу непрототипические средства представляют собой причастия, образованные от каузативных глаголов: *genötigt*, *gezwungen*, *verpflichtet*, *bestimmt*. Наибольшей объяснительной силой, согласно вертикальному срезу матрицы, обладает причастие *gezwungen*. Самую полную характеристику, согласно горизонтальному срезу, получает причастие *verpflichtet*, кроме семы [обязанность], в его интенционале содержится указание на моральный долг. Причастия *genötigt*, *gezwungen* имплицитно нежелание субъекта выполнять действие, подчёркивают его вынужденный характер. Однако, как показывают примеры, каузатором необходимого действия в случаях с рассматриваемыми лексемами может выступать не только другой человек, общество или государство, но и объективные обстоятельства:

*Ja sie war nicht länger imstande, aufrecht zu bleiben, und sogar **gezwungen**, in der letzten Zeit das **Bett zu hüten** (J. W. Goethe).*

Более того, субъект действия / состояния в предложениях со сказуемым, модифицированным средствами данной группы, не обязательно является одушевлённым лицом:

*Um nun die Stelle gut zu bearbeiten, haben wir, ehe wir einen Baum setzten, eine so tiefe Grube gegraben und mit gelockerter Erde gefüllt, daß **der Baum** bedeutend alt werden konnte, ehe er **genötigt war**, seine **Wurzeln** in unbearbeiteten Boden **zu treiben** (A. Stifter);*

*Als Dank für solche Aufmerksamkeiten erhielt ich zu meinem Geburtsfeste, welches in die ersten Tage des Frühlings fiel, von ihrer Hand gestickt ein rundes Deckchen, worauf **ein silberner Handleuchter**, den mir Mathildens Mutter gab, **zu stehen bestimmt war** (A. Stifter).*

Таким образом, данные сочетания в зависимости от контекста могут выражать как деонтическую, так и, очень часто, онтологическую необходимость: неизбежность, вынужденность действия.

Анализ примеров показал, что значение деонтической необходимости может быть выражено также конструкциями с глаголами *haben* и *sein*:

*Während der ganzen Gefangenschaft erhielt Grenouille sein Essen aus der Gesindeküche des bischöflichen Palastes, welches der Gefängnisoberaufseher vorzukosten **hatte** (P. Süskind);*

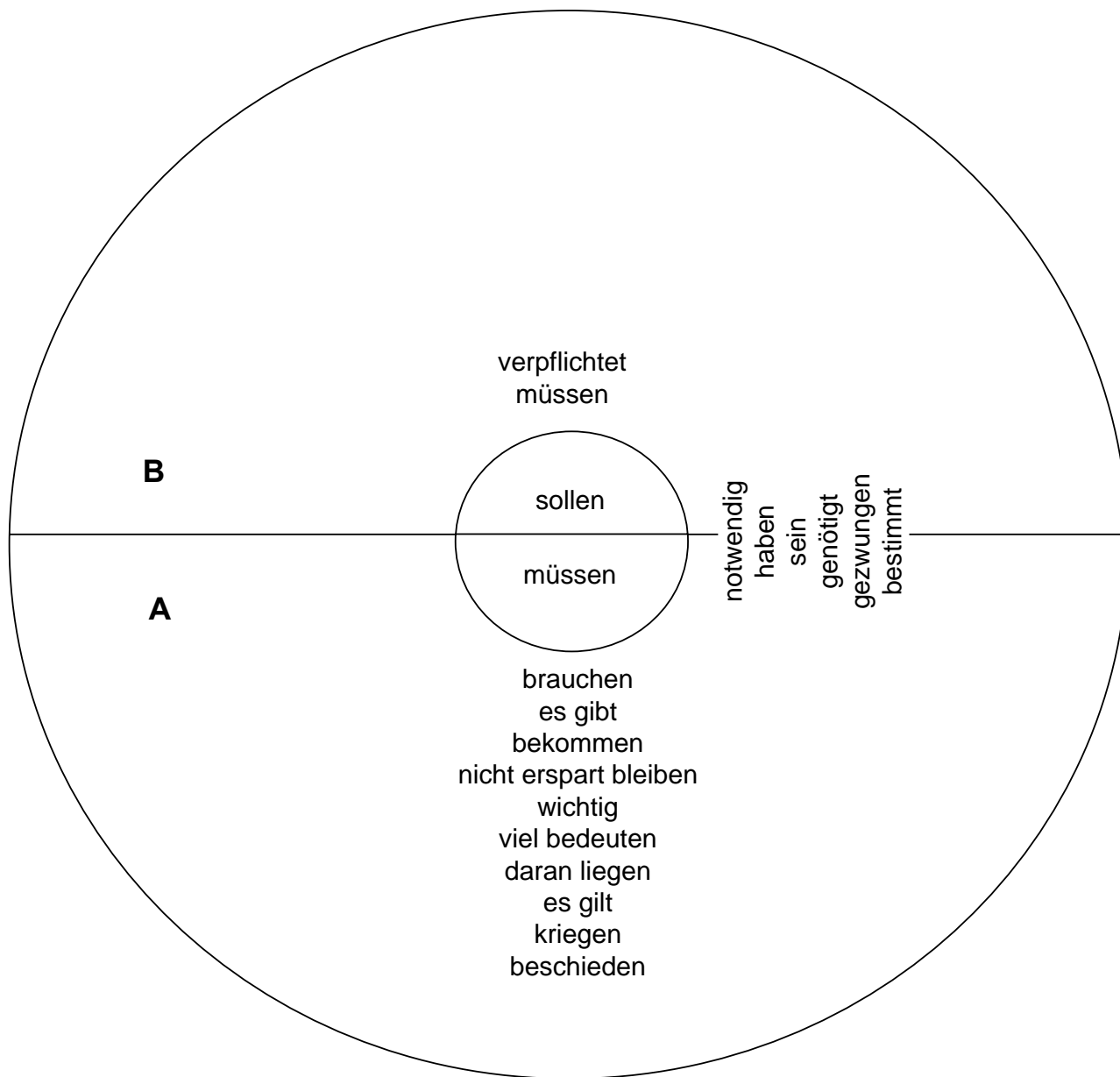
*Die Leiche **sei** nächstens auf dem Schindanger zu vergraben, der Ort nicht zu kennzeichnen (P. Süskind).*

Прилагательное *notwendig* участвует в толковании лексем данной подгруппы и само, обладая наиболее обобщённой семантикой необходимости, способно выражать значение необходимости, обусловленной нормами, приказами, законами и т. п.

Таким образом лишь причастие *verpflichtet* является однозначным непрототипическим средством выражения деонтической необходимости.

Семантическое поле субъектной модальности необходимости можно представить в виде схемы 3:

**Семантическое поле субъективной
модальности необходимости**

A – сегмент онтологической необходимости

B – сегмент деонтической необходимости

3.4. Средства выражения субъектной модальности привычности действия

Привычка – действие, ставшее обыкновением, само собой разумеющимся в результате постоянного повторения. Базовыми для семантики лексем, характеризующих действие как привычное, являются компоненты [привычка – *Gewohnheit*], [повторяющееся действие – *wiederholte Handlung*]. Повторение действия может быть обусловлено как желанием самого субъекта, так и необходимостью. Привычное действие, следовательно, может оцениваться как положительно, так и отрицательно.

В наиболее чистом виде (без каких-либо оценок самого действия или его причин) значение привычности действия передают сочетание *gewöhnt sein* и *pflegen*. Последний, согласно матрице 11, содержит две базовые семы, получает наиболее полное толкование и является самым частотным в данной подгруппе. Однако употребление данного глагола свойственно письменной речи (чем, вероятно, и обусловлена сравнительно высокая частотность в анализируемом корпусе примеров). Глагол *sich angewöhnen* выражает аспектуальное значение начала действия – момент формирования привычки. В семантике глаголов *neigen*, *belieben* заложена оценка привычного действия как положительного, правильного, желаемого. Примеры отрицательной оценки привычного действия не зафиксированы.

Матрица 11

Сема \ Лексема	Gewohnheit	wiederholte Handlung	pflegen	neigen	gewöhnt	sich angewöhnen	belieben
pflegen	[+]	[+]		«+»	«+»	«+»	(+)
neigen		[+]	«+»				«+»
gewöhnt	[+]		«+»			«+»	
sich angewöhnen	[+]		«+»		«+»		«+»
belieben			[+]	«+»		«+»	

П. А. Лекант, выделяя глаголы данной семантики в отдельную группу, называет данное модальное значение значением «обычности действия». В русском языке данное значение передаётся глаголами *привыкнуть*, *научиться*, *приспособиться* и т. п. [Лекант 1976: 73]. Я. В. Олзоева также выделяет особый тип модальности: модальность обычности [Олзоева 2005 :90].

3.5. Средства выражения субъектной модальности оценки

Модальность оценки (аксиологическая модальность) в логическом представлении характеризуется особой структурой, компонентами которой являются субъект оценки, объект оценки и оценочное отношение, имеющее значение «хорошо / плохо». Однако в естественном языке оценочные структуры построены значительно более сложно. Модальность оценки образует модальную рамку, накладывающуюся на дескриптивное содержание высказывания, поэтому оценочная структура, как правило, оформляется конструкцией: модус – диктум. Оценочные модусы выражаются глаголами: *Сожалею, что он не пришёл*; *Es tut mir leid, dass er nicht gekommen ist*; предикативами: *Хорошо, что ты меня понимаешь*; *Es ist gut, dass du mich verstehst*. Однако многие из соответствующих глаголов и сочетаний с предикативами при совпадении субъекта оценки и субъекта оцениваемого действия / состояния, описываемого в диктуме, могут, преобразовывая сказуемое, вводить модальность оценки в диктум предложения: *Я рад Вас видеть. Ich bin froh, Sie zu sehen*. В разных языках оцениваться может как представление о действии, сама его возможность: *Мне грустно вспоминать об этом. Es ist mir schmerzlich, sich daran zu erinnern*, так и уже свершившееся действие: *Ich ärgere mich, den Fehler gemacht zu haben*. Но: *Я сержусь, что сделал ошибку*. Так же, как и в логике, возможно выражение сравнительной модальности: *Desto angenehmer war es ihr, sich selbst, da sie zwischen Kräutern und Gesträuchen hinkroch, und ihr anmutiges Licht, das sie durch das frische Grün verbreitete, zu bewundern (J. W. Goethe). Und Gregor schien es, daß es viel vernünftiger wäre, ihn jetzt in Ruhe zu lassen, statt ihn mit Weinen und Zureden zu stören (F. Kafka)*.

Более сложными, чем в логике, в естественном языке являются оценочные отношения. Поляризованное отношение «хорошо / плохо» лежит в основе любой оценки (пожалуй, кроме значения «странности»), но на него наслаиваются различные дополнительные значения. Модальность оценки, в свою очередь, тесно связана с основными модальными значениями. И в самом деле, «хорошее» действие благодаря данному качеству может стать желаемым, возможным или даже необходимым, «плохое» действие может стать нежелательным, запретным.

Обнаруженные нами глаголы и предикативы оценивают действие / состояние по следующим критериям:

- лёгкость / трудность;
- разумность / неразумность;
- полезность / бесполезность;
- морально-этическая оценка;
- субъективно-эмоциональная оценка;
- странность (соответствие / несоответствие норме).

Критерий «лёгкость / трудность» предполагает оценку действия в связи с количеством прилагаемых для его выполнения физических, умственных, моральных усилий: сема [напряжение – Anstrengung]. Значение лёгкости действия выражается предикативами *leicht*, *einfach* и глаголом *leicht fallen*. Значение трудности передают предикативы *schwer*, *schwierig*, а также глагол *schwer fallen*. Наиболее частотной из всех названных лексем является прилагательное *leicht* (матрица 12).

Матрица 12

Сема \ Лексема	Anstrengung	leicht	einfach	schwer	schwierig	leicht fallen	schwer fallen
leicht	[-]		[+]	«-»	[-]	«+»	«-»
einfach	[-]	[+]		(-)	[-]	«+»	«-»
schwer	[+]	[-]	[-]		[+]	«-»	«+»
schwierig	[+]	(-)	(-)	[+]		«-»	«+»
leicht fallen	[-]	«+»	«+»	«-»	«-»		«-»
schwer fallen	[+]	«-»	«-»	«+»	«+»	«-»	

Однако это не означает, что в языке чаще находит выражение значение легкости действия, поскольку каждый из приведенных глаголов в сочетании с отрицанием очень часто замещает свой противочлен. Кроме того, судя по горизонтальному срезу матрицы, наиболее развёрнутое определение получает предикатив *schwer*, наибольшей же объяснительной силой, согласно вертикальному срезу, обладает предикатив *schwierig*.

Критерий «разумность / неразумность» является основанием для оценки осмысленности, целесообразности действия (матрица 13). Разумность действия выражается предикативами *klug*, *richtig*, *vernünftig*. Повторяющимся базовым компонентом в их семантической структуре является сема [смысл – Sinn]. Отрицательными членами оппозиции являются предикативы *sinnlos*, *lächerlich*, *töricht*. В их семантической структуре на разных ступенях развёртывания также содержится сема [Sinn], но с отрицанием. При этом сочетание *lächerlich sein* выражает дополнительную эмоциональную оценку: субъект оценки не просто констатирует бессмысленность действия, но и выражает своё раздражение по поводу самой идеи.

Матрица 13

Сема \ Лексема	Sinn	lächerlich	töricht	sinnlos	vernünftig	klug	richtig
lächerlich			[+]	«+»			«-»
töricht		(+)		«+»	[-]	[-]	
sinnlos	[-]	«+»	«+»		(-)	(-)	
vernünftig	[+]		(-)	[-]		[+]	
klug	[+]		(-)	[-]	[+]		
richtig		«-»					

Согласно матрице, чаще всего для толкования других лексем используются прилагательные *vernünftig*, *sinnlos*. Прилагательное *töricht*, несмотря на достаточно полное толкование и большую объяснительную силу, относится к периферии микрополя, так как относится к книжной лексике.

Оценка **полезности / бесполезности** действия отражает возможность получения субъектом действия идеальной или материальной пользы, выгоды в результате его совершения, возможность приблизиться в результате данного действия к поставленной цели (матрица 14).

Матрица 14

Сема \ Лексема	Nutzen	Schaden	sich lohnen	nützen	nützlich	wertvoll	müßig	unnütz	gefährlich
sich lohnen	[+]			«+»	«+»		«-»	«-»	
nützen	[+]	[-]	«+»		«+»		«-»	(-)	«-»
nützlich	[+]		«+»	«+»		(+)	«-»	[-]	
wertvoll					[+]			«-»	
müßig	[-]		«-»	«-»	«-»			[+]	
unnütz	[-]		«-»	[-]	[-]	«-»	(+)		
gefährlich		[+]		«-»					

«Полезные» действия характеризуются модальными глаголами *sich lohnen*, *nützen*, *daran liegen*, а также сочетаниями с прилагательными *nützlich sein*, *wertvoll sein*. «Бесполезные» действия характеризуются предикативами *müßig*, *unnütz*. Оценка полезности действия тесно связана со значением онтологической необходимости: на пути достижения цели полезное действие становится важным и необходимым, поэтому глаголы и предикативы данных групп часто выступают как синонимы. К данной группе мы относим также предикатив *gefährlich*, в семантике которого содержатся семы [опасность – Gefahr], [вред – Schaden], свидетельствующие о том, что действие не только не приносит пользы, но даже может нанести вред действующему субъекту.

Морально-этическая оценка характеризует действие как хорошее / плохое с точки зрения общественной морали. Речь идет о правилах вежливости и приличия. В собранном корпусе примеров средства выражения морально-этической оценки очень немногочисленны (матрица 15). Матричный анализ выявленных средств позволил выявить базовую сему лексем данной подгруппы: [соответствующий общественным нормам – *den gesellschaftlichen*

Konventionen entsprechend]. Данная сема присутствует в интенционале каждой лексемы, что позволяет установить их системные связи. Однако ни одна из лексем не используется в толковании других, что свидетельствует о довольно узких возможностях их взаимозаменяемости.

Матрица 15

Сема \ Лексема	gesellschaftlichen Konventionen entsprechend	schicklich	ehrevoll	unhöflich	kühn
schicklich	[+]		«+»	«-»	«-»
ehrevoll	[+]	«+»		«-»	«-»
unhöflich	[-]	«-»	«-»		«+»
kühn	[-]	«-»	«-»	«+»	

Действие, соответствующее общественным моральным нормам, характеризуется сочетанием *schicklich sein*. Сочетание *ehrevoll sein* характеризует действие не только как соответствующее морали общества, но и заслуживающее его признания и уважения. Отклонение от правил этикета приводит к оценке действия обществом как, например, невежливого (*unhöflich*) или дерзкого (*kühn*).

Субъективно-эмоциональная оценка исходит из эмоциональной реакции субъекта на производимое / произведённое им действие. Дефиниционный анализ и метод семантического развёртывания позволили выделить компонент [чувство – Gefühl] как базовую сему в семантике средств выражения субъективно-эмоциональной оценки. Поскольку человек склонен к рефлексии, модальные модификаторы данной группы не просто описывают эмоциональное состояние субъекта, вызванное процессом или результатом его действия, но и выражают субъективную оценку (хорошо / плохо для эмоционального состояния субъекта) самого процесса / результата действия. В наиболее общем виде значения позитивной / негативной эмоциональной оценки выражают глаголы *sich freuen, bedauern* и прилагательные *froh, schön, angenehm*. В силу недифференцированности своего значения названные лексемы обладают также наибольшей объяснительной силой (матрица 16) и употребляются чаще других.

Матрица 16

Сема Лексема	sich freuen	froh	schön	bedauern	zufrieden	hassen	sich schämen	angenehm	toll	leid tun	glücklich	schmerzlich	lieben	beglücken	interessieren	dankbar	erleichtert	lieb	bereuen	sich ärgern	unerträglich	weh tun	langweilig
sich freuen		[+]	(+)	(-)	«+»			«+»		«-»	[+]			«+»		(+)			«-»				
froh	(+)		(+)		[+]			«+»		«-»	[+]			«+»		[+]	[+]		«-»				
schön	[+]	[+]		«-»		«-»	«-»	[+]								«+»	«+»	«+»			«-»		
bedauern	[-]	[-]	«-»				«+»	«-»		(+)						«-»	«-»		(+)				
zufrieden	«+»	[+]					«-»							«+»		«+»				«-»			
hassen			«+»					[-]					[-]					«-»					
sich schämen			«-»	«+»	«-»			«-»		«+»									«+»			«+»	
angenehm	«+»	«+»	(+)	«-»		(-)	«-»		«+»					«+»				(+)			(-)		
toll								«+»															
leid tun	«-»	«-»		[+]			«+»					«+»							«+»				
glücklich	(+)	(+)			«+»									(+)		«+»							
schmerzlich										«+»												«+»	
lieben						(-)												«+»					
beglücken	«+»	«+»			«+»			«+»			[+]												
interessieren																							(-)
dankbar	[+]	(+)	«+»	«-»	«+»				«+»														
erleichtert		[+]	«+»	«-»																			
lieb			«+»			«-»		[+]					«+»										
bereuen	«-»			[+]			«+»			«+»													
sich ärgern					«-»																		
unerträglich			«-»					[-]															
weh tun							«+»					«+»											
langweilig															[-]								

Чем конкретнее в семантической структуре слова определено чувство (интерес, благодарность, сожаление, ненависть и др.), тем реже лексема употребляется и тем менее она способна замещать другие лексемы группы. Следовательно, такие оценочные предикаты, как *schmerzlich*, *interessieren*, *langweilig*, *dankbar*, *sich ärgern*, *unerträglich*, относятся к периферии данного сегмента микрополя оценки.

Средства выражения субъективно-эмоциональной оценки можно, в свою очередь, разделить на две группы согласно их семантике и некоторым грамматическим особенностям. К первой группе относятся глаголы *lieben*, *hassen*, выражающие обобщённое значение любви или неприязни субъекта к какому-либо действию / состоянию: субъект всегда испытывает данную эмоцию при совершении называемого действия.

Ко второй группе относятся все прочие глаголы и предикативы, выражающие по сути те же значения, но в конкретной сиюминутной ситуации. Семантическое различие данных лексем было бы незначительным, если бы не подкреплялось различиями грамматическими. Так, лексические единицы второй группы способны сочетаться с перфектным инфинитивом, выражая значение субъективно-эмоциональной оценки действия (состояния), предшествующего моменту речи. Глаголы *lieben*, *hassen* не сочетаются с перфектным инфинитивом, поскольку передают генерализированное значение времени. В данном случае невозможно говорить о действии, выраженном инфинитивом, как о предшествующем, одновременном или последующем по отношению к моменту речи, здесь инфинитив ближе к существительному, нежели к глаголу. По той же причине данные глаголы не могут употребляться как модусные, поскольку инфинитивную группу нельзя заменить придаточным предложением, вводимым союзом *dass*, ведь в таком случае необходимо было бы выбрать временную форму глагола в придаточном предложении. Глаголы, выражающие сиюминутную субъективно-эмоциональную оценку, напротив, часто употребляются как модусные, при этом глагольная форма в придаточном предложении выражает уже не относительное, а абсолютное время:

*Ich hasse es, dass ich vor der Klasse rechnen / gerechnet habe.

Ich freue mich, dass ich Sie sehe / gesehen habe.

Глаголы типа *sich ärgern, sich freuen, bedauern, bereuen, es tut gut, es tut leid* и др. также могут выражать обобщенное значение, но при помощи определенных лексических средств, таких как *immer, nie*. Однако при таком употреблении глаголы теряют свои характерные грамматические особенности: не могут сочетаться с перфектным инфинитивом, не могут употребляться как модусные:

Ich freue mich immer, Sie zu sehen.

*Ich freue mich immer, ihr begegnet zu sein.

*Ich freue mich immer, dass ich Sie sehe / gesehen habe.

Глагол *interessieren* и прилагательное *langweilig*, оценивающие степень эмоциональной вовлеченности субъекта в сам процесс действия, также способны сочетаться лишь с неперфективным инфинитивом. Кроме того, они находятся на пересечении с группой глаголов желания, так как интерес к действию непосредственно предшествует желанию его выполнить. Соответственно, отсутствие интереса влечет нежелание выполнять данное действие.

Отдельно отметим прилагательное *gut*, выражающее положительную оценку действия в наиболее унифицированном виде. В соответствующих контекстах прилагательное *gut* может передавать положительную субъективно-эмоциональную, морально-этическую оценку, а также означать полезность, разумность действия, его лёгкость. Многозначность данной лексики в немецком языке во многом соотносится с шестью «формами добра», выделенными Г. Х. фон Вригтом: 1) добро инструментальное: *хороший нож, часы*; 2) техническое: *хороший шофер, оратор*; 3) медицинское, включающее такие объекты как *глаза, сердце, память*; 4) утилитарное, подразумевающее пригодность, полезность для определенной цели: *хороший план, случай, хорошая возможность, новость*; 5) гедонистическое: *хороший запах, вкус, обед, погода*; 6) добро человека: *хороший поступок, намерение* [Цит. по: Вольф 1985: 27].

Прилагательное *gut*, согласно словарным дефинициям, может быть отнесено к четырём из пяти ранее рассмотренных групп (таблица 5).

Таблица 5

**Полисемия лексемы *gut* как средства
выражения субъектной модальности оценки**

	Субъективно-эмоциональная оценка	Морально-этическая оценка	Полезность	Разумность
Duden Deutsches Universalwörterbuch, 2001	<u>angenehm</u> , <u>erfreulich</u> , sich positiv auswirkend	<u>sittlich</u> einwandfrei, <u>moralisch</u> wertvoll	<u>nützlich</u> , wirksam	passend, <u>geeignet</u>
Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache, 1998	<u>positiv</u> , <u>erfreulich</u> , <u>angenehm</u>	so, wie es in e-r Gesellschaft üblich ist, den Erwartungen und <u>moralischen</u> <u>Prinzipien</u> entspricht	für j-n <u>nützlich</u>	—

Следовательно, данная лексема выступает как инвариант положительной оценки и образует ядро соответствующего семантического поля. Одним из многочисленных значений прилагательного *gut* в его самостоятельном употреблении является также значение лёгкости (*ohne Mühe*), что позволяет говорить о сдвиге семантики лёгкости от центра оценочной шкалы в сторону позиции «хорошо». В качестве антонима в каждом из приведённых значений словари приводят прилагательное *schlecht*. Однако в анализируемом материале данная лексема не зафиксирована, что соответствует положению об общей позитивной ориентации языковой нормы [Вольф 1985: 20].

Логика оценок наряду с абсолютными оценочными предикатами «хорошо» и «плохо» выделяет слабую характеристику суждения «аксиологически безразлично» – нормально. В результате смещения относительно оценочного предиката «нормально» на аксиологической шкале возникает

семантика **странности**. Таким образом, оценка странности находится вне отношения «хорошо / плохо», критериями оценки являются в данном случае «соответствие / несоответствие норме», базовый семантический компонент, соответственно, представлен семей [обычно – *üblich*] (матрица 17):

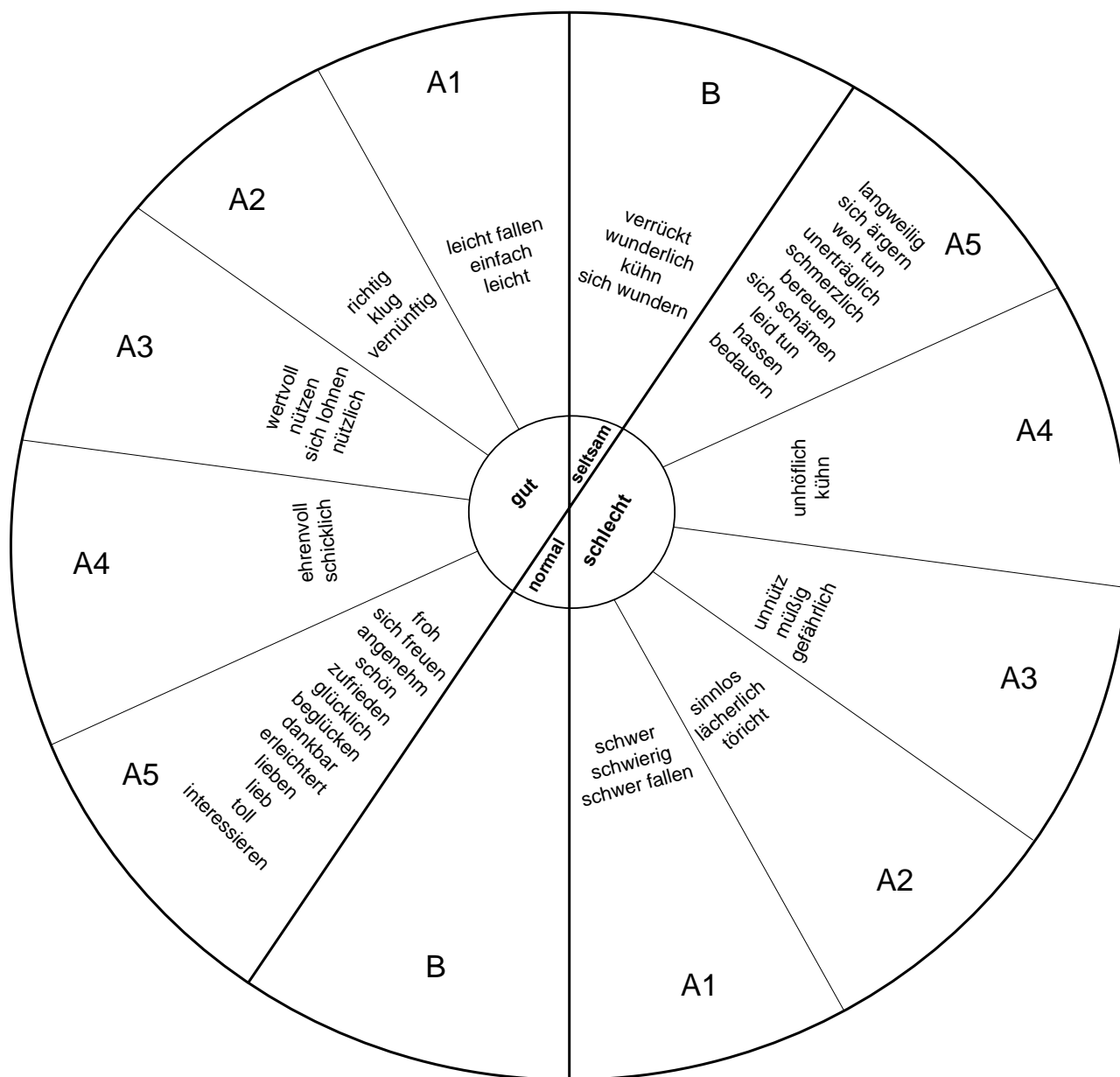
Матрица 17

Сема \ Лексема	<i>üblich</i>	<i>seltsam</i>	<i>sich wundern</i>	<i>wunderlich</i>	<i>verrückt</i>	<i>kühn</i>
<i>seltsam</i>	[-]			(+)	«+»	«+»
<i>sich wundern</i>				«+»		
<i>wunderlich</i>	[-]	[+]	«+»		«+»	«+»
<i>verrückt</i>	[-]	«+»		«+»		«+»
<i>kühn</i>	[-]	«+»		«+»	«+»	

Поскольку человеческое сознание более восприимчиво к явлениям, отклоняющимся от нормы, чем к соответствующим ей, то и в языке чаще выражается значение странности. Так, в нашем корпусе примеров не зафиксировано глаголов или прилагательных, характеризующих действие / состояние как нормальное. В наиболее чистом виде значение странности передается предикативом *seltsam*, обладающим также наибольшей объяснительной силой. Оценочные предикаты *seltsam*, *sich wundern*, *kühn* являются репрезентативно амбивалентными, что делает возможным их контекстуальную интерпретацию в терминах абсолютных аксиологических предикатов: хорошо – плохо. Лексемы *wunderlich* и *verrückt*, в интенционале которых зафиксирована негативная оценка, относятся к периферии данного сегмента оценочной модальности.

Поле модальности субъектной оценки может быть представлено в виде следующей схемы (схема 4):

**Семантическое поле
субъектной модальности оценки**

- A** – оценка «хорошо - плохо»
- A1** – лёгкость / трудность
- A2** – разумность / неразумность
- A3** – полезность / бесполезность
- A4** – морально-этическая оценка
- A5** – субъективно-эмоциональная оценка
- B** – оценка «нормально - странно»

Выводы по третьей главе

Выявленные на основе модальной семантики и идентичного характера дистрибуции (сочетание с инфинитивом) непрототипические средства выражения субъектной модальности объединяются в пять лексико-семантических групп.

Значения лексико-семантических групп исследуемых глаголов в целом соответствуют основным рассматриваемым в грамматике модальным значениям: желание, возможность, необходимость, привычность, оценка.

Лексические значения, выражаемые непрототипическими модальными средствами в составе сказуемого, образуют сложную систему, элементы которой связаны друг с другом.

Система непрототипических средств выражения субъектной модальности полностью отражает процесс перехода от ирреального мира к реальному, от возникновения желания до его непосредственной реализации и оценки результатов.

Системные отношения непрототипических средств выражения субъектной модальности проявляются в единстве выполняемых ими функций и возможности взаимозамещения.

Отношения в каждой из лексико-семантических групп могут быть изображены в виде функционально-семантических микрополей, ядро большинства из которых составят собственно модальные глаголы как прототипические средства выражения модальных отношений между субъектом и предикатом.

Семантическое поле желания имеет кольцевую структуру. Ядро поля образуют модальные глаголы *wollen, mögen*. Базовой является сема [желание]. В зависимости от степени семантического развёртывания, на которой проявляется базовая сема, образуется ядро, ближняя и дальняя периферия поля. Ближе всего к ядру находится группа со значением собственно желания, на некотором отдалении от него находится группа средств выражения семантики намерения. На периферии поля находятся лексемы со значением попытки.

Такая структура поля в целом отражает стадии перехода от ирреального мира к реальному: желание – намерение – попытка.

Семантическое поле субъектной возможности имеет сложную сегментную структуру. В первую очередь поле разделяется на сегмент онтологической и деонтической возможности. Ядро первого сегмента составляет модальный глагол *können*, ядро второго – модальный глагол *dürfen*. Сегмент онтологической возможности делится, в свою очередь, ещё на два: субъективную и объективную возможность. На периферии каждого из двух сегментов онтологической возможности находятся лексические единицы со значением реализованной возможности, так как они содержат аспектуальную сему и сигнализируют о переходе от потенциального к реальному. На пересечении субъективной и объективной онтологической возможности располагаются лексемы со значением решимости. Субъективным условием возможности / невозможности в данном случае являются личные качества субъекта: смелость, решительность, наглость, стеснительность, осторожность. Объективным фактором, обуславливающим невозможность совершения действия или требующим для его осуществления проявления определённых личных качеств, являются внешние обстоятельства (опасность, риск, возможность неудачи, недовольство окружающих).

Семантическое поле необходимости также разделено на два сегмента: онтологическая и деонтическая необходимость. Ядро первого сегмента образует модальный глагол *müssen*, ядро второго – модальный глагол *sollen*. Лексические единицы в рамках сегментов располагаются в зависимости от проявленности базовой семы [необходимость], от объяснительной силы лексемы, её частотности и сферы употребления. Характерно, что практически все выявленные средства выражения деонтической необходимости могут также выражать онтологическую необходимость, находясь, таким образом, на пересечении двух сегментов.

Семантическое поле привычности действия имеет более простую структуру. Лексемы располагаются от ядра к периферии в зависимости от

степени проявления базовой семы [привычка], от объяснительной силы лексемы внутри группы, от употребительности и стилистической окраски единиц. На периферии поля находятся лексемы, содержащие в семантической структуре оценочные компоненты [симпатия], [предпочтение].

Семантическое поле оценки, согласно логике, образовано четырьмя сегментами: «хорошо», «плохо», «нормально», «странно». Ядро первых двух сегментов образуют абсолютные аксиологические предикаты *gut*, *schlecht*. Каждый сегмент делится на более мелкие сегменты в зависимости от критерия оценки. В нашем корпусе примеров такими критериями являются оценка лёгкости / трудности, разумности / неразумности, полезности / бесполезности, морально-этическая оценка, субъективно-эмоциональная оценка. Ядро сегмента странности образует предикатив *seltsam*. Периферию данного сегмента составляют лексические единицы, в семантике которых присутствует положительная либо отрицательная оценка необычного действия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Языковая категория модальности имеет философские и формально-логические основы. В своём развитии логическая категория модальности прошла путь от модальных силлогизмов Аристотеля «*A необходимо принадлежит B*», «*C возможно принадлежит D*» до теории «возможных миров» Я. Хинтикки. Однако движение к новому не означало отказа от старого. Продолжая оперировать традиционными понятиями возможности, действительности и необходимости, модальная логика в то же время существенно расширяет число модальных систем. В широком смысле модальными являются любые оценки объективно существующих связей. Общим для всех модальных теорий фактом является непосредственная связь категории модальности с познавательной деятельностью человека.

Языковым средством выражения суждения является предложение. Модальность предложения / высказывания так же, как и модальность суждения, отражает отношение высказываемого к действительности. Отношения эти достаточно разнообразны, но центральной фигурой, определяющей все связи и отношения, является говорящий.

Модальность, понимаемая в широком смысле как отношение высказывания к действительности с точки зрения говорящего, характеризуется широким набором разноуровневых средств выражения: лексических, словообразовательных, синтагматических, лексико-синтаксических, аналитических, контекстуальных, интонационных, образующих функционально-семантическое поле модальности. Модальное отношение высказывания к действительности проявляется в доминирующих признаках реальности / ирреальности. Данные признаки в той или иной степени представлены в широком наборе отношений, образующих определённые подсистемы модальных значений. Модальность, таким образом, может быть рассмотрена как группировка функционально-семантических полей.

Одной из подсистем группировки модальных ФСП является субъектная модальность, отражающая отношения между субъектом действия и самим действием. В рамках субъектной модальности реализуются значения возможности, необходимости, желательности, привычности действия, а также различные качественные и эмоциональные оценки действия. Характеризуемое таким образом действие рассматривается как потенциальное, что позволяет отнести субъектную модальность к сфере потенциальности в узком и к сфере реальности в широком смысле.

Прототипическими средствами выражения субъектных модальных значений являются модальные глаголы. Входя в состав сказуемого, они модифицируют его, внося модальные характеристики связи субъекта и предиката. Семантика и функционирование собственно модальных глаголов довольно хорошо изучены. В германских языках группу модальных глаголов обычно образуют претерито-презентные глаголы, объединённые схожей семантикой. В таких языках, как русский, удмуртский, соответствующей морфологической группы не существует, модальные глаголы выделяются на основе семантики.

Учитывая характер дистрибуции, в языке наряду с собственно модальными глаголами может быть выявлен целый ряд глаголов и сочетаний, входящих в конструкции типа **V + zu + Inf; cop + Adj / Part + zu + Inf** и имеющих весьма разнообразную семантику. Несмотря на всё разнообразие значений, непрототипические средства выражения субъектных модальных значений находятся в системных отношениях, т. е. выполняют общую функцию модальных модификаторов сказуемого и объединяются в несколько лексико-семантических групп, в рамках которых могут в той или иной степени замещать друг друга.

Каждая лексико-семантическая группа может быть представлена в виде функционально-семантического поля. Ядро большинства из таких полей составляют собственно модальные глаголы как прототипические средства выражения модальных отношений между субъектом и предикатом. Анализ

семантики непрототипических средств выражения субъектной модальности позволил выделить поля со следующими инвариантными значениями:

- желание;
- возможность;
- необходимость;
- привычность действия;
- оценка.

Семантическое поле желания имеет кольцевую структуру. Ядро поля представлено собственно модальными глаголами *wollen*, *mögen*. Структура поля в целом отражает стадии перехода от ирреального мира к реальному: желание – намерение – попытка. Соответственно ближе всего к ядру находится группа лексем со значением собственно желания, на некотором отдалении от него находится группа средств выражения семантики намерения. На периферии поля находятся лексемы со значением попытки как реального действия, направленного на осуществление желания.

Семантическое поле возможности образовано несколькими сегментами: сегментом онтологической возможности (субъективной и объективной) и сегментом деонтической возможности.

Онтологически возможным является то, что не противоречит законам логики и природы. Деонтически возможным является то, что не противоречит законам общества, государства, моральных норм и правил. Ядро сегмента онтологической возможности составляет модальный глагол *können*, ядро сегмента деонтической возможности – модальный глагол *dürfen*. Субъективная возможность заключена в силах и природе самого субъекта, объективная возможность создаётся внешними обстоятельствами. На периферии каждого из двух сегментов онтологической возможности находятся лексические единицы со значением реализованной возможности, сигнализирующие о переходе от потенциального к реальному. На пересечении субъективной и объективной онтологической возможности находятся средства выражения значения решимости.

Семантическое поле необходимости также представлено сегментами онтологической и деонтической необходимости с ядерными глаголами *müssen* и *sollen*. Онтологически необходимо то, что обусловлено законами логики, природы, сложившимися обстоятельствами. Деонтически необходимо то, что требуется законами общества, государства, моральными нормами. Характерно, что практически все выявленные средства выражения деонтической необходимости способны также выражать онтологическую необходимость, находясь на пересечении двух сегментов.

Семантическое поле привычности действия имеет простую структуру. Семантика привычности отражает отношение субъекта к действию как к чему-либо обычному, само собой разумеющемуся. На периферии поля находятся лексемы, содержащие в семантической структуре оценочные компоненты и характеризующие привычное действие как положительное.

Семантическое поле оценки, согласно логике, образовано четырьмя сегментами «хорошо», «плохо», «нормально», «странно». Ядро первых двух сегментов образуют предикативные прилагательные *gut*, *schlecht*. Представленные здесь лексемы могут выражать оценку действия / состояния со стороны субъекта этого действия / состояния по следующим критериям:

- лёгкость / трудность;
- разумность / неразумность;
- полезность / бесполезность;
- морально-этическая оценка;
- субъективно-эмоциональная оценка.

В основе любой оценки, как правило, лежит отношение «хорошо / плохо». Ядро сегмента странности образует предикатив *seltsam* – *странно*. На периферии сегмента находятся средства с дополнительными признаками положительной либо отрицательной оценки действия.

Полученные результаты позволяют наметить некоторые перспективы дальнейшего исследования системы непрототипических средств выражения субъектных модальных значений. Материалы и выводы данного исследования

могут служить основой для изучения семантики и функционирования непрототипических средств выражения субъектной модальности в других языках. Представляется перспективным дальнейшее исследование системы непрототипических средств в синхронно-сопоставительном и диахронном аспектах, что позволит выявить закономерности их развития. Небезынтересно исследование субъектных модальных значений и способов их репрезентации в разных языках с точки зрения лингвокультурологического подхода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов, Б. А. Теоретическая грамматика немецкого языка / Б. А. Абрамов. – М.: Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 288 с.
2. Адмони, В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка / В. Г. Адмони. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1955. – 391 с.
3. Адмони, В. Г. Синтаксис современного немецкого языка / В. Г. Адмони. – Л.: Наука, 1973. – 366 с.
4. Алисова, Т. Б. Дополнительные отношения модуса и диктума / Т. Б. Алисова // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1971. – № 1. – С. 54–64.
5. Андреевская, М. В. Вопросы синтаксиса немецкого языка / М. В. Андреевская. – Л.: Учпедгиз, 1950. – 200 с.
6. Аристотель Аналитика первая и вторая / Аристотель. – М.: Политиздат, 1952. – 498 с.
7. Арнольд, И. В. Основы научных исследований в лингвистике / И. В. Арнольд. – М.: Высш. шк., 1991. – 140 с.
8. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
9. Бабушкин, А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. – 86 с.
10. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Иностран. лит-ра, 1955. – 416 с.
11. Бархударов, Л. С. Грамматика английского языка / Л. С. Бархударов, Д. А. Штеллинг. – М.: Высш. шк., 1973. – 424 с.
12. Барышева, И. В. К вопросу о синонимии в области выражения «внутренней» модальности в современном немецком языке / И. В. Барышева // Вопросы теории и методики преподавания иностранных языков. Т. 29. – Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1973. – Вып. 1. – С. 3–16.
13. Белошапкова, В. А. Современный русский язык. Синтаксис / В. А. Белошапкова. – М.: Высш. шк., 1977. – 248 с.

14. Бе́ляева, Е. И. (**Бе́ляева 1987а**) Модальность в различных типах речевых актов / Е. И. Бе́ляева // Филологические науки. – М.: Высш. шк., 1987. – № 3. – С. 64–69.
15. Бе́ляева, Е. И. (**Бе́ляева 1987б**) Речевой аспект категории модальности / Е. И. Бе́ляева // Функционирование языковых единиц в речи и в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. – С. 23–32.
16. Бе́ляева, Е. И. Соотношение значений возможности и необходимости в семантической сфере потенциальности / Е. И. Бе́ляева, С. Н. Цейтлин // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 123–126.
17. Бе́ляева, Е. И. (**Бе́ляева 1990а**) Возможность / Е. И. Бе́ляева // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 126–142.
18. Бе́ляева, Е. И. (**Бе́ляева 1990б**) Достоверность / Е. И. Бе́ляева // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 157–170.
19. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
20. Берман, И. М. Грамматика английского языка / И. М. Берман. – М.: Высш. шк., 1994. – 288 с.
21. Бирюлин, Л. А. Основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе / Л. А. Бирюлин, Е. Е. Корди // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 67–72.
22. Битнер, М. А. Способы актуализации семантики случайного в английском языке: автореф. дис. д-ра филол. наук / М. А. Битнер. – Барнаул, 2007. – 19 с.
23. Блох, М. Я. Теоретическая грамматика английского языка / М. Я. Блох. – М.: Высш. шк., 1983. – 383 с.

24. Богданов, В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1977. – 204 с.
25. Бондаренко, В. Н. Виды модальных значений и их выражение в языке / В. Н. Бондаренко // Филологические науки. – М.: Высш. шк., 1979. – № 2. – С. 54–61.
26. Бондарко, А. В. Русский глагол / А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. – Л.: Просвещение, 1967. – 192 с.
27. Бондарко, А. В. Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.
28. Бондарко, А. В. Основания функциональной грамматики. Исходные понятия / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – С. 5–39.
29. Бондарко, А. В. **(Бондарко 1990а)** Модальность (вступительные замечания) / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 59–67.
30. Бондарко, А. В. **(Бондарко 1990б)** Реальность / ирреальность и потенциальность / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 72–79.
31. Бондарко, А. В. **(Бондарко 1990в)** Темпоральность / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 5–58.
32. Боронникова, Н. В. Лекции по истории лингвистики / Н. В. Боронникова, Ю. А. Левицкий. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2002. – 224 с.
33. Будагов, Р. А. Очерки по языкознанию / Р. А. Будагов. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1953. – 280 с.
34. Вайсбейн, И. М. Модальные глаголы в устной речи / И. М. Вайсбейн, З. Я. Тураева. – М., Л., 1966. – 118 с.
35. Валгина, Н. С. Современный русский язык / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина. – М.: Высш. шк., 1987. – 480 с.

36. Валгина, Н. С. Синтаксис современного русского языка / Н. С. Валгина. – М.: Агар, 2000. – 416 с.
37. Васильев, Л. М. Семантика русского глагола / Л. М. Васильев. – М.: Высш. шк., 1981. – 184 с.
38. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 411 с.
39. Виноградов, В. В. Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1975. – 559 с.
40. Виноградов, В. В. **(Виноградов 1981а)** О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка. – М.: Высш.шк., 1981. – С. 310–316.
41. Виноградов, В. В. **(Виноградов 1981б)** Основные вопросы синтаксиса предложения / В. В. Виноградов // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка. – М.: Высш. шк., 1981. – С. 316–321.
42. Виноградова, Н. Г. Человек как субъект обладания: Актуализация категории обладания в немецком языковом сознании / Н. Г. Виноградова, Ю. М. Малинович // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. – Москва–Иркутск, 2003. – С. 104–137.
43. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М.: Наука, 1985. – 232 с.
44. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология / В. Г. Гак. – М.: Высш. шк., 1986. – 312 с.
45. Гак, В. Г. Синтаксис эмоций и оценок / В. Г. Гак // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. – М., 1996. – С. 20–31.
46. Гольцова, Т. А. Особенности употребления единиц с семантикой долженствования в научном стиле / Т. А. Гольцова // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: межвуз. сб. науч. ст. – Тамбов: ТОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2006. – Вып. I. – С. 114–116.

47. Григорьева, Т. С. Модальность косвенной речи в немецком литературном языке на материале XV–XIX вв. / Т. С. Григорьева // Семантико-синтаксические особенности предложения в романо-германских языках: межвуз. сб. науч. тр. – Ярославль, 1978. – С. 19–35.
48. Гулыга, Е. В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. – М.: Просвещение, 1969. – 184 с.
49. Гуревич, В. В. Модальная актуализация смысловых компонентов предложения и слова / В. В. Гуревич // Филологические науки. – М.: Высш. шк., 1985. – № 2. – С. 50–54.
50. Дешериева, Т. И. Категория модальности в нахских и иноструктурных языках / Т. И. Дешериева. – М.: Наука, 1988. – 207 с.
51. Дружинина, В. В. Модальность в языке и речи / В. В. Дружинина, К. Келлер. – М.: Высш. шк., 1986. – 96 с.
52. Ермолаева, Л. С. Типология системы наклонений в современных германских языках / Л. С. Ермолаева // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1977. – № 4. – С. 97–106.
53. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1958. – 404 с.
54. Жеребков, В. А. К вопросу о семантической структуре категории наклонения / В. А. Жеребков // Сб. докл. и сообщ. лингвистического общества. – Калинин, 1973. – Вып. 2. – С. 24–38.
55. Жеребков, В. А. Глагол / В. А. Жеребков. – М.: Высш. шк., 1977. – 192 с.
56. Зализняк, А. А. О понятии имплицативного типа (для глаголов с пропозициональным актантом) / А. А. Зализняк // Логический анализ языка. Знание и мнение: сб. науч. тр. – М.: Наука, 1988. – С. 107–121.
57. Зверева, Е. А. Научная речь и модальность / Е. А. Зверева. – Л.: Наука, 1983. – 160 с.
58. Зеленецкий, А. Л. Теория немецкого языкознания / А. Л. Зеленецкий, О. В. Новожилова. – М.: Академия, 2003. – 394 с.

59. Зеленецкий, А. Л. Сравнительная типология основных европейских языков / А. Л. Зеленецкий. – М.: Изд. центр «Академия», 2004. – 252 с.
60. Зеленщиков, А. В. Взаимодействие категорий: модальность и время [Электронный ресурс] / А. В. Зеленщиков. – Режим доступа: http://www.phil.pu.ru/depts/02/anglistikaXXI_02/36.htm.
61. Зиндер, Л. Р. Научная грамматика немецкого языка / Л. Р. Зиндер, Т. В. Сокольская. – Л.: Учпедгиз, 1938. – 320 с.
62. Золотова, Г. А. О модальности предложения в русском языке / Г. А. Золотова // Филологические науки. – М.: Высш. шк., 1962. – № 4. – С. 65–79.
63. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 351 с.
64. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М., 2004. – 544 с.
65. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М.: КомКнига, 2007. – 368 с.
66. Ермолаева, Л. С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков / Л. С. Ермолаева. – М.: Высш. шк., 1987. – 128 с.
67. Иванова, И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. – М.: Высш. шк., 1981. – 285 с.
68. Ивин, А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. – 230 с.
69. Ивин, А. А. Логика норм / А. А. Ивин. – Изд-во Московского ун-та, 1973. – 122 с.
70. Ивин, А. А. Логика [Электронный ресурс]. – М.: Знание, 1998. – 240 с. – Режим доступа: http://ru.philosophy.kiev.ua/edu/ref/logic/ivin.html#_Тoc512455385.
71. Ивлев, Ю. В. Модальная логика / Ю. В. Ивлев. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1991. – 224 с.
72. Ивлев, Ю. В. Логика / Ю. В. Ивлев. – М.: Наука, 1994. – 284 с.

73. Ильиш, Б. А. История английского языка / Б. А. Ильиш. – М.: Высш. шк., 1968. – 420 с.
74. Исаев, А. В. К вопросу о делении суждений по модальности / А. В. Исаев // Логико-грамматические очерки. – М.: Высш. шк., 1961. – С. 85–96.
75. Кант, И. Сочинения в шести томах / И. Кант. – Т. 3 – М.: Мысль, 1964. – 799 с.
76. Каракулова, М. К. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков / М. К. Каракулова, Б. И. Каракулов. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский ун-т», 2001. – 228 с.
77. Касевич, В. Б. Элементы общей лингвистики / В. Б. Касевич. – М.: Наука, 1977. – 183 с.
78. Касевич, В. Б. Труды по языкознанию: в 2 тт. / В. Б. Касевич. – СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2006. – Т. 1. – 664 с.
79. Качалова, К. Н. Практическая грамматика английского языка / К. Н. Качалова, Е. Е. Израилевич. – М.: ЮНВЕС ЛИСТ, 1997. – 718 с.
80. Кельмаков, В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография / В. К. Кельмаков. – Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1998. – 386 с.
81. Кельмаков, В. К. Удмуртский язык в типологическом и контактологическом аспекте / В. К. Кельмаков. – Ижевск, 2000. – 70 с.
82. Кибардина, Т. М. Выражение модальности в удмуртском языке / Т. М. Кибардина // Пермистика: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. – Сыктывкар: Коми науч. центр Уральского отделения РАН, 1999. – С. 97–100.
83. Клепикова, Т. А. К вопросу о категориальной лабильности английских модально-связочных глаголов / Т. А. Клепикова // Актуальные проблемы сопоставительного языкознания и межкультурные коммуникации: материалы межрегион. конф. – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1999. – С. 133–134.

84. Кобяков, Ю. Ф. Модальный и прагматический аспект предложения / Ю. Ф. Кобяков // Вопросы грамматики немецкого языка: сб. науч. тр. – М., 1977. – Вып. 109. – С. 71–83.
85. Колосова, Т. А. О диктуме и модусе в сложном предложении / Т. А. Колосова // Филологические науки. – М.: Высш. шк., 1979. – № 2. – С. 47–53.
86. Колшанский, Г. В. К вопросу о содержании языковой категории модальности / Г. В. Колшанский // Вопросы языкознания. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – № 1. – С. 94–99.
87. Колшанский, Г. В. Логика и структура языка / Г. В. Колшанский. – М.: Высш. шк., 1965. – 240 с.
88. Корди, Е. Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке / Е. Е. Корди. – Л.: Наука, 1988. – 168 с.
89. Корди, Е. Е. Оптативность / Е. Е. Корди // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 170–185.
90. Кошечкина, И. Г. Теоретическая грамматика английского языка / И. Г. Кошечкина. – М.: Просвещение, 1982. – 336 с.
91. Крашенинникова, Е. А. Модальные глаголы в немецком языке / Е. А. Крашенинникова. – М.: Учпедгиз, 1954. – 128 с.
92. Кривоносов, А. Т. Класс модальных слов как выражение структуры языка (на материале немецкого языка) / А. Т. Кривоносов // Структура предложения и классы слов в романо-германских языках: ежегодн. межвуз. темат. сб. – Калинин, 1972. – Вып. 1. – С. 106–128.
93. Крушельницкая, К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков / К. Г. Крушельницкая. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1961. – 265 с.
94. Крушельницкая, К. Г. Советы переводчику / К. Г. Крушельницкая. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 320 с.
95. Крылова, И. П. Модальность в современном английском языке / И. П. Крылова, Е. М. Гордон. – М.: Лист Нью, 2002. – 208 с.

96. Куманичкина, Л. Ф. Взаимосвязь категории отрицания с модальностью предложения / Л. Ф. Куманичкина // Вопросы синтаксиса и лексикологии немецкого языка. – М., 1964. – С. 93–101.
97. Левицкий, Ю. А. Основы теории синтаксиса / Ю. А. Левицкий. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2003. – 419 с.
98. Левицкий, Ю. А. Теоретическая грамматика современного английского языка / Ю. А. Левицкий. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2004. – 156 с.
99. Левицкий, Ю. А. Проблемы лингвистической семантики / Ю. А. Левицкий. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2008. – 160 с.
100. Лекант, П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке / П. А. Лекант. – М.: Высш. шк., 1976. – 144 с.
101. Ломтев, Т. П. Основы синтаксиса современного русского языка / Т. П. Ломтев. – М.: Учпедгиз, 1958. – 166 с.
102. Ломтев, Т. П. Предложение и его грамматические категории / Т. П. Ломтев. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – 200 с.
103. Лопатина, М. Ю. Способы актуализации семантики предпочтения (на материале английского языка): автореф. дис. канд. филол. наук / М. Ю. Лопатина. – Барнаул, 2006. – 16 с.
104. Майсак, Т. А. Пространство говорящего в категориях грамматики или *Чего нельзя сказать о себе самом* / Т. А. Майсак, С. Г. Татевосов // Вопросы языкознания. – М., 2000. – № 5. – С. 68–80.
105. Маслова, А. Ю. К вопросу о специфике категории побудительности / А. Ю. Маслова // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 9: Филология, востоковедение, журналистика. – СПб., 2008. – Вып. 3, ч. 1. – С. 62–67.
106. Матвеев, А. А. Модальность знания как модальность логического типа (на материале русских и английских публицистических текстов) / А. А. Матвеев // Филологические науки. – М., 2002. – № 2. – С. 89–97.
107. Мезенин, С. М. Семантика модального сказуемого в современном английском языке / С. М. Мезенин // Семантика языковых единиц разных уров-

- ней (на материале романо-германских языков): тезисы докл. науч.-практ. конф. – Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 1992. – С. 74–76.
108. Мецлер, А. А. О лингвистическом статусе категории модальности / А. А. Мецлер // Филологические науки. – М.: Высш. шк., 1982. – № 4. – С. 66–72.
109. Мещанинов, И. И. Понятийные категории в языке / И. И. Мещанинов // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка. – М.: Высш. шк., 1981. – С. 56–61.
110. Мещанинов, И. И. Глагол / И. И. Мещанинов. – Л.: Наука, 1982. – 272 с.
111. Милосердова, Е. В. Вопросы синтаксической семантики в курсе теоретической грамматики немецкого языка / Е. В. Милосердова. – Тамбов, 1983. – 72 с.
112. Милютина, М. Г. Система частных значений вида и семантика потенциальной имплицитной модальности / М. Г. Милютина // Вестник Удмуртского ун-та. – Ижевск, 2004. – № 5, спецвып. Филологические науки. – С. 90–98.
113. Милютина, М. Г. Семантика конативности и потенциальная модальность: комплекс «попытка – результат» и его выражение в современном русском языке: автореф. дис. д-ра филол. наук / М. Г. Милютина. – Ижевск, 2005. – 56 с.
114. Михайлов, Л. М. Коммуникативная грамматика немецкого языка / Л. М. Михайлов. – М.: Высш. шк., 1994. – 256 с.
115. Москальская, О. И. Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью / О. И. Москальская // Вопросы языкознания. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – № 5. – С. 87–93.
116. Москальская, О. И. История немецкого языка / О. И. Москальская. – М., Л.: Просвещение, 1965. – 280 с.
117. Москальская, О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка / О. И. Москальская. – М.: Высш. шк., 1975. – 368 с.

118. Муллаянова-Петрова, Г. И. Особенности взаимодействия функционально-семантических полей желательности и побудительности / Г. И. Муллаянова-Петрова // Актуальные проблемы сопоставительного языкознания и межкультурные коммуникации: материалы межрегион. конф. – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1999. – С. 159–160.
119. Натанзон, Е. А. Косвенные наклонения и модальные глаголы в английском языке / Е. А. Натанзон. – М.: Международные отношения, 1967. – 160 с.
120. Небыкова, С. И. Синонимия средств выражения модальности возможности и необходимости / С. И. Небыкова // Филологические науки. – М.: Высш. шк., 1973. – № 3. – С. 85–92.
121. Немец, Г. П. Семантико-синтаксические средства выражения модальности в русском языке / Г. П. Немец. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1989. – 144 с.
122. Нестерович, Т. Н. Структурно-семантические отношения в безличном предложении *Il est + Adj + de + Inf* / Т. Н. Нестерович // Романское и германское языкознание. Грамматика, лексикология и стилистика романских и германских языков: Сб. науч. тр. – Минск, 1977. – Вып. 2. – С. 38–46.
123. Олзоева, Я. В. О системности предложения с семантикой оценки действия / Я. В. Олзоева // Русский язык в школе. – М., 2005. – № 3. – С. 87–91.
124. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. XVII. Теория речевых актов. – С. 22–130.
125. Остроухова, Л. А. Роль модальных компонентов в интегрировании общей семантики вопросительных предложений / Л. А. Остроухова // Семантическое взаимодействие языковых единиц различных уровней: сб. науч. тр. – Л., 1985. – С. 74–84.
126. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е. В. Падучева. – М.: Наука, 1985. – 272 с.

127. Панфилов, В. З. Взаимоотношение языка и мышления / В. З. Панфилов. – М.: Наука, 1971. – 232 с.
128. Панфилов, В.З. Категория модальности и её роль в конструировании предложения и суждения / В. З. Панфилов // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1977. – № 4. – С. 37–48.
129. Панфилов, В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания / В. З. Панфилов. – М.: Наука, 1982. – 357 с.
130. Петров, Н. Е. О содержании и объёме языковой модальности / Н. Е. Петров. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. – 161 с.
131. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
132. Поздеев, В. В. Структурные особенности аналитических форм удмуртского и немецкого глагола / В. В. Поздеев // Вопросы грамматики и контактирования языков. – Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и лит-ры УрО АН СССР, 1990. – С. 154–163.
133. Праслова, И. Н. Особенности функционирования модальных глаголов во вторичной функции (на примере глагола *wollen*) / И. Н. Праслова // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: межвуз. сб. науч. ст. – Тамбов: ТОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2006. – Вып. I. – С. 419–421.
134. Преображенский, С. К. К вопросу о лексико-грамматических показателях «модальности предположения» в современном немецком языке / С. К. Преображенский // Вопросы германской филологии: сб. науч. тр. – Ярославль, 1975. – Вып. 133 – С. 56–69.
135. Преображенский, С. К. Возможность анализа отдельных компонентов и их взаимосвязи у лексико-грамматических показателей «модальности предположения» в немецком языке / С. К. Преображенский // Семантико-синтаксические особенности предложения в романо-германских языках: межвуз. сб. науч. тр. – Ярославль, 1978. – С. 3–17.

136. Пушина, Н. И. Особенности реализации модальных значений в залоговых конструкциях в английском и удмуртском языках / Н. И. Пушина, Г. А. Тронина // Вопросы грамматики и контактирования языков. – Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и лит-ры УрО АН СССР, 1990. – С. 164–170.
137. Пушина, Н. И. Межкатегориальные связи в грамматике неличных форм английского глагола / Н. И. Пушина. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский ун-т», 2000. – 170 с.
138. Пушина, Н. И. Неличные формы глагола в ономаσιологическом и когнитивном аспектах / Н. И. Пушина // Вопросы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский ун-т», 2006. – С. 261–273.
139. Разлогова, Е. Э. Эксплицитные и имплицитные пропозициональные установки в причинно-следственных и условных конструкциях / Е. Э. Разлогова // Логический анализ языка. Знание и мнение: сб. науч. тр. – М.: Наука, 1988. – С. 98–107.
140. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
141. Русская грамматика [Электронный ресурс] / Академия Наук СССР Институт Русского Языка. – Режим доступа: <http://www.rusgram.narod.ru/index2.html#4>.
142. Самуйлова, Л. В. Лексические индикаторы модальности предложения при временных будущего в современном немецком языке / Л. В. Самуйлова // Актуальные аспекты описания современной немецкой лексики: сб. науч. тр. – Калинин: КГУ, 1985. – С. 86–93.
143. Селезнёва, Е. С. О некоторых особенностях средств выражения модальности сомнительной оценки (на материале английского, французского и русского языков) / Е. С. Селезнёва // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 1999. – Вып. 1. Проблемы философии языка и сопоставительной лингвистики. – С. 74–80.

144. Серль, Дж. Р. Что такое речевой акт? / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. XVII. Теория речевых актов. – С. 151–169.
145. Скворцова, Н. В. Варианты модального значения футурума I – II в вопросительном предложении в немецком языке / Н. В. Скворцова // Семантическое взаимодействие языковых единиц различных уровней: сб. науч. тр. – Л., 1985. – С. 85–93.
146. Слинин, Я. А. Теория модальностей в современной логике / Я. А. Слинин // Логическая семантика и модальная логика. – М.: Наука, 1967. – С. 119–147.
147. Слинин, Я. А. Современная модальная логика / Я. А. Слинин. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1976. – 103 с.
148. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1957. – 286 с.
149. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка. – М.: Высш. шк., 1981. – С. 321–325.
150. Смирницкий, А. И. Лекции по истории английского языка / А. И. Смирницкий. – М.: Добросвет, 2000. – 283 с.
151. Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. – М.: Высш. шк., 1989. – 800 с.
152. Степанов, Ю. С. Основы общего языкознания / Ю. С. Степанов. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.
153. Степанов, Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения / Ю. С. Степанов. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
154. Степанюк, С. В. Дифференциальные признаки синтаксической категории цели / С. В. Степанюк // Филологические науки. – М.: Высш. шк., 1976. – № 1. – С. 76–82.
155. Тараканов, И. В. Исследования и размышления об удмуртском языке / И. В. Тараканов. – Ижевск: Удмуртия, 1998. – 482 с.

156. Титов, В. Т. Прагматические аспекты модальности предположения / В. Т. Титов // Функционирование языковых единиц в речи и в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. – С. 134–142.
157. Трунова, О. В. О семантико-синтаксической структуре предложения / О. В. Трунова // Теория и методы исследования текста и предложения: межвуз. сб. науч. тр. – Л., 1981. – С. 146–153.
158. Трунова, О. В. Функциональные модификации модальных глаголов / О. В. Трунова // Функциональные типы и функциональные модификации языковых единиц: межвуз. сб. науч. тр. – Л., 1983. – С. 136–141.
159. Трунова, О. В. Природа и языковой статус категории модальности / О. В. Трунова. – Барнаул–Новосибирск: Барнаульский гос. пед. ин-т, 1991. – 130 с.
160. Трунова, О. В. Модальность: Модальные глаголы в языке и речи / О. В. Трунова, Т. Д. Максимова, Н. В. Москаленко. – Барнаул: БГПУ, 2007. – 199 с.
161. Ушаков, Г. А. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков / Г. А. Ушаков. – Ижевск: Удмуртия, 1982. – 144 с.
162. Фейс, Р. Модальная логика / Р. Фейс. – М.: Наука, 1974. – 520 с.
163. Филичева, Н. И. Синтаксические поля / Н. И. Филичева. – М.: Высш. шк., 1977. – 213 с.
164. Фридман, Л. Г. О связи модальности и средств её выражения с целенаправленностью предложений / Л. Г. Фридман // Некоторые вопросы немецкой филологии. – Пятигорск: Пятигорский гос. пед. ин-т иностр. языков, 1971. – С. 136–155.
165. Хинтиikka, Я. Логико-эпистемологические исследования / Я. Хинтиikka. – М.: Прогресс, 1980. – 448 с.
166. Хорнби, А. С. Конструкции и обороты английского языка / А. С. Хорнби. – М.: АО «Буклет», 1994. – 336 с.

167. Худяков, А. А. Теоретическая грамматика английского языка / А. А. Худяков. – М.: Изд. центр «Академия», 2005. – 256 с.
168. Цейтлин, С. Н. Необходимость / С. Н. Цейтлин // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 142–157.
169. Целищев, В. В. Философские проблемы логики (семантические аспекты): Моногр. / В. В. Целищев, В. В. Петров. – М.: Высш. шк., 1984. – 128 с.
170. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – 281 с.
171. Чесноков, П. В. Логическая фраза и предложение / П. В. Чесноков. – Ростов: Изд-во Ростовского ун-та, 1961. – 100 с.
172. Чесноков, П. В. Основные единицы языка и мышления / П. В. Чесноков. – Ростов: Ростовское книжное изд-во, 1966. – 287 с.
173. Шаламов, Ю. В. Аналитические конструкции в системе английского глагола / Ю. В. Шаламов. – Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1994. – 76 с.
174. Шахматов, А. А. Из трудов по современному русскому языку / А. А. Шахматов. – М: Учпедгиз, 1952. – 271 с.
175. Шахова, Н. И. Ещё один подход к модальным глаголам / Н. И. Шахова, В. Г. Рейнгольд // Чтение, перевод, устная речь. Методика и лингвистика. – Л.: Наука, 1977. – С. 35–78.
176. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 377 с.
177. Шведова, Н. Ю. Один из возможных путей построения функциональной грамматики русского языка / Н. Ю. Шведова // Проблемы функциональной грамматики. – М.: Наука, 1985. – С. 30–37.
178. Шелякин, М. А. Модально-аспектуальные связи / М. А. Шелякин // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 110–123.
179. Шелякин, М. А. Русский инфинитив (морфология и функции) / М. А. Шелякин. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 160 с.

180. Шендельс, Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике / Е. И. Шендельс. – М.: Высш. шк., 1970. – 204 с.
181. Шендельс, Е. И. Практическая грамматика немецкого языка / Е. И. Шендельс. – М.: Высш. шк., 1988. – 416 с.
182. Якобсон, Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 95–113.
183. Admoni, W. G. Der deutsche Sprachbau / W. G. Admoni. – Л.: Учпедгиз, 1960. – 264 с.
184. A New University English Grammar / О. В. Емельянова, А. В. Зеленщиков, Е. С. Петрова и др. – СПб.: Филологический фак-т СПбГУ; М.: Изд. центр «Академия», 2003. – 640 с.
185. Buscha, J. Modalverben / J. Buscha, G. Heinrich, I. Zoch. – Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1989. – 55 S.
186. Diewald, G. *Scheinen*-Probleme: Analogie, Konstruktionsmischung und die Sogwirkung aktiver Grammatikalisierungskanäle / G. Diewald // Modalität und Modalverben im Deutschen. – Hamburg: Buske, 2001. – S. 87–109.
187. Duden Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1998. – 912 S.
188. Einführung in die germanistische Linguistik / J. Meibauer. – Stuttgart, Weimar: Metzler, 2002. – 364 S.
189. Elst, G. v. Syntaktische Analyse / G. v. Elst, M. Habermann. – Erlangen, Jena: Palm und Enke, 1997. – 227 S.
190. Engel, U. Syntax der deutschen Gegenwartssprache [Электронный ресурс] / U. Engel. – Режим доступа: <http://www.fb10.uni-bremen.de/linguistik/khwagner/tempus/pdf/Engel.pdf>.
191. Engel, U. Kommunikative Grammatik Deutsch als Fremdsprache / U. Engel, R. K. Tertel. – München: Iudicium-Verlag, 1993. – 346 S.
192. Erben, J. Abriss der deutschen Grammatik / J. Erben. – Berlin: Akademie-Verlag, 1965. – 316 S.

193. Eroms, H.–W. Die Satztypen im Deutschen / H.–W. Eroms // Das Wort. Germanisches Jahrbuch – Deutscher Akademischer Austauschdienst, 1998. – S. 21–36.
194. Fintel, K. v. Modality and Language [Электронный ресурс] / K. v. Fintel // Encyclopedia of Philosophy. – Detroit: MacMillan Reference USA, 2006. – Режим доступа: <http://mit.edu/fintel/www/modality.pdf>.
195. Fujinawa, Y. Zur Identifikation des sogenannten logischen Subjekts beim deutschen *zu*-Infinitiv [Электронный ресурс] / Y. Fujinawa. – Режим доступа: <http://www.h.ehime-u.ac.jp/~germanistik/fujinawa/ms/yf1996.pdf>.
196. Fujinawa, Y. Kategorien in der Syntax: Grammaticale Kategorien, Markiertheit und Sprecherperspektive [Электронный ресурс] / Y. Fujinawa. – Режим доступа: <http://www.h.ehime-u.ac.jp/~germanistik/fujinawa/ms/yf2001.pdf>.
197. Genzmer, H. Deutsche Grammatik / H. Genzmer. – Frankfurt am Main, Leipzig: Insel Verlag, 1995. – 384 S.
198. Helbig, G. Deutsche Grammatik / G. Helbig, J. Buscha. – Leipzig, Berlin, München: Langenscheidt Verlag Enzyklopädie, 1991. – 736 S.
199. Holl, D. Was ist modal an Modalen Infinitiven? / D. Holl // Modalität und Modalverben im Deutschen. – Hamburg: Buske, 2001. – S. 217–238.
200. Jedig, H. Deutsche Grammatik (Syntax) / H. Jedig. – Tomsk: Universitätsverlag, 1967. – 280 S.
201. Jung, W. Grammatik der deutschen Sprache / W. Jung. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1968. – 518 S.
202. Kessel, K. Basiswissen Deutsche Gegenwartssprache / K. Kessel, S. Reimann. – Tübingen und Basel: A. Francke Verlag, 2005. – 276 S.
203. Kirschbaum, E. G. Kurze Russische Sprachlehre / E. G. Kirschbaum, E. Krebschmar. – Berlin: Volk und Wissen, 1976. – 163 S.
204. Kiss, T. Subjektselektion bei Infinitiven [Электронный ресурс] / T. Kiss. – Режим доступа: http://www.linguistics.ruhr-uni-bochum.de/~kiss/-publications/Kiss_Grenoble.pdf.

205. Krifka, M. Modalität und Konditionalsätze [Электронный ресурс] / M. Krifka. – Режим доступа: <http://amor.cms.hu-berlin.de/~h2816i3x/-Semantik-11-Modalitaet.pdf>.
206. Lyons, J. Introduction to theoretical linguistics / J. Lyons. – London: Cambridge University Press, 1968. – 520 p.
207. Paul, H. Deutsche Grammatik / H. Paul. – Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1958. – Band II. Teil III: Flexionslehre. – 345 S.
208. Petrič, T. Identifikation des Verbalkomplexes im Mannheimer Valenzmodell [Электронный ресурс] / T. Petrič. – Режим доступа: http://www.pfmb.uni-mb.si/programi/nem/Germanistik_files/virtual/petric/pdf/syntax1/Verbalkomplex%20im%20Mannheimer%20Valenzmodell.pdf.
209. Pittner, K. Deutsche Syntax / K. Pittner, J. Berman. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2004. – 200 S.
210. Polenz, P. v. Deutsche Satzsemantik / P. v. Polenz. – Berlin: Walter de Gruyter, 2008. – 389 S.
211. Reis, M. Bilden Modalverben im Deutschen eine syntaktische Klasse? / M. Reis // Modalität und Modalverben im Deutschen. – Hamburg: Buske, 2001. – S. 287–317.
212. Schmidt, W. Grundfragen der deutschen Grammatik / W. Schmidt. – Berlin: Volk und Wissen Volkseigener Verlag, 1966. – 323 S.
213. Sommerfeldt, K.–E. Einführung in die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / K.–E. Sommerfeldt, G. Starke. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1988. – 327 S.
214. Weinrich, H. Textgrammatik der deutschen Sprache / H. Weinrich. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1993. – 1111 S.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
2. Баранов, А. Н. Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов: с английскими эквивалентами / А. Н. Баранов. – М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА : ФСТ-ПРЕСС МАРТ, 2006. – 496 с.
3. Большой энциклопедический словарь. Языкознание (**БЭСЯ**) / Под ред. В. Н. Ярцевой – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. – 685 с.
4. Кондаков, Н. И. Логический словарь / Н. И. Кондаков. – М.: Наука, 1971. – 656 с.
5. Красных, В. И. Словарь сочетаемости: глаголы, предикативы, прилагательные и причастия / В. И. Красных. – М.: Астрель: АСТ, 2005. – 304 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь (**ЛЭС**). – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
7. Можейко, М. А. Возможность и действительность [Электронный ресурс] (**Можейко а**) / М. А. Можейко. – Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/dict/phil_dict/article//filo/filo-125.htm.
8. Можейко, М. А. Возможные миры [Электронный ресурс] (**Можейко б**) / М. А. Можейко. – Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/dict/phil_dict/article//filo/filo-126.htm.
9. Насибуллин, Р. Ш. Краткий удмуртско-русский и русско-удмуртский словарь / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский ун-т», 1995. – 368 с.
10. Немецко-русский (основной) словарь / К. Лейн, Д. Г. Мальцева, А. Н. Зуев и др. – М.: Рус. яз., 1998. – 1040 с.
11. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: А ТЕМП, 2004. – 944 с.
12. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.

13. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века [Электронный ресурс] / В. П. Руднев. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/edu/ref/rudnev/-index.htm>.
14. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред.: Ю. Н. Караулов – М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия»: Изд. дом «Дрофа», 1998. – 703 с.
15. Философская энциклопедия (**ФЭ**) / Гл. ред.: Ф. В. Константинов. – М.: Сов. энциклопедия, 1964. – Т. 3. – 584 с.
16. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 тт. / А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов, Г. С. Журавлёва и др. – М.: Флинта: Наука, 2008. – Т. 2. – 816 с.
17. Duden Deutsches Universalwörterbuch (**DDU**). – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2001. – 1892 S.
18. Helbig, G. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben / G. Helbig, W. Schenkel. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1973. – 458 S.
19. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache (**LGD**). – М.: Издательство Март, 1998. – 1248 с.
20. Schreiber, H. Deutsche Adjektive / H. Schreiber, K.–E. Sommerfeldt, G. Starke – Leipzig: Langenscheidt Verlag Enzyklopädie, 1996. – 144 S.
21. Synonymwörterbuch / M.–E. Fritze, D. Herberg, G. Kramer u. a. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1973. – 644 S.
22. Wikipedia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>, <http://de.wikipedia.org>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Brentano С. Das Märchen von Gockel und Hinkel [Электронный ресурс] / С. Brentano. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
2. Ende, М. Momo / М. Ende. – Stuttgart: К. Thienemanns Verlag, 1973. – 271 S.
3. Fontane, Т. Effi Briest [Электронный ресурс] / Т. Fontane. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
4. Fontane, Т. Der Stechlin [Электронный ресурс] / Т. Fontane. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
5. Goethe, J. W. Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit [Электронный ресурс] / J. W. Goethe. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
6. Goethe, J. W. Egmont [Электронный ресурс] / J. W. Goethe. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
7. Goethe, J. W. Faust [Электронный ресурс] / J. W. Goethe. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
8. Goethe, J. W. Unterhaltungen deutscher Ausgewanderten [Электронный ресурс] / J. W. Goethe. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband:

- Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
9. Goethe, J. W. Die Wahlverwandschaften [Электронный ресурс] / J. W. Goethe. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
  10. Goethe, J. W. Wilhelm Meisters Lehrjahre [Электронный ресурс] / J. W. Goethe. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
  11. Goethe, J. W. Zum Schäkespears Tag [Электронный ресурс] / J. W. Goethe. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
  12. Handke, P. Die linkshändige Frau / P. Handke. – Frankfurt/M.: Suhrkamp Verlag, 1998. – 144 S.
  13. Hebbel, F. Maria Magdalene [Электронный ресурс] / F. Hebbel. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
  14. Hesse, H. Das Glasperlenspiel / H. Hesse. – Frankfurt/M.: Suhrkamp Verlag, 2003. – 570 S.
  15. Hoffmann, E. T. A. Der goldne Topf [Электронный ресурс] / E. T. A. Hoffmann. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.

16. Hoffmann, E. T. A. Klein Zaches [Электронный ресурс] / E. T. A. Hoffmann. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
17. Hoffmann, E. T. A. Der Sandmann [Электронный ресурс] / E. T. A. Hoffmann. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
18. Kafka, F. Der Prozeß [Электронный ресурс] / F. Kafka. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
19. Kafka, F. Die Verwandlung [Электронный ресурс] / F. Kafka. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
20. Keller, G. Der grüne Heinrich [Электронный ресурс] / G. Keller. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
21. Keller, G. Die Leute von Seldwyla [Электронный ресурс] / G. Keller. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
22. Kleist, H.v. Das Erdbeben in Chili / H. v. Kleist. – Hamburger Lesehefte Verlag, 165. Heft. – 32 S.
23. Lebert, B. Crazy / B. Lebert. – Goldmann Verlag, 2001. – 176 S.
24. Moritz, K. Ph. Anton Reiser [Электронный ресурс] / K. Ph. Moritz. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher

- Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
25. Raabe, W. Der Hungerpastor [Электронный ресурс] / W. Raabe. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
  26. Raabe, W. Stopfkuchen [Электронный ресурс] / W. Raabe. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
  27. Schiller, F. Kabale und Liebe [Электронный ресурс] / F. Schiller. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
  28. Schiller, F. Wallenstein [Электронный ресурс] / F. Schiller. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
  29. Schlink, B. Der Vorleser / B. Schlink. – Zürich: Diogenes Verlag, 1997. – 208 S.
  30. Schulze, I. Eine Nacht bei Boris / I. Schulze. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2009. – 88 S.
  31. Stifter, A. Die Mappe meines Urgroßvaters [Электронный ресурс] / A. Stifter. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
  32. Stifter, A. Der Nachsommer [Электронный ресурс] / A. Stifter. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
  33. Süskind, P. Das Parfum / P. Süskind. – Zürich: Diogenes Verlag, 1981. – 351 S.

34. Timm, U. Die Entdeckung der Currywurst / U. Timm. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2004. – 190 S.
35. Timm, U. Das Abendessen / U. Timm. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2009. – 64 S.
36. Wedekind, F. Frühlings Erwachen [Электронный ресурс] / F. Wedekind. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
37. Wieland, C. M. Geschichte des Agathon [Электронный ресурс] / C. M. Wieland. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Sonderband: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker. – Berlin: DirectMedia Publishing GmbH. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
38. Ziergiebel, H. Zeit der Sternschnuppen / H. Ziergiebel. – М.: Изд-во «Менеджер», 2001. – 384 S.
39. Айтматов, Ч. Когда падают горы / Ч. Айтматов. – СПб.: Изд. дом «Азбука классика», 2006. – 480 с.
40. Пелевин, В. Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре / В. Пелевин. – М.: Открытый мир, 2005. – 224 с.
41. Толстая, Т. Кысь / Т. Толстая. – М.: Эксмо, 2007. – 368 с.